

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

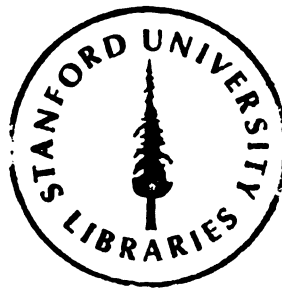
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PG
19
E5
f
v. 12

BUDDE

**OČERK ISTORII SOVREMENNAGO
LITERATURNAGO RUSSKAGO
JAZYKA (XVII – XIX VĚK)**

Entsiklopediia slavjanskoi filologii.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ИЗДАНИЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ
орд. акад. И. В. Ягича.

Выпускъ 12.

— ❖ ❖ ❖ —
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лия., № 12.
1908.

PG 19
ES
f
v. 12

**Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe 1908
nach dem Exemplar der Universitätsbibliothek Berlin**

**ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1973**

**Druck: (32) Nationales Druckhaus VOB National, 1035 Berlin, DDR
Ag 500/4/1973 2000**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ апрѣлѣ 1903 года состоялся по почину Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ предварительный съѣздъ русскихъ филологовъ въ С.-Петербурѣ. Совѣщанія съѣзда сосредоточились главнымъ образомъ на обсужденіи предложеннаго Отдѣленіемъ вопроса о цѣлесообразности и способѣ изданія энциклопедіи по славяновѣдѣнію. Обсудивъ всесторонне этотъ вопросъ, съѣздъ представилъ Отдѣленію выработанный имъ проектъ изданія съ просьбой подвергнуть его дальнѣйшему разсмотрѣнію и не дожидаясь дѣйствительнаго съѣзда славяновѣдъ приступить немедленно къ работамъ по изданію энциклопедіи.

Отдѣленіе откликнулось на выраженное желаніе постановленіемъ внести изданіе энциклопедіи въ программу своихъ занятій. Оно поручило мнѣ (въ засѣданіи 3 мая 1903) завѣдывать редакціей и просило представить планъ и условія изданія. Отдѣленію было хорошо извѣстно, что я, начиная съ осени 1894 года, не переставалъ помышлять о предпріятіи подобнаго рода, указывая на важность его для славянской науки. Сдѣланы были мною даже нѣкоторыя попытки въ смыслѣ осуществленія его. Рѣшеніе Отдѣленія взять въ свои руки изданіе энциклопедіи и обезпечить его своимъ авторитетомъ и своими средствами (о чемъ послѣдовали дальнѣйшія постановленія Отдѣленія 26 окт. 1903, 24 ноября 1903 и 25 апр. 1904) представляло для меня такое ручательство успѣха, что я охотно согласился быть редакторомъ энциклопедіи, издаваемой отъ имени Отдѣленія. Прежде всего я вызвалъ согласіе Отдѣленія на то, что пока энциклопедія должна по примѣру издаваемыхъ въ Германіи «грундрисовъ» ограничиться одной филологической частью славяновѣдѣнія, вслѣдствіе чего изданію назначено заглавіе: «Энциклопедія славянской филологіи». При выработкѣ программы основаніемъ послужили указанія предварительнаго съѣзда, приняты также въ соображеніе замѣчанія членовъ

Отдѣленія, академиковъ А. Шахматова, Ф. Фортунатова и А. Соболевскаго. По окончательно Отдѣленіемъ одобренному плану (въ засѣданіи 21 февр. 1905) Энциклопедія славянской филологіи должна состоять изъ Общаго Введенія и трехъ главныхъ Отдѣловъ: перваго, по всѣмъ вопросамъ, касающимся славянскихъ языковъ и нарѣчій (лингвистическая часть), второго, по исторіи славянскихъ литературъ (историко-литературная часть), третьяго, относящагося къ быту славянскихъ народовъ (этнографическая часть). Полный объемъ всѣхъ трехъ Отдѣловъ разсчитанъ приблизительно на шесть томовъ, по 80—100 листовъ на каждый томъ. Подробный проспектъ перваго Отдѣла представленъ ниже на стр. VII—XIV.

Послѣ выработаннаго и одобреннаго Отдѣленіемъ плана была на очереди самая трудная и сложная задача—организация труда, опредѣленіе состава сотрудниковъ. Съ самаго начала мною руководила одна главная мысль—я считалъ существеннымъ условіемъ удачнаго исполненія возложенной на меня задачи, позаботиться о томъ, чтобы привлечь къ участию въ нашемъ предпріятіи лучшихъ знатоковъ дѣла, специалистовъ по каждому отдѣльному вопросу, не обращая вниманія на мѣсто и среду ученой дѣятельности намѣченнаго сотрудника. Реализация этой идеи предполагаетъ извѣстную научную солидарность, которая въ области славянской науки къ сожалѣнію пока еще не проявляется съ особенной силой. Замѣчается скорѣе большая разрозненность, проистекающая отчасти отъ взаимнаго незнакомства, при общеизвѣстной трудности книжнаго сообщенія, отчасти отъ натянутости въ сношеніяхъ, проникающей даже въ область науки. Хотя редакторъ энциклопедіи вправдѣ безъ самохвальства указать на свои широкія связи съ большинствомъ современныхъ представителей славяновѣдѣнія, все таки и ему пришлось, при обширной перепискѣ по задуманному предпріятію, не разъ почувствовать тяжесть положенія и убѣдиться, что взгляды, господствующіе въ широкихъ слояхъ окружающей ученаго среды, въ состояніи заглушить голосъ личнаго расположенія и быть причиной невольнаго отказа. Кромѣ того онытъ доказываетъ, что несравненно легче достигнуть цѣли, приглашая участвовать въ предпріятіи безъ плана, гдѣ каждому участвующему предоставлена полная свобода въ выборѣ и объемѣ темы, чѣмъ привлекая къ сотрудничеству въ дѣлѣ организованномъ по точно выработанной программѣ, требующей извѣстнаго подчиненія даннымъ условіямъ. Наконецъ не надо забывать, что число выдающихся тружениковъ въ нашей наукѣ вообще не очень значительно и что почти всѣ они заняты дѣлами, которыя или не терпятъ отсрочки и перерыва, или же имъ болѣе по сердцу, чѣмъ наше такъ сказать международное предпріятіе, польза котораго въ области славянской науки,

повидимому, не так живо чувствуется, какъ это замѣтно въ опередившихъ насъ филологіяхъ: германской и романской. Въ новѣйшее время усиленная работа въ предѣлахъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій принимаетъ отчасти такой видъ, что она угрожаетъ славянской наукѣ полнымъ разстройствомъ, вносимымъ въ науку отчасти изъ другихъ сферъ народной жизни. Такому центробѣжному теченію можетъ и должна послужить полезнымъ противовѣсомъ — энциклопедія славянской филологіи, преслѣдующая цѣль объединенія науки въ стройную систему, оберегающая ее отъ лишннихъ разливовъ, подобная плотинѣ, регулирующей теченіе рѣки.

Эти намеки на трудности, съ которыми пришлось бороться въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, и которыя замедлили изданіе энциклопедіи, должны быть поняты не какъ выраженіе малодушія, а только какъ оправданіе редакціи въ нѣкоторой просрочкѣ. Несмотря на затрудненія, испытанныя въ организаціи дѣла, теперь можно уже высказать полную надежду, что изданіе, начатое настоящимъ выпускомъ, будетъ безостановочно продолжаться, такъ какъ для всѣхъ почти статей, отмѣченныхъ въ приложенномъ Проспектѣ подъ отдѣльными заглавіями, достигнута уже желаемая цѣль — участіе отличныхъ сотрудниковъ. Нельзя только съ точностью опредѣлить сроки для предполагаемаго поступленія отдѣльныхъ статей въ распоряженіе редакціи. Поэтому съ одобренія Отдѣленія постановлено издавать энциклопедію выпусками, не по порядку программы, а по очереди поступленія готоваго матеріала въ редакцію. Систематическій порядокъ статей сообразно съ программой будетъ отмѣчаемъ числомъ выпуска. Настоящій, напр., выпускъ помѣченъ числомъ 12; это значитъ что по программѣ онъ долженъ занять 12-е мѣсто, предшествовать же должно 11 выпусковъ въ систематическомъ порядкѣ изложенія. Этотъ способъ изданія можетъ быть осуществленъ не иначе, какъ при нѣкоторой неравномѣрности отдѣльныхъ выпусковъ, хотя, насколько возможно, правиломъ будемъ считать по десяти листовъ, не меньше, на одинъ выпускъ. Такимъ образомъ иногда по нѣскольку статей небольшого объема войдутъ въ одинъ выпускъ, между тѣмъ какъ разработка болѣе обширнаго вопроса однимъ авторомъ займетъ только одинъ выпускъ и въ такомъ случаѣ, если онъ числомъ листовъ превзойдетъ вышеуказанный размѣръ десяти листовъ.

О цѣли энциклопедіи едва ли нужно распространяться. Въ ней должно вѣрно отражаться, какъ въ зеркалѣ, современное состояніе науки со всѣми ея проблемами или недостатками. Непремѣннымъ условіемъ каждой статьи предполагаются точныя указанія библіографіи предмета, чтобы желающій могъ по источникамъ наводить дальнѣйшія справки. Изложеніе должно быть

по возможности сжатое и вестись конечно въ строго научномъ духѣ, избѣгая всѣ лишнія уклоненія въ область чуждыхъ предмету разсужденій. Но само собою разумѣется, что сотрудникамъ во всемъ остальномъ предоставлена полная свобода взглядовъ, за которые они, конечно, также берутъ на себя отвѣтственность.

Будемъ надѣяться, что выходъ настоящаго выпуска обнадежитъ нашихъ сотрудниковъ и ускоритъ ихъ участіе въ этомъ научномъ предпріятіи. Быть можетъ онъ заставитъ также иныхъ пока еще колеблющихся отбросить сомнѣнія и примкнуть къ общему дѣлу на пользу процвѣтанія славянской науки.

И. В. Ягичъ.

Вѣна, 1/14 декабря 1907.

ПРОСПЕКТЪ

ЭНЦИКЛОПЕДИИ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

ВВЕДЕНИЕ.

1. **Исторія славянской филологіи.** И. Ягичъ (прибл. 10 листовъ. *Выпускъ 1*).
2. **Обозрѣніе современнаго славянства.** Л. Нидерле (6—8 лл. *Выпускъ 2*).
3. **Графика у славянъ** (прибл. 15 л. *Выпускъ 3—4*):
 - а) **Вопросъ о рунахъ.** И. Ягичъ ($\frac{1}{2}$ —1 л.).
 - б) **Греческое письмо въ IX стол.** В. Гардтгаузенъ (1—2 л.).
 - в) **Глаголическое письмо.** И. Ягичъ (2 л.).
 - г) **Кирилловское письмо** (6—7 л.):
 - У южныхъ славянъ. П. Лавровъ (3 л.).
 - На Руси. А. Соболевскій (3 л.).
 - У румынъ. Э. Калужняцкій ($\frac{1}{2}$ —1 л.).
 - д) **Тайное письмо** (1—2 л.):
 - У южныхъ славянъ. Д. Костичъ.
 - У Русскихъ. М. Сперанскій.
 - е) **Латинское письмо у югозападныхъ славянъ:**
 - Поляковъ. А. Брикнеръ ($\frac{1}{2}$ л.).
 - Чеховъ. І. Гебауеръ ($\frac{1}{2}$ л.).
 - Лужичанъ. Э. Мука ($\frac{1}{4}$ л.).
 - Словенцевъ. К. Штрекель ($\frac{1}{4}$ л.).
 - Хорватовъ. М. Решетаръ ($\frac{1}{2}$ —1 л.).
 - ж) **Греческое письмо у Болгаръ.** Л. Милетичъ ($\frac{1}{4}$ л.).

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ.

I

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЕ ВОПРОСЫ ВЪ ОБЛАСТИ ЯЗЫКА.

1. Психическія основанія, примѣнительно къ славянскимъ языкамъ. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ (2—3 л.).
 2. Физиологія славянской рѣчи. В. Богородицкій, О. Брокъ, І. Розвадовскій, А. Фринта (5—7 л.).
(I. 1. 2: *Выпускъ 5*).
 3. Славянскій языкъ въ средѣ индоевропейской. Іос. Зубатый (4 л.).
 4. Очеркъ праславянской грамматики. Ф. Фортунатовъ (5—6 л.).
(I. 3. 4: *Выпускъ 6*).
 5. Славянское словообразованіе. Г. Ульяновъ (4 л.).
 6. Главныя черты славянскаго синтаксиса. А. Лескинъ (4 л.).
(I. 5. 6: *Выпускъ 7*).
 7. Праславянское удареніе. А. Шахматовъ (3 л.).
 8. Славянская метрика въ произведеніяхъ народнаго творчества. Ө. Коршъ (5—6 л.).
 9. Классификація славянскихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ (2 л.).
(I. 7. 8. 9: *Выпускъ 8*).
-

II

ОТДѢЛЬНЫЕ СЛАВЯНСКІЕ ЯЗЫКИ ВЪ ГРАММАТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

1. Церковно-славянская группа (лл. прибл. 18):

- а) Историческое введеніе. И. Ягичъ (1—2 л.).
- б) Грамматика церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ. А. Лескинъ (6—8 л.).
- в) Измѣненіе церковно-славянскаго языка съ примѣсъю діалектической:
 - На почвѣ чешско-моравской. Фр. Пастернекъ ($\frac{1}{4}$ л.).
 - На почвѣ болгарской. С. Кульбакинъ (1 л.).
 - На почвѣ сербской. А. Беличъ (1 л.).
 - На почвѣ хорватской. И. Мильчетичъ ($\frac{1}{2}$ л.).
 - На почвѣ русской. А. Соболевскій (3 л.).
 - На почвѣ румынской. Э. Калужняцкій (1 л.).
- г) Удареніе въ церковно-славянскихъ текстахъ. П. Лавровъ (2—3 л.).
(П. 1: *Выпускъ 9—10*).

2. Русская группа (лл. прибл. 30):

- а) Историческое введеніе. А. Шахматовъ (2—3 л.).
- б) Историческая грамматика древнерусскаго языка. А. Шахматовъ (6 л.).
- в) Образованіе современнаго литературнаго русскаго языка. Е. Будде (прибл. 8 л.).
- г) Обзоръ современныхъ великорусскихъ нарѣчій. А. Соболевскій (5—6 л.).
- д) Бѣлорусскія нарѣчія. Е. Карскій (2—3 л.).
- е) Образованіе современнаго литературнаго малорусскаго языка. П. Житецкій (3—4 л.).
- ж) Малорусскія нарѣчія. Е. Тимченко (4—5 л.).
- з) Русское удареніе. Р. Брандтъ (3—4 л.).
(П. 2: *Выпускъ 11—13*).

3. Польско-полабская группа (прибл. 18—20 л.):

- а) Историческое введение. А. Брикнеръ (1—2 л.).
 - б) Грамматика древнепольского языка. В. Нерингъ (3—4 л.).
 - в) Образование соврем. литер. польского языка. В. Нерингъ (2 л.).
 - г) Обзоръ польскихъ нарѣчій. В. Поржежинскій, К. Ничъ (3—4 л.).
 - д) Особенности кашубско-поморскихъ говоровъ. Ф. Лоренцъ (2 л.).
 - е) Особенности полабского нарѣчія. І. Миккола (2 л.).
 - ж) Удареніе въ польскомъ языкѣ. С. Кульбакинъ ($\frac{1}{2}$ л.).
- (П. 3: *Выпускъ 14—15*).

4. Чешско-лужицкая группа (прибл. 18—20 л.):

А. Чешскій языкъ.

- а) Историческое введение. В. Флайшгансъ (1 л.).
- б) Историческая грамматика древнечешского языка. Э. Сметанка (3—4).
- в) Образование современного литературного чешского языка. В. Вондракъ (2—3).
- г) Обзоръ чешско-моравскихъ нарѣчій. Фр. Пастернекъ (3—4).
- д) Образование современного литературного словацкого языка. Фр. Пастернекъ (2 л.).
- е) Обзоръ словацкихъ нарѣчій. Фр. Пастернекъ (2 л.).
- ж) Чешско-словацкое удареніе. А. Фринта (1 л.).

Б. Лужицкій языкъ.

По аналогіи чешского языка все отъ а) до ж) Э. Мука (4—5 л.).
(П. 4: *Выпускъ 16—17*).

5. Южно-славянская группа (прибл. 30 л.):

А. Словенскій языкъ.

- а) Историческое введение. Ст. Шкрабець (1 л.).
- б) Образование современн. литературного словенского языка. К. Штрекель (2—3 л.).

- в) Обзоръ словенскихъ нарѣчій и говоровъ въ предѣлахъ Австріи. К. Штрекель (3 л.).
- г) Особенности словенскихъ говоровъ въ сѣверной Италиі. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ (1 л.).
- д) Словенское удареніе. С. Шкрабець (2 л.).

Б. СЕРБСКО-ХОРВАТСКІЙ ЯЗЫКЪ.

- а) Историческое введеніе. И. Ягичъ (1 л.).
- б) Историческая грамматика на основаніи кирилловскихъ памятниковъ до конца XV ст. А. Беличъ (3—4).
- в) Грамматика литературнаго языка Далмаціи и Дубровника, а также Босніи и Славоніи, съ конца XV по конецъ XVIII стол. М. Решетаръ (3—4 л.).
- г) Образованіе современнаго литературнаго языка сербско-хорватскаго. Л. Стояновичъ (2—3 л.).
- д) Обзоръ сербско-хорватскихъ нарѣчій (5—7 л.):
 - α) Штокавскихъ восточной половины. А. Беличъ (1—2 л.).
 - β) Штокавскихъ западной половины. М. Решетаръ, Д. Богдановичъ (2—3 л.).
 - γ) Чакавскихъ говоровъ. М. Решетаръ (1—2 л.).
- е) Особенности кайкавскаго нарѣчія въ бывшей литературѣ и живыхъ говорахъ. Г. Шурминъ (2 л.).
- ж) Сербско-хорватское удареніе. М. Решетаръ (2 л.).

В. БОЛГАРСКІЙ ЯЗЫКЪ.

- а) Историческое введеніе. П. Лавровъ (1).
 - б) Образованіе современнаго литер. языка. Б. Цоневъ (2 л.).
 - в) Обзоръ нарѣчій и говоровъ. Л. Милетичъ (3—4).
 - г) Болгарское удареніе. Б. Цоневъ (1—2 л.).
- (П. 5: *Выпускъ 18—20*).

III.

**СНОШЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ МЕЖДУ СОБОЮ И СЪ НЕСЛАВЯНСКИМИ
ЯЗЫКАМИ. ОТРАЖЕНІЕ ВЛІЯНІЯ НА ЛЕКСИКЪ И СИНТАКСИСЪ.**

1. Праславянскій языкъ:

Слѣды древнѣйшаго чужого вліянія, преимущественно германскаго.

Э. Бернекеръ ($\frac{1}{2}$ —1 л.).

2. Церковно-славянскій языкъ:

а) Вліяніе греческое. М. Фасмеръ (1 л.).

б) Вліяніе западное (латинское, нѣмецкое). В. Вондракъ (1 л.).

в) Вліяніе чешско-моравское. В. Вондракъ ($\frac{1}{2}$ л.).

3. Русскій языкъ:

а) Вліяніе церковнославянское. А. Соболевскій и А. Шахматовъ (2—3 л.).

б) Вліяніе греческое (помимо церковнославянскаго посредничества).
А. Соболевскій ($\frac{1}{2}$ л.).

в) Вліяніе германское. О. Браунъ и Г. Саблеръ (2—3 л.).

г) Вліяніе польское. С. Кульбакинъ (2 л.).

д) Вліяніе восточное. О. Коршъ (2—3 л.).

е) Слѣды литовскіе и финскіе. І. Миккола ($\frac{1}{2}$ л.).

ж) Вліяніе французское въ литературномъ языкѣ. Е. Будде (2 л.).
(Ш. 1. 2. 3: *Выпускъ 21—22*).

4. Польскій языкъ:

а) Вліяніе чешское. В. Нерингъ ($\frac{1}{2}$ л.).

б) Вліяніе латинское (1 л.).

в) Вліяніе нѣмецкое. А. Брикнеръ (2 л.).

г) Вліяніе восточное ($\frac{1}{2}$ —1).

д) Вліяніе мадьярское ($\frac{1}{4}$ л.).

е) Вліяніе итальянское и французское (1—2 л.).

5. Чешскій языкъ:

- а) Слѣды вліянія церковнославянскаго. В. Вондракъ ($\frac{1}{4}$ л.).
 - б) Вліяніе латинское. В. Флайшгансъ (2 л.).
 - в) Вліяніе нѣмецкое. А. Бееръ (2 л.).
 - г) Вліяніе русское. В. Францевъ ($\frac{1}{2}$ л.).
 - д) Вліяніе мадьярское въ словацкомъ языкѣ. И. Мелихъ ($\frac{1}{2}$ л.).
- (III. 4. 5: *Выпускъ 23*).

6. Южно-славянскіе языки:

- а) Вліяніе нѣмецкое и итальянское въ словенскомъ языкѣ. К. Штрекель (2 л.).
 - б) Вліяніе нѣмецкое въ сербско-хорватскомъ языкѣ. Т. Матичъ (1 л.).
 - в) Вліяніе итальянское въ сербско-хорватскомъ языкѣ. П. Будмани (1—2 л.).
 - г) Вліяніе латинское въ литер. каѣвскомъ языкѣ. И. Ягичъ ($\frac{1}{2}$ л.).
 - д) Вліяніе греческое (помимо церковно-славянскаго посредничества) въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ. М. Фасмеръ ($\frac{1}{2}$ л.).
 - е) Вліяніе церковно-славянское въ сербскомъ языкѣ. И. Ягичъ (1 л.).
 - ж) Вліяніе русское въ болгарскомъ языкѣ. П. Лавровъ (1—2 л.).
 - з) Вліяніе русское въ сербско-хорватскомъ языкѣ. А. Беличъ (1 л.).
 - и) Вліяніе хорватское, чешское и русское въ словенскомъ языкѣ. К. Штрекель ($\frac{1}{2}$ л.).
 - і) Вліяніе румынское въ болгарскомъ языкѣ. Л. Милетичъ ($\frac{1}{2}$ л.).
 - к) Слѣды албанскіе въ сербскомъ и болгарскомъ языкахъ. А. Лескинъ (1 л.).
 - л) Вліяніе мадьярское въ южно-славянскихъ языкахъ. О. Ашботъ (1—2).
 - м) Вліяніе турецкое въ южно-славянскихъ языкахъ. Р. Дворжакъ, Ив. Шишмановъ
- (III. 6: *Выпускъ 24*).

7. Слѣды славянскаго вліянія на сосѣдніе языки:

- а) На языкъ средне- и новогреческій. П. Кречмеръ ($\frac{1}{2}$ л.).
- б) На языкъ албанскій. А. Лескинъ (1 л.).
- в) На языкъ румынскій. Д-ръ. Зандфельдъ-Ензенъ (3 л.).

- г) На языкъ мадьярскій. О. Ашботъ (3 л.).
 - д) На языки литовско-латышско-прусской группы. В. Поржезинскій (2 л.).
 - е) На языкъ финскій. І. Миккола (1 л.).
 - ж) Слѣды славянскихъ элементовъ въ германскихъ нарѣчіяхъ. Э. Бернекеръ ($\frac{1}{2}$ л.).
 - з) Слѣды славянскихъ элементовъ въ романскихъ языкахъ (за исключеніемъ румынскаго). К. Штрекель ($\frac{1}{2}$ л.).
(Ш. 7: *Выпускъ 25*).
-

Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго
языка (XVII—XIX вѣкъ).

«Нѣтъ ни единого языка, родившагося
во весь ростъ и во всеоружіи, какъ Ми-
нерва изъ головы Юпитера. Каждый
языкъ разрастался отраслями, листьями
и плодами при содѣйствіи времени, тру-
довъ и прививокъ».

Соч. кн. П. А. Вяземскаго V.
СПБ. 1880. Стр. 35.

I.

*(Дѣя стилизмъ, вошедшія въ составъ современнаго русскаго литературнаго языка: южно-славян-
ская съ церковно-русскаго отраженіемъ и иностранная. Исторія вопроса).*

Современный намъ литературный русскій языкъ настолько проникся въ общемъ своимъ составъ народной русскою стилизмію, что можетъ справедливо считаться національнымъ выразителемъ мыслей русскаго образованнаго общества, хотя сама русская литература еще и до сихъ поръ далеко не объединила русскаго образованнаго общества и русскаго народа въ ихъ понятіяхъ и служить отраженіемъ далеко не общенародныхъ интересовъ и думъ. Это происходитъ оттого, что еще до сихъ поръ наблюдается слишкомъ большое различіе между понятіями русскаго образованнаго класса и массы русскаго народа. Но чего не могла сдѣлать литература, то сдѣлалъ языкъ: если мы въ лексикологіи современнаго намъ литературнаго русскаго языка выдѣлимъ въ особый отдѣлъ сравнительно небольшую группу словъ, служащихъ для выраженія такъ называемыхъ «культурныхъ» понятій, совершенно чуждыхъ простому народу, то получимъ тотъ русскій языкъ, составъ котораго и въ фонетическомъ, и въ морфологическомъ, и въ синтаксическомъ отношеніяхъ будетъ совершенно почти тождественнымъ съ составомъ языка московскихъ и подмосковныхъ простолюдиновъ. Въ этомъ составѣ мы прежде всего замѣчаемъ тѣ элементы, которые указываютъ намъ на извѣстную связь русскаго литературнаго языка въ его фонетическомъ отношеніи съ языкомъ церковныхъ книгъ, слѣдовательно, ведутъ насъ къ отдаленнѣйшимъ

эпохамъ жизни русскаго литературнаго языка, къ эпохамъ, когда русскою литературой была церковная письменность или, лучше сказать, когда литература еще не выражала общественныхъ интересовъ, а ея символъ—книга ограничивалась сферою церковнаго употребленія. Это время—время образованія русскою старою церковною письменности и письменнаго языка въ Руси на основѣ древняго болгарскаго нарѣчія, занесеннаго къ намъ южно-славянскимъ, болгарскимъ духовенствомъ того времени вмѣстѣ съ церковными книгами, написанными на этомъ нарѣчій и служившими какъ книгами для чтенія нашего духовенства подъ руководствомъ иноземныхъ болгарскихъ учителей, такъ и оригиналами для списыванія. Ясно, что это—время существованія двухъ языковъ въ древней Руси: письменнаго языка, языка церкви, и языка разговорнаго. Ясно также, что это время—время взаимнаго вліянія этихъ двухъ языковъ другъ на друга. Такое старое вліяніе языка церкви на языкъ разговорный должно было мало-по-малу укоренить въ русскомъ разговорномъ языкѣ нѣкоторые церковные южно-славянскіе элементы, приспособившіеся въ теченіе жизни своей среди русскою рѣчи къ мѣстнымъ условіямъ произношенія. Такіе церковно-славянскіе элементы въ русскомъ разговорномъ языкѣ, доживъ до нашего времени, указываютъ намъ на силу традиціи и составляютъ въ русскомъ литературномъ языкѣ нашего времени едва ли не самый древній элементъ иноземнаго происхожденія.

Другой составной элементъ нашего литературнаго языка, общій съ языкомъ народнымъ, лексическій, инородческий и иностранный, указывающій намъ на связи русскаго народа съ другими племенами, частью объединенными въ разное время подъ властью Русскаго Государства, частью входившими въ разнаго рода сношенія съ русскимъ народомъ. Подъ инородческимъ элементомъ мы разумѣемъ вошедшія издавна въ составъ русскаго языка слова отъ тѣхъ народовъ, которые въ разное время объединены были подъ властью русскаго государства: слова тюрко-монгольскаго, финскаго, литовскаго происхожденія, а впоследствии и польскаго. Напр., слова: *алтынъ, безмѣнъ, бричка, винтъ, гарнецъ, казна, каланча, нура, рынокъ, сундукъ, юркій* и другія. Такія слова стали извѣстны издавна и литературному и народному языку. Подъ иностраннымъ элементомъ мы разумѣемъ слова романогерманскаго происхожденія, вошедшія въ русскій языкъ въ разное время, по преимуществу послѣ Петра Великаго, и извѣстныя большею частью лишь въ литературномъ языкѣ новаго періода, за исключеніемъ словъ техническихъ, проникшихъ въ промышленные, рабочіе классы простаго народа, а также въ чиновничій классъ (Я. Гротъ. Фил. Раз. СПб. 1899. Стр. 400—467). По условіямъ русскою культуры обогащеніе русскаго

языка иностранными словами происходило крайне неравномѣрно и не всегда путемъ естественнаго заимствованія при частыхъ и широкихъ сношеніяхъ съ иностранцами. Такъ какъ широкихъ сношеній съ иностранцами у насъ не было до XVIII—XIX вѣка, то появленіе многихъ иностранныхъ словъ, въ особенности западноевропейскаго происхожденія, объясняется въ нашемъ языкѣ вліяніемъ отдѣльныхъ лицъ на языкъ нашей литературы, а не естественнымъ развитіемъ лексикологій языка, какъ спутника и выразителя духовнаго и матеріальнаго роста русскаго народа. Такія заимствованія въ русскомъ языкѣ поэтому ждали своей судьбы отъ времени и частью въ скорости же прекращали свое существованіе, не вступивши въ обиходъ русской литературной рѣчи и пробывши недолгое время только въ инвентарѣ официального дѣловаго языка или какой-либо спеціальной отрасли письменныхъ сношеній администраціи, частью легко прививались къ русскому языку, находя въ практической жизни народа для себя питательные соки. Такимъ путемъ быстрого заимствованія и умышленнаго употребленія, т.-е. путемъ простой пересадки на русскую почву, введены въ русскій языкъ, въ большинствѣ случаевъ властными администраторами, реформаторами и законодателями нормъ русской жизни, многія слова техническаго значенія и условнаго этикета при различныхъ письменныхъ сношеніяхъ. Едва ли не наибольшее количество иностранныхъ словъ, съ точки зрѣнія продолжительности періода, въ который были внесены эти слова, и съ точки зрѣнія ихъ незначительной жизнеспособности въ русской средѣ, внесено въ русскій языкъ Петромъ Великимъ и его эпохой. Изъ этихъ словъ большинство техническихъ терминовъ удержалось подъ вліяніемъ общаго переустройства русской жизни Петромъ Великимъ и административнаго распоряженія объ открытіи новыхъ отраслей русскаго государственнаго хозяйства подъ руководствомъ иностранныхъ западно-европейскихъ учителей и мастеровъ. Къ такимъ словамъ принадлежатъ слова-названія предметовъ военнаго и морскаго дѣла, столярнаго, слесарнаго, плотничнаго и другихъ ремеслъ, слова-названія вновь введенныхъ костюмовъ, заведенныхъ чиновъ и административныхъ учреждений. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, слова: *боцманъ, брезентъ, бушпритъ, буксиръ, вахмистръ, вымпелъ, галстукъ, гауптвахта, грацировать* ¹⁾, *кронверкъ, лагировать, лоцманъ, мануфактура, стамеска, форпостъ, фортификація, шанцы, шерхебель* и мн. др. Другія слова этого времени не приняты были языкомъ послѣдующихъ лѣтъ и потому не удержались въ немъ; напримѣръ, *авантажъ* (1716 г.), *декларация* (1717 г.), *дишуглованы*

1) Въ 1701-мъ году: *грудировать, градировать* (Гротъ, Фил. Раз. Стр. 217).

(1717 г.), *квалитетъ* (1720 г.), *пестъ* (1712 г. = моровая язва), *препарация* (1710 г.), *репрезентация* (1720 г.), *тестаментъ* (1715 г.), *универсалы* (1717 г.) и мн. др. Наконецъ, нѣкоторыя иностранныя слова этого времени утвердились въ языкѣ въ иной формѣ или съ инымъ значеніемъ сравнительно съ той формой и тѣмъ значеніемъ, съ которыми они были впервые введены въ русскій языкъ. Напримѣръ: *манеръ* (1709 г., нынѣ чаще *манера*—ж. р., а въ данномъ значеніи *методъ*, *способъ*); *театрумъ* (1715 г. *театръ*, *зрѣлище*), *коммуникація* (1715 г. *сообщеніе*)¹⁾, *регулярные* народы (1716 г. *благоустроенные*, пользующіеся *благоустройствомъ*), *магазейны* (1716 г.). Еще въ журналѣ «Иппокрена» или «Утѣхи любословія», на 1799 г. Ч. I. Стр. 68: «Относительно до *магазейновъ*» (нынѣ: *магазины*), *респектъ* (1720 г. *уваженіе*), *кондуитъ* (1720 г. *поведеніе*), письменная *консилья* (1720 г., нынѣ: *консильиумъ* = совѣщаніе, о врачахъ только), *репортовать* своего государя (1720 г. Нынѣ *рапортовать кому о чемъ* въ дѣловомъ канцелярскомъ языкѣ и въ военномъ вѣдомствѣ), *рапортъ* = донесеніе. Произношеніе *репортъ* и производныя извѣстны нынѣ въ языкѣ семинаристовъ и духовныхъ лицъ; съ латинскаго. (Сравни отсюда діал. *лепортовать*, *лепертовать*, *лепортёръ*), *имперій* (1717 г. *имперія*) и друг.

Само собой разумѣется, что далеко не всѣ приведенныя слова или подобныя имъ проникали въ глубь народныхъ слоевъ: техническіе термины дѣлались необходимыми лишь для представителей технического дѣла или разнаго рода службы, а слова общаго значенія, въ родѣ: *авантажъ*, *комплиментъ*, *кондуитъ*, *манеръ*, *прогрессъ*, *резонъ*, *респектъ* и др. вращались въ обиходѣ образованныхъ людей и произведеніяхъ тогдашней литературы. Такія заимствованія, значенія которыхъ были понятны лишь образованнымъ людямъ, создавали вмѣстѣ съ элементами церковно-славянскими и чисто-русскими мало-по-малу литературный языкъ высшаго общества, дошедшій въ эпоху Екатерины II-ой до значительной пестроты, при чемъ въ это время нашъ языкъ обогащался словами не технического и спеціальнаго значенія, а словами общаго значенія и по преимуществу изъ французскаго источника, тогда какъ при Петрѣ Великомъ таковымъ источникомъ были большею частью страны германской семьи. Такое состояніе броженія въ языкѣ со стороны его лексическаго состава, сообщенное стремительною дѣятельностью Петра Великаго, нѣсколько затихло во время Елизаветы Петровны, но кипучая литературная дѣятельность и переписка императрицы Екатерины II-ой съ французскими писателями и учеными вновь отразились

1) Хотя прил. «коммуникаціонный» живетъ и до сихъ поръ въ литературномъ языкѣ.

невыгодно на нашемъ литературномъ языкѣ: за императрицей пошли слѣдомъ и писатели, и общее увлеченіе Франціей время энциклопедистовъ, обнаруживая свои слабые признаки еще при Елизаветѣ Петровнѣ, дошло до «галломаніи» и отдѣлило литературный русскій языкъ отъ его старинной почвы русскихъ грамотеевъ, создавши мало-по-малу «придворную» литературу съ особыми вкусами, интересами и сюжетами. Неестественный путь, на который вступила литература этого «ложноклассическаго» періода, выводитъ насъ на нѣкоторое время изъ колеи исторически-преемственно слагавшагося русскаго литературнаго языка, и потому естественно порождаетъ въ русскомъ образованномъ обществѣ недоумѣнные толки, разбившіе собою русскихъ писателей на сторонниковъ народнаго начала въ языкѣ, на демократовъ по убѣжденію, и на сторонниковъ условнаго европеизма или условнаго аристократизма. Это время вопіало о появленіи даровитаго представителя литературы; нуженъ былъ новый геній, но съ иными талантами и съ иной силой, съ иной властью, чѣмъ была у Петра Великаго: требовалась власть знанія, науки и убѣдительнаго краснорѣчія: *явился Ломоносовъ!* Дипломатически-тонко и крайне умно пробитая имъ брешь въ тогдашнемъ неустановившемся еще литературномъ русскомъ языкѣ его знаменитымъ «Разсужденіемъ о пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ» (1755 г.) навсегда осталась широко открытымъ окномъ, сквозь которое входила въ языкъ русской литературы живая и свѣжая народная струя, и благодаря которому Пушкинъ сталъ *по языку* истинно-народнымъ писателемъ. Естественный путь развитія литературнаго языка былъ указанъ и, несмотря на временныя развѣтвленія въ разныя стороны — то въ сторону «многошумящей» ложноклассической поэзіи, то въ сторону европейской «элегантности» Карамзина, то въ сторону ультрарусской исключительности Шишковистовъ, — пошелъ по гладкой поверхности широкой полосой, производительно питая свою старую почву, со времени Пушкина, живыми народными соками ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ общемъ бѣгломъ очеркѣ мы намѣтили бросающіяся въ глаза двѣ иноземныя стихіи, вошедшія въ составъ современнаго русскаго литературнаго языка: одна стихія южнославянская (въ церковно-славянскомъ ея отраженіи), сопутствовавшая русскому литературному языку въ теченіе всей его жизни отъ XI-го до XX-го вѣка, другая — иностранная, являвшаяся къ услугамъ русскаго культурнаго развитія то въ большей, то

1) См. нашу статью: «Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII вѣка». Ж. М. Н. Пр. 1901. № 2. Стр. 394 и сл. См. также Я. Гротъ. «Народный и литературный языкъ». Фил. Раз. СПб. 1899 г.

въ меньшей мѣрѣ, то въ той, то въ другой формѣ, въ зависимости отъ хода историческаго развитія русскаго государства. Проявленіе этой второй стихіи мы могли бы указать и въ формѣ польскаго вліянія съ XVII-го вѣка, и въ формѣ романскаго и германскаго вліянія въ XVIII и XIX вѣкахъ. Нѣкоторое количество финскихъ и тюркотатарскихъ словъ не сообщило русскому литературному языку никакой особой окраски и въ первое же время русской исторической жизни сдѣлалось извѣстнымъ русскому простому народу, вошедши въ разговорный обиходъ, а потому эти «инородческія» слова въ русской литературной рѣчи мы можемъ и не принимать во вниманіе. Теперь остановимся пока на южнославянскомъ элементѣ въ церковнославянской его оболочкѣ, а затѣмъ перейдемъ къ элементамъ туземнаго происхожденія.

II.

Вліяніе церковной письменности и школьнаго обученія на русскій языкъ. Новая ступень. Зарожденіе русской литературы, какъ выраженія разнообразныхъ общественныхъ теченій.

Языкъ принесенныхъ къ намъ изъ древней Болгаріи церковныхъ книгъ съ самаго начала насажденія въ Руси христіанской православной церкви оказался въ совершенно оригинальныхъ условіяхъ: въ устахъ первыхъ же духовныхъ пастырей русскаго происхожденія живой древне-болгарскій языкъ, отраженный въ принесенныхъ съ юга къ намъ книгахъ церковнаго обихода, подвергся естественному, произвольному переименованію на русскій ладъ, согласно произношенію соотвѣтствовавшихъ словъ русскаго языка въ устахъ русскихъ людей того времени. Въ зависимости отъ способности къ передачѣ чужого произношенія у представителей новой русской паствы, произношеніе древняго болгарскаго языка принимало разнообразныя оттѣнки чисто русскаго произношенія. Эти оттѣнки разнообразились въ зависимости отъ особенностей русскаго произношенія даннаго священнослужителя, вносившаго въ произношеніе читаемаго текста еще и свои діалектическія русскія черты. Такъ мало-по-малу чужой, хотя родственный, языкъ фонетически руссифицировался, несмотря на усилія со стороны духовенства сохранить за церковнымъ языкомъ общій характеръ воспринятаго для потребностей церкви чужого языка, и получалъ мѣстные русскія наслоенія. Изъ такого сочетанія разныхъ элементовъ возникло особое *церковное произношеніе* тѣхъ же словъ, которыя въ домашнемъ обиходѣ у русскихъ людей звучали нѣсколько иначе. Это церковно-русское произношеніе, не измѣняя

формального состава русскаго языка, существенно отразилось на его фонетикѣ, о чемъ свидѣтельствуесть уже древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ книгъ — Остромирово Евангеліе 1056 — 1057 гт., — списанная русскимъ человѣкомъ съ древне-болгарскаго оригинала и содержащая въ себѣ 17 разнообразныхъ типовъ русскаго произношенія, переданнаго на письмѣ. Такимъ образомъ, какъ видимъ, уже древнѣйшія церковныя книги подъ перомъ русскихъ переписчиковъ отражали въ себѣ особенности русскаго языка XI-го вѣка, а потому церковная книга дѣлалась мало-по-малу памятникомъ церковно-русскаго письменнаго языка, который слышался только въ церкви и изображался только въ церковныхъ книгахъ. Этимъ обстоятельствомъ характеризуется судьба древне-болгарскаго языка на русской почвѣ. Но рядомъ съ этимъ вліяніемъ русскаго живого языка на языкъ старославянскій при посредствѣ церковнаго употребленія послѣдняго въ русской церкви шло и вліяніе обратное: церковное произношеніе, которое въ точности не соответствовало ни одному изъ живыхъ элементовъ, — ни древнеболгарскому, ни древнерусскому, — вошедшихъ въ составъ церковнаго письменнаго языка, сдѣлалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ своеобразнымъ, искусственнымъ, для котораго не находилось оправданія въ соответствующихъ случаяхъ русской живой рѣчи. Это церковное произношеніе, отличаясь отъ разговорнаго русскаго произношенія, стало мало-по-малу укореняться въ средѣ духовенства, передававшего по наслѣдству оттѣнки своего книжнаго произношенія инославянскихъ и русскихъ словъ, и, поддерживаясь вырабатывавшимся и впоследствии привычнымъ правописаніемъ церковныхъ памятниковъ, дошло въ извѣстной мѣрѣ до нашего времени въ средѣ воспитанниковъ духовныхъ училищъ, семинарій, въ средѣ духовенства. Само собой разумѣется, что всѣ такіе оттѣнки замѣтны были лишь въ способѣ произношенія звуковъ и постановкѣ удареній, т.-е. отражались на фонетической и тонической сторонѣ русской рѣчи духовенства, и потому были ощутительны лишь для внимательнаго уха; но была еще одна сторона вліянія церковно-славянскаго языка на русскій: это — вліяніе духовной пищи церковнаго содержанія на понятія, на міросозерцаніе слушателей. Этимъ путемъ языкъ церкви и церковныхъ пастырей вліялъ на массы русскаго народа всею своею силою сразу, и подъ этимъ вліяніемъ народныя массы, питаясь духовно въ церкви и монастыряхъ, свыкались со всѣмъ богатствомъ словъ и оборотовъ церковнаго языка и получали въ своей обиходной рѣчи созпательныя и безсозпательныя густыя осадки церковно-славянской фонетики, морфологіи, синтаксиса и лексики; эти осадки распространялись среди русскаго даже неграмотнаго народа и были ощутительны даже для невнимательнаго слуха. Та-

кимъ путемъ проникла масса церковныхъ словъ и произношеній даже въ темную среду народа, языкъ котораго впиталъ въ себя эти церковно-славянскіе элементы.

Нѣсколько позже такой ассимиляціи русскаго разговорнаго языка съ языкомъ церковныхъ книгъ содѣйствовало также школьное обученіе, которое естественно велось у насъ духовенствомъ, единственнымъ въ былое время учителемъ премудрости, и по церковнымъ книгамъ. Церковная книга, какъ учебникъ грамоты, и духовное лицо, какъ учитель, оставались у насъ единственными «вратами учености» и проводниками просвѣщенія вплоть до конца XVIII-го столѣтія: это обстоятельство сказывалось опредѣленным образомъ и на литературномъ русскомъ языкѣ даже и послѣ того, какъ духовное сословіе потеряло свое политическое значеніе въ государствѣ и заняло скромное положеніе должностныхъ лицъ, имѣющихъ свои ограниченныя и опредѣленныя обязанности по отношенію къ узко-религіозному и обрядовому наставленію пасомыхъ мірянъ. Теряя мало-по-малу свое общепросвѣтительное значеніе, духовенство тѣмъ не менѣе даже среди новыхъ условій русской жизни, создавшихъ при Екатеринѣ II-ой и особенно при Александрѣ I-мъ новый типъ дворянской аристократіи, отличавшейся сначала внѣшностью европейской цивилизаціи, а затѣмъ и болѣе широкимъ кругозоромъ отъ русскаго духовенства, стоявшаго вдалекѣ отъ «французскихъ салоновъ» и европейскихъ сношеній, сохранило за собой привилегію считаться учителями *русскаго* языка и «*русскаго*» предметовъ. Этимъ объясняется привычка нашихъ баръ и вельможъ приглашать для обученія своихъ дѣтей «русской» грамотѣ и «русскимъ» предметамъ духовныхъ лицъ или семинаристовъ: для «европейскихъ» же предметовъ и иностранныхъ языковъ существовали охочіе французы и нѣмцы. Это члдетъ и въ XIX-мъ вѣкѣ, въ первой его половинѣ. См. типы учителей-гувернеровъ у Фонъ-Визина въ «Недорослѣ», у Пушкина въ «Капитанской дочкѣ», въ «Евгеніи Онѣгинѣ», у Лермонтова въ поэмѣ «Сашка». Продукты разныхъ воспитательныхъ системъ и воззрѣній въ лицѣ героевъ художественныхъ произведеній литературы изображены у Тургенева въ романѣ «Отцы и дѣти» (Базаровъ и Кирсановъ), у Л. Толстого въ «Войнѣ и мирѣ» (кн. Курагины), у Пушкина въ «Капитанской дочкѣ» (Гриневъ), въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (Евгеній и Татьяна), у Лермонтова (Сашка и его отецъ). (См. мою статью въ Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № 2). Церковно-славянская стихія проникаетъ, стало быть, съ одной стороны, непосредственнымъ путемъ, по паслышкѣ, съ самаго давняго времени въ среду темнаго русскаго народа, а путемъ посредственнымъ черезъ обученіе со стороны лицъ духовнаго сословія также въ среду

лицъ грамотныхъ и образованныхъ, которые становились иногда и дѣтелями въ области русской литературы. Вотъ почему мы найдемъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, даже въ ту эпоху его жизни, когда уже въ качествѣ литературныхъ сюжетовъ преобладали вопросы свѣтскаго характера, слѣды и признаки знакомства со стороны авторовъ различныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій съ церковнымъ языкомъ и послѣдствія обученія по часослову и псалтыри.

Когда въ Россіи при Петрѣ Великомъ стали появляться параллельно съ церковными школами и свѣтскія, дошедшія до широкаго развитія при Екатеринѣ II-ой, то типъ древнерусскаго начетчика и церковнаго проповѣдника-писателя съ узко-богословскимъ направленіемъ сталъ мало-по-малу уступать свое мѣсто мыслящему читателю и писателю болѣе широкаго направленія: свѣтскія школы, сношенія съ Европой и ознакомленіе со свѣтскими науками будили мысль русскаго человѣка, давая большій просторъ его индивидуальности, которая въ школьномъ знакомствѣ съ научными предметами или въ домашнемъ образованіи у богатыхъ людей получала лишь удобное средство для своего обнаруженія. Такіе люди стали быстро эманципироваться отъ старыхъ типичныхъ представителей древне-русской грамотности и, становясь дѣтелями литературы, отражали и въ языкѣ ея свою индивидуальность и особенности своего воспитанія или образованія. Ясно, что такимъ путемъ языкъ новой литературы къ XIX-му вѣку успѣлъ совершенно отдалиться, съ одной стороны, отъ своего болѣе ранняго, такъ сказать, полуцерковнаго состоянія¹⁾, и отъ языка простаго народа — съ другой. Языкъ простаго народа съ заведеніемъ школъ всякаго типа оставался въ средѣ неграмотной на томъ же уровнѣ, на которомъ онъ былъ ранѣе, и отношенія его къ языку церковно-славянскому оставались прежними, т. е. въ немъ были извѣстны и даже были въ употребленіи нѣкоторые церковно-славянскіе элементы, въ средѣ же грамотной русскій языкъ переживалъ тѣ же измѣненія, которыя переживала сама литература въ ея различныхъ направленіяхъ: писатель въ своемъ языкѣ отражалъ, въ зависимости отъ своего образованія и его характера, и малорусское, и польское вліяніе, и

1) Да еще съ примѣсью южно-русскаго элемента, такъ рѣзко отразившаго свое вліяніе на языкъ литературы XVII-го вѣка, когда на сѣверѣ Россіи подготовлялся переломъ литературнаго направленія, и стали охлаждать симпатіи къ церковно-религіозной старинѣ, замѣняясь робкимъ стремленіемъ выдти за предѣлы стараго міросозерцанія и стараго церковно-славянскаго витіеватаго языка, становившагося все менѣе и менѣе понятнымъ для читателей новаго поколѣнія и людей новыхъ вкусовъ, а въ Кіевѣ процвѣтала кипучая литературная дѣятельность церковныхъ проповѣдниковъ, имѣвшихъ въ своемъ проповѣдномъ словѣ могучее орудіе съ политическимъ значеніемъ.

и западно-европейское. Но умственное движеніе, пережитое русскими обществомъ послѣ отечественной войны 1812-го года, на время заставило русскихъ образованныхъ людей измѣнить и забыть завѣты Пушкина по отношенію къ русскому литературному языку и пережить сильное увлеченіе, уже вторичное, французскимъ языкомъ и французской культурой. Въ это время французскій языкъ дѣлается чуть не вторымъ роднымъ языкомъ нашего образованнаго общества; это обстоятельство сильно измѣняетъ нашу разговорную рѣчь, снабжая ее произношеніемъ на французскій ладъ, послѣдствіемъ чего является новый періодъ литературной дѣятельности, періодъ демократизаціи языка, ознаменовавшійся усиленнымъ приближеніемъ русскаго литературнаго языка къ языку простого русскаго народа. Принимая во вниманіе языкъ нашей не только прозаической, но и стихотворной литературы съ XVIII-го вѣка до нашего времени, мы видимъ, что въ исторіи новаго русскаго литературнаго языка мы должны имѣть дѣло съ очень разнообразными элементами, входившими въ его составъ подъ вліяніемъ выше отмѣченныхъ условій, и здѣсь дѣло обстоитъ далеко не такъ просто, какъ оно обстояло до тѣхъ поръ, пока условія воспитанія и образованія не осложнились и не открыли доступа къ литературному русскому языку со стороны индивидуальности автора, получившаго возможность, вопреки старому времени, оказывать то или другое субъективное вліяніе на литературный языкъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже съ Сумарокова мы получаемъ возможность усматривать элементы русскаго литературнаго языка, внесенные не только прошлой исторіей въ послѣдній, но и новой исторіей, въ которой уже участвуетъ лично Сумароковъ: въ отличіе отъ Ломоносова — демократа по убѣжденію и крестьянина Архангельской губерніи по рожденію — мы видимъ въ Сумароковѣ московскаго барина, языкъ котораго не содержитъ сѣвернорусскихъ провинціализмовъ, но зато на фонѣ московскаго разговорнаго языка пестрѣютъ у него слѣды, общіе всѣмъ писателямъ, вліянія господствующаго произношенія среди русской интеллигенціи того времени, выучившейся русской грамотѣ при посредствѣ духовенства и церковныхъ книгъ. Это произношеніе, въ отличіе отъ произношенія «подлой черни» города Москвы, удобно изучается на стихотворной литературѣ, гдѣ рима и тоническія условія стиха выдаютъ собой самое произношеніе автора, которое не такъ легко узнать въ прозѣ при болѣе или менѣе однообразномъ, установленномъ по отношенію къ нѣкоторымъ случаямъ правописанія. Тѣмъ не менѣе по правописанію нашихъ старыхъ журналовъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка, еще въ общемъ не установленномъ, можно до известной степени и въ прозѣ отмѣтить слѣды того или другого произношенія, какъ

будетъ видно ниже. Далѣе, языкъ Карамзина рѣзко отличается отъ языка Сумарокова и Ломоносова не только въ строѣ, но и въ лексикѣ, и отмѣчаетъ собой вкусы эстетика-аристократа по взглядамъ на задачи литературы. Языкъ Пушкина носить на себѣ слѣды и стараго языка нашей литературы, и діалектическихъ наслоеній, и индивидуальной творческой силы, и чутья языка; Гоголь пошелъ дальше Пушкина въ приближеніи языка литературы къ языку народа и внесъ въ языкъ новыя діалектическія примѣсы, отразивши на немъ и свои личныя особенности своего воспитанія и образованія. О состояніи языка русской интеллигенціи времени начала XIX-го столѣтія, до освобожденія крестьянъ, мы узнаемъ многое, что скрыто подъ оболочкой установившейся къ этому времени орфографіи, изъ сообщений Пушкина, Тургенева, Л. Толстого (частію и о времени послѣ освобожденія) въ художественной формѣ ихъ романовъ. Послѣ Тургенева русскій литературный языкъ идетъ уже, согласно толчку, данному Ломоносовымъ, и согласно съ завѣтами Пушкина, по пути демократическаго отождествленія съ языкомъ народа въ его современномъ состояніи. Съ этого времени до настоящихъ дней уже ничто не удерживаетъ русскаго литературнаго языка въ движеніи по пути демократизаціи. Въ наши дни мы уже наблюдаемъ полное торжество демократическаго принципа: произношеніе старыхъ дворянъ измѣнилось на народное, церковно-славянская рима исчезла, духовное начало литературной рѣчи смѣнилось свѣтскимъ. Вотъ почему въ наше время все рѣже появляются римованные хорошіе стихи. Такъ какъ произношеніе образованнаго класса литераторовъ совершенно измѣнилось въ сторону народнаго, то погибла масса привычныхъ римъ стихотворнаго языка, и писать *современнымъ* языкомъ въ смыслѣ фонетическомъ и тоническомъ сдѣлалось чрезвычайно трудно безъ риска заговорить стихами отжившаго и нынѣ уже смѣшного языка. Вотъ почему является естественная возможность писать или *большими* стихами, или ждать новой творческой силы для созданія современнаго «языка боговъ» и ждать, пока этотъ языкъ будетъ обладать *примечными* римами современнаго *общенароднаго* произношенія. Этимъ объясняется также быстрое и мощное развитіе *прозаическаго* языка современной намъ художественной литературы взамѣнъ поэтическаго, римованнаго. Мы видѣли, что русскій литературный языкъ не разъ то приближался, то отдалялся отъ языка разговорнаго и въ то же время народнаго, но ни разу онъ на пути своемъ не потерялъ цѣликомъ той церковно-славянской стихіи, съ которой онъ началъ свое историческое существованіе въ XI-мъ вѣкѣ.

Одно обстоятельство намъ въ высшей степени важно отмѣтить въ исторіи русскаго литературнаго языка: это — значеніе Ломоносова и уста-

новление правильной точки зрѣнія на его разсужденіе «о пользѣ книгъ церковныхъ». Ломоносову пришлось особенно чутко отнестись къ современному ему состоянію русскаго литературнаго языка, рисковавшаго подъ выше перечисленными вліяніями пойти по пути забвенія стараго московскаго подъяческаго языка, совершенно близкаго къ народному и хранившаго въ себѣ источникъ живой силы; вотъ поэтому раздѣленіе литературнаго языка на «три штиля» есть, съ одной стороны, уступка церковно-славянскому языку во избѣжаніе рѣзкой и опасной реформы, а съ другой — указаніе выхода для народной стихіи русскаго языка, получившаго право на литературное развитіе въ извѣстной области. Выходъ былъ данъ, и успѣхъ обезпеченъ: Аблесимовъ, частью Державинъ, Екатерина II, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковский, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ додѣляли дѣло Ломоносова и подготовили современный языкъ художественной прозы и отчасти языкъ поэзіи, поскольку въ послѣднемъ обнаруживалось чисто-русское начало. Не надо думать, что это чисто-русское начало проявлялось только «въ комедіяхъ, увеселительныхъ эпиграммахъ, пѣсняхъ, дружескихъ письмахъ и описаніяхъ обыкновенныхъ дѣлъ»: область употребленія чисто-русскаго элемента языка и у Ломоносова въ его «Разсужденіи» оказалась очень обширною; а если мы вникнемъ въ *основаніе* дѣленія «россійскаго» языка на «три степени», участвующія въ образованіи «трехъ штилей», то увидимъ, что слова «славянскія», невразумительныя россиянамъ и весьма обветшалыя, не допускались Ломоносовымъ ни въ какой штиль, и все дѣленіе языка на штили основывалось имъ на принципѣ большаго или меньшаго употребленія въ литературномъ русскомъ языкѣ «реченій славенороссійскихъ, то-есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчійхъ»; низкій же, или третій штиль, долженъ былъ «отъ славенскихъ обще неупотребительныхъ реченій вовсе удаляться». Мы видимъ, такимъ образомъ, что болѣе демократизаціи русскаго литературнаго языка нельзя было и ожидать, и требовать, не только во времена Ломоносова, близкія по языку вообще къ различнымъ писаніямъ Голятовскаго, Радзивиловскаго, Барановича, Гизіеля, Славинецкаго, С. Полоцкаго и другихъ, но и на все будущее время, и оставалось только надлежащимъ образомъ изучить русскій народный языкъ для того, чтобъ имъ владѣть въ литературныхъ произведеніяхъ съ виртуозностью Пушкина, не нарушая при этомъ программы Ломоносова. Ясно, что Ломоносовъ въ исторіи нашего литературнаго языка по своимъ задачамъ является своего рода Петромъ Великимъ, а Пушкинъ — своего рода Теофаномъ Прокоповичемъ. Кто бы могъ думать, что отходная пѣснь «многорукашнымъ», «напыщеннымъ» и «надутымъ» одамъ, трагедіямъ, героиче-

скими поэмамъ и «рѣчамъ о важныхъ матеріяхъ» была уже пропѣта самимъ Ломоносовымъ, въ которомъ Пушкинъ скоро призналъ и «первый русскій университетъ» и гениальнаго ученаго человѣка¹⁾. Конечно, никакой университетъ, никакой гениальный ученый не можетъ быть отвѣственъ за то направленіе, которое можетъ принять въ практическомъ приложеніи гениальная мысль ученаго: здѣсь все будетъ зависѣть отъ личныхъ способностей практическихъ дѣятелей, и Ломоносовъ самъ безъ опасенія за судьбу своей идеи не могъ, какъ стихотворецъ, какъ пѣтъ, рѣзко и послѣдовательно, безъ всякихъ компромиссовъ, проявить въ своей литературной дѣятельности свою идею во всей силѣ, да во всякомъ случаѣ онъ и не имѣлъ поэтическихъ дарованій Пушкина, а главное, — онъ не былъ «императоръ»; несмотря на все это, его «Гимнъ бородѣ» 1757 г. (Акад. изд. II. 137 — 140) и нѣкоторыя эпиграммы могутъ считаться перлами тогдашней новой литературы сравнительно со стихами его современниковъ, хотя бы и «придворныхъ пѣтцовъ».

Значеніе теоретическихъ положеній Ломоносова по ихъ судьбѣ напоминаетъ намъ судьбу научныхъ мыслей его современника Тредьяковского, который по отношенію къ исторіи русскаго литературнаго языка обнаружилъ замѣчательную эрудицію и чуткость ученаго мыслителя, но самъ не далъ на практикѣ образцовъ изящнаго русскаго литературнаго языка. Къ Тредьяковскому мы еще вернемся, а пока скажемъ, что Ломоносовъ не является отвѣственнымъ даже за направленіе литературнаго языка, избранное Карамзинымъ, который и не могъ сообщить русскому литературному языку жизнедѣятельнаго движенія въ смыслѣ націонализаціи языка, такъ какъ по своимъ убѣжденіямъ Карамзинъ былъ прямой противоположностью Ломоносову; онъ былъ «аристократомъ», пренебрегалъ народнымъ языкомъ и не зналъ его, хотя и считался долгое время «кумиромъ» и былъ какъ для общества, такъ и для отдѣльныхъ ученыхъ и литераторовъ, напр., для Греча, Макарова и даже для нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ, «законодателемъ» и «творцомъ» русскаго литературнаго языка. Все, что Карамзинъ сдѣлалъ для литературнаго русскаго языка, сводится къ тому, что онъ сообщилъ русскому языку новый синтаксическій строй и разнообразіе значеній словъ, а не его формъ. Карамзинъ, такъ сказать, вдохнулъ европейскую мысль въ существовавшія формы языка, денаціонализовалъ языкъ, но не

1) См. мнѣніе о немъ Пушкина въ 1825 году, въ статьѣ «О предисловіи г. Ломоносова къ переводу басенъ И. А. Крылова», въ письмѣ къ А. А. Бестужеву отъ 21-го марта, и въ 1834-мъ году, въ статьѣ «Мысли на дорогѣ», III. Ломоносовъ.

извлекъ живыхъ силъ и питательныхъ соковъ изъ живого, неизвѣстнаго ему родника народныхъ лингвистическихъ богатствъ. По отношенію къ языку, какъ къ формѣ, Карамзинъ не можетъ считаться поэтомъ творцомъ: его богатая идея и его культурное міросозерцаніе не нашли для себя *полнаго* выраженія въ языкѣ, на которомъ онъ хотѣлъ писать, и потому онъ взялъ изъ чужа и *средства* языка, путемъ которыхъ пытался сообщить новую культуру русскому обществу. Дальнѣйшая исторія русскаго литературнаго языка показала намъ, что Ломоносовъ и Пушкинъ были правы, а не Карамзинъ: русскій языкъ совершенно другими средствами, чѣмъ у Карамзина, сдѣлался проводникомъ въ русскую среду европейской культуры. (Срв. Я. Гротъ. «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка». Фил. Раз. СПб. 1899, Труды Я. К. Грота II, стр. 46—48).

III.

(Перечень элементовъ, вошедшихъ въ русскій литературный языкъ изъ церковно-славянскаго).

Займемся подробнымъ анализомъ элементовъ, съ которыми сроднился русскій литературный языкъ, чтобы увидѣть, какіе изъ нихъ никогда не исчезали и никогда не исчезнутъ изъ р. лит. языка, и какіе уже уступили силѣ русской народной стихіи. Церковно-славянскіе элементы — самые древніе изъ составныхъ элементовъ внославянскаго происхожденія въ русскомъ литературномъ языкѣ. Они слѣдующіе: 1) сочетанія *жд* и *щ* вмѣсто русскаго *ж* и *ч* изъ *дж* и *тж*, *кт*, *ит*, *хт*; произношенія: *оождѣ*, *между*, *надежда*, *нужда*, *одежда*, *прежде*, *чуждый*; *мошѣ*, *общій*, *овощи*, *пешера*, *тища*, *хищный* и друг.; а также сочетанія *жд* и *щ*: въ глагольныхъ образованіяхъ многократнаго вида неопр. н. при однократномъ видѣ съ окончаніемъ *-дити* и *-тити* въ неопр. наклоненіи, напр., *утверждать*, *осуждать*, *посвящать*, *восхищаться*; въ отглагольныхъ существительныхъ на *-еніе* съ удареніемъ на тематическомъ *е* и вообще въ сущ. на *-ніе* съ удареніемъ передъ этимъ суффиксомъ, напр., *поведеніе*, *теченіе*, *убожденіе*, *познценіе*, *постыщеніе*, *рожденіе*, *обыщеніе*, *застыщеніе*; въ причастіяхъ прош. времени страд. зал. на *-енъ* и *-енный* съ ударяемымъ тематическимъ *е*, не переходящимъ въ *'о*, напр., въ словахъ и формахъ въ родѣ слѣдующихъ: *предупрежденъ*, *предупрежденный*; *принужденъ*, *принужденный*; *рожденъ*, *рожденный*; *осыщенъ*, *осыщенный* и во мн. др. подобныхъ. Всѣ эти и подобныя слова и образованія вошли издавна въ русскій литературный языкъ изъ языка церкви и духовенства, и потому сдѣлались извѣстными

и въ разговорномъ народномъ языкѣ, хотя въ послѣднемъ рядомъ съ этими и подобными были и чисто-русскія соотвѣтственные слова и образования, какъ показываютъ др. русскіе памятники письменности и живыя русскія нарѣчія, при чемъ, однако, по мѣрѣ распространенія школъ и грамотности среди народа въ русскихъ нарѣчіяхъ все болѣе становятся употребительными церковно-славянскія слова, п. ч. эти слова составляютъ въ ихъ церковно-славянской звуковой формѣ неотъемлемую принадлежность и языка литературы и языка образованнаго класса. Однако и въ этихъ словахъ и образованияхъ не все осталось въ церковно-славянскомъ видѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ и образований, дѣлаясь извѣстными въ разговорномъ языкѣ, въ концѣ концовъ подчинились въ народной средѣ условіямъ произношенія чисто-русскаго, хотя и не во всѣхъ частяхъ словообразования: такъ, изъ *рождѣнз*, *рождѣнный* сдѣлалось въ народѣ *рождѣнз*, *рождѣнный*, гдѣ *жд* осталось церковно-славянское; изъ *освѣщѣнз*, *освѣщѣнный* сдѣлалось въ народѣ *освѣщѣнз*, *освѣщѣнный*, гдѣ *щ* осталось однако церковно-славянское. Въ то время, какъ въ народѣ эти и подобныя образования передѣлывались на русскій ладъ, согласно фонетикѣ южно-великорусскаго, въ частности московскаго произношенія, въ образованномъ классѣ, въ средѣ духовныхъ лицъ, а потому и въ литературѣ, оставалось нѣкоторое время еще (въ XVIII—XIX в.) произношеніе церковно-славянское, о чемъ свидѣтельствуеетъ риема стихотворныхъ произведеній, дожившая до рѣзкаго поворота въ сторону народнаго произношенія уже послѣ Пушкина, у котораго въ первое время его творчества мы еще встрѣчаемъ нерѣдко такіа риемы:

«Но вотъ наперсникъ милый
Психей златокрылой!
О добрый *Лафонтенъ*,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться.....
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты *побѣжденъ*! (Городокъ, 1814 г.).

Здѣсь говорится про Богдановича (1743—1803 г.), у котораго мы постоянно встрѣчаемъ:

«Какъ прежде онъ свой долгъ любилъ *беспринужденно*,
Не бывъ ни каковымъ уставамъ покоренъ;
Какъ время, наконецъ, явилось *премтнмъ*.... (Блаженство народовъ).

Или:

«Гдѣ правда высится и разумъ *просвѣщенный*.....
Оставя въ небесахъ безсмертныхъ ликъ *селищеннй*».
(Переводъ стих. Вольтера) и друг.

Было время, когда въ такихъ и подобныхъ образованияхъ, равно какъ и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нынѣ мы произносимъ и въ стихахъ рѣшемуъ слова со звукомъ 'о' передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ или слогомъ, согласно фонетикѣ русскаго языка, писатели и вся интеллигенція настойчиво произносила церковно-славянское ѣ, чтобы «не упасть въ рѣчь подлой черни», по выраженію москвича Сумарокова и Тредьяковского, который особенно преслѣдовалъ это ѣ (ю).

Доказательствомъ такого литературнаго произношенія служить вся стихотворная «поэзія» вплоть до первой половины дѣятельности Пушкина включительно, примѣрно до 1825 года, хотя уже Ломоносовъ позволялъ себѣ отступленія въ пользу народнаго произношенія, особенно до 1744 года.

Сюда же принадлежатъ и литературныя образования, въ родѣ: *умерщ-влять*, *умищряться* и под., живущія до сихъ поръ въ литературномъ языкѣ, но неизвѣстныя народу, а также образования: *клеветцу*, *ронщцу*, *трещцу* съ ихъ прочими лицами; сюда же принадлежатъ причастныя формы на *-ущій*, *-ющій*, *-ищій*, *-ищій*, которыя народъ сталъ употреблять лишь подъ влияніемъ школы. Срв. у Пушкина:

..... «Анжели блѣднѣть и трещещи,
И взоры дикіе на Изабеллу метещи». Анджело, 1833.

Или:

..... «Но о твоей судьбѣ
Самъ буду я немощъ».... ib.

2) Звукъ е (не ѣ, 'о) подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ. Съ этимъ звукомъ вошли въ литературный и народный русскій языкъ (хотя въ послѣднемъ встрѣчаются и руссифицированные варианты или русскія образования отъ общеславянскихъ корней) слова церковнаго обихода или священнаго значенія, напр., *ветхій*, *вертепъ*, *дерзость*, *жертва*, *крестъ*, *левъ*, *мерзость*, *милосердый*, *мятежъ*, *небо*, *перстъ*, *нещера*, *надежъ*, *скверный*, *щедрый*, *хребетъ*, *предъ*, *оредъ*, *чрево*, *трезвый*, *треба*, *требовать* и под. Сюда же относятся причастныя формы на *-енъ*, *-енный* (не послѣ *жо* и *щ*. См. выше): напр., *собѣнный*, *дерзновенный*, *одохновенный* (срв. *одохновленъ*, *одохновленный*), *приблизенный*, *пронзенный*, *убиенный*, *обреченный*, *умиленный*, *надменный*, *неопытенный*, *откровенный*, *степенный*, *разгаренный*, *спасенный*, *воскрешенный*, *вселенная* и проч. под., а равно и аналогичныя образования въ старомъ литературномъ языкѣ XVIII-го вѣка, въ языкѣ нашей интеллигенціи, не желавшей въ то время приближаться къ произношенію «подлой черни»; напр., *посаженный* при *насажденный* или: *наученный*,

олюбѣнный, ослѣпѣнный; срв. *почтѣнный* и въ литературномъ, и въ народномъ языкѣ. Такія образованія встрѣчаются съ такимъ произношеніемъ еще и у Пушкина:

«Въ сердцѣ *возжженный*
Образъ *Елены*». (Измѣны 1812 г. Академич. изд. одно *Н* въ причастіи глагола).

«Вопросить сынъ *иноплемный*:
Кто памятникъ воздвигъ *надменный*?
И старецъ, лѣтами согбенъ,
Речетъ: Тоскаръ нашъ *незабвенный*»... (Кольна, 1814 г.).

Срв.: *уединѣнный* — *забвѣнный* въ 1829 г. («Брожу ли я...»). Слово «незабвѣнный» перешло и въ народный языкъ съ такимъ произношеніемъ, единственно извѣстнымъ нынѣ.

Или:

«Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу *привожденный*,
Бросали тусклый лучъ, луною озлатясь.
— Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ *одошновенный*». (Осгаръ, 1814) ¹⁾.

Въ 1825 г.:

«И ты припелъ, сынъ гѣни *одошновенный*,
О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго *усыпленный*,
И бодро я судьбу благословилъ». («19 октября»).

и мн. др.

Сюда же относится такое произношеніе *ѣ* (не *ѣ*) въ прочихъ случаяхъ, въ именахъ сущ. и прилаг., въ окончаніи 3 лица ед. ч. глаголовъ настоящаго — будущаго времени: *-ѣтъ*:

У Пушкина:

«Гдѣ токъ...
Журчить съ унылой *Филомелой*,
Готовъ прикѣтъ любви *веселой*»... (Пѣсня 1812).

Или:

«Мракъ душевный вмигъ *исчезъ*!
Лишь оіагъ къ устамъ *поднесъ*»... (Блаженство 1814).

1) Срв. въ томъ же году:

«А вредную траву *зелѣну*,
Искусствомъ *превращѣну*
Въ пушистый порошокъ!» (Красавицѣ. .. 1814).

Въ Академич. изданіи: *зелену* — превращену, если изданіе точно передаетъ рукопись. (См. наши замѣчанія въ «Опытѣ грамматики языка Пушкина». 1902. Вып. II. Стр. 22—24 и примѣчанія, и въ Вып. I *passim*).

Энциклоп. слов. филологія, вып. 12.

Срв. рѣмы: *примесѣнный* — *смирѣнный* и мн. др.

До Пушкина: у Ломоносова: *почеть* — *Елисаветъ; роеть* — *хребеть*¹⁾; и

1) Народное произношеніе *хребѣтъ* ясно видно изъ рѣмы въ сказкѣ Ершова: «Конѣкъ Горбунокъ», написанной въ подражаніе народной рѣчи; діалектологическія изслѣдованія послѣдняго времени вполнѣ подтверждаютъ художественность поддѣлки Ершова: здѣсь читаемъ:

«Вотъ и сѣлъ онъ на *хребѣтъ*,
Только задомъ *напередъ*».

Сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что здѣсь надо читать *хребѣтъ*, а не *хребѣтъ*, такъ какъ слово *напередъ* неизвѣстно съ произношеніемъ *наперѣдъ* не только въ народномъ говорѣ, но и въ литературномъ. Такимъ образомъ, устанавливается фактъ законнаго, фонетически правильнаго, произношенія въ народѣ *хребѣтъ*: такое произношеніе и сейчасъ есть единственно извѣстное ювр. народнымъ говорамъ. Между тѣмъ у Державина мы имѣемъ:

«Заботы наши, рой *суѣтъ*,
Вездѣ послѣдуютъ за нами:
Въ судахъ чрезъ бурный волнѣ *хребѣтъ*».

Подражаніе Горациевой одѣ. Такъ Державинъ повидимому исправилъ это мѣсто, получивъ письмо отъ Капниста съ замѣчаніями послѣдняго на это стихотвореніе Державина; первоначально у Державина было такъ:

«Заботы наши и *бѣды*
Вездѣ послѣдуютъ за нами;
На корабляхъ чрезъ волны, *бѣды*».

Такъ и осталось въ изданіи соч. Державина у Грота. II. 108. Противъ слова: «*бѣды*» Капнистъ написалъ: «Не дай Господи!» См. въ Импер. Публ. Библ. Бумаги Державина № 22, а въ этихъ бумагахъ подъ № 76 находится письмо Капниста къ Державину. См. также Отчетъ Публ. Библ. за 1892 г. Стр. 48—49 и приложения. (За многія указанія по этому поводу я обязанъ здѣсь же выразить признательность уважаемому И. А. Бычкову). Наше теперешнее литературное произношеніе *хребѣтъ* пошло и удержалось, несомнѣнно, благодаря такимъ приемамъ, а эти послѣднія стоятъ въ связи съ произношеніемъ нашей интеллигенціи XVIII вѣка, боявшейся, какъ сказано, «удариться въ подлость» и учившейся русскому языку у церковныхъ людей и по церковнымъ книгамъ.

Въ журналѣ «Покоящ. Трудолюбецъ» за 1785 г. ч. III, въ «Одѣ» на стр. 87 находимъ:

«Пусть тѣмъ ударовъ онъ пріемлетъ
Ошкеры острой, и *падѣтъ*,
Падетъ; но падая колеблетъ
Всю землю, твердыхъ горъ *хребѣтъ*».

Здѣсь или *падѣтъ* (какъ нынѣ), и тогда *хребѣтъ* (какъ въ народныхъ говорахъ); или *падѣтъ* (по русско-церковно-книжному произношенію нашей интеллигенціи XVIII вѣка), и тогда *хребѣтъ*.

Совершенно правильное произношеніе нашей старой интеллигенціи мы видимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ журнала: «Полярная Звѣзда» на 1823 г. Здѣсь, на стр. 54, читаемъ:

Вотъ страшный рядъ ужасныхъ *дѣлъ*,
Владимира покрывшихъ славой!
Не черезъ нихъ ли *приобрѣлъ*
Ты на любовь Рогнѣды право?...

Рыѣвъ. «Рогнѣда». Нынѣшнее произношеніе «*приобрѣлъ*» подчинилось вліянію такихъ, какъ: «подиѣлъ», «припиѣлъ» и под. Срв. «засѣлъ», «велѣлъ», «поѣлъ», «стерпѣлъ» и проч. (не: «засѣлъ», «велѣлъ» и проч., хотя у мѣщанъ, изрѣдка и у семинаристовъ, теперь мы слышимъ «отсѣкъ» вм. «отсѣкъ», какъ въ словахъ: «затѣкъ», «припиѣкъ» и под.).

мн. др. (Академич. изд. I. 101. 290. II. 194 и мн. др.). У Державина: *смертной*—*мертвой* (1797 ib. 10. Народное: *смѣртной*: *мѣртвой*, послѣднее нынѣ и въ литературномъ произношеніи), и мн. др. под.

У Богдановича: *де-ла Фонтенъ* въ рѣмѣ съ *имѣнъ*; *очесъ* — *небесъ* — *вознесъ*, *исчезъ* — *чудесъ* — *древесъ*; *мелки* — *щелки* (въ народѣ: *щѣлки*), *пещерь* — *сестерь*, *небесъ* — *принесъ*, *небесъ* — *слезъ* («Душенька»), *жертва*—*мертва* («Сугубое блаженство»), *ненаселенну* — *оселенну*¹⁾ («Разрушеніе Лиссабона»), *удивленны* — *оселенны*, *просвѣщенный* — *священный*, *воспаленну* — *оселенну* (Разн. Стихотворенія въ изд. Смирдина 1848 г.) и мн. др.

У В. А. Озерова:

«Избавте дочь мою! меня примите въ *жертву*,
Иль поздно! и ее нашла уже я *мѣртву* (V. 5 рук. публ. биб.).

Въ Журналѣ Соб. люб. р. сл. 1783 г. IV. «Новыя чудеса» стр. 4:

«Сбери съ силами, кинь взоръ свой *притупленный*,
На ихъ гремящія дѣла въ концахъ *оселенны*.

Въ ч. I въ «Диѳирамбѣ» на стр. 25 (1783-го же года):

Подобно какъ перунъ съ *небесъ*
Ерева бедна ужъ зіяла
И ногу въ вѣчность ты *занесъ*...

Здѣсь же *неизреченный* въ рѣмѣ съ *почтенны*. Или на стр. 28 рѣмуются слова *сѣй* и *своѣй*:

Прекрасна грудь пастушки *сѣй*,
Казалось, будто бѣлизною
Старалась ихъ стыдить *своѣй*.

Это важно въ виду того, что есть рѣмы *душѣй* — *своѣй* при народномъ произношеніи: *своѣй* и проч., «*душѣй*» нынѣ уже и въ литературномъ произношеніи, однако: *сѣй*, *своѣй*, *моѣй* и проч. Срв. въ журналѣ Аггала 1794 г. кн. I. (Москва), стр. 25:

«Уже я съ жизнію прощался,
Съ ея прекрасною *зарѣй*;
Въ тоскѣ слезами обливался
И ждалъ погибели *своѣй*»... «Волга».

Если *своѣй*, то *зарѣй* (какъ нынѣ въ литер. произношеніи); но если *своѣй* (какъ нынѣ въ литер. произношеніи), то *зарѣй* — по книжно-русско-церков-

1) Въ литерат. произношеніи и донынѣ *оселенная*, но: *населенная*.

ному произношенію нашей прежней интеллигенціи. Въ Аглаѣ 1795 года во II книгѣ на стр. 20 читаемъ:

«Желать добра имъ всей *душѣю*,
Готовъ былъ кровію *моѣю*
Пожертвовать для счастья ихъ». Посланіе къ Д.

Здѣсь: или *душѣю* (какъ нынѣ), и тогда *моѣю* (по южно-великорусски); или *душѣю* (по книжно-русско-церковному произношенію старой нашей интеллигенціи) и тогда *моѣю* (какъ нынѣ въ литерат. произношеніи).

Срв. еще въ Аглаѣ 1794, кн. I, стр. 23. «Волга»:

«Богиней пѣсни *одохновенный*
Твоею славой *удивленный*».

Въ Московскомъ Журналѣ 1792 г. ч. VII. «Отъѣздъ, стр. 9:

«А дьякъ или и самъ судья,
Какой-нибудь Цирцен *жертвой*,
О *комъ* въ тебѣ быть счастливъ я!
Бывало, и живой и *мѣртой*
Равно повиновались *миѣ*» . . .

Относительно стараго произношенія звука *е* ударяемаго въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ въ нашей прежней интеллигентной и литературно образованной средѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на такія рѣшмы, какъ: «*завѣса*» — «*колѣса*» и под. Эти рѣшмы, именно, убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ XVIII—XIX в. произношеніе «*колѣса*» не вошло еще изъ народной среды въ литературно-образованную, какъ произношеніе *единственное*: иначе не могло бы быть вышеприведенной рѣшмы. Слѣдовательно, созвучіе въ стихахъ звука 'ѣ, ставшаго въ просторѣчїи уже звукомъ 'о, со звукомъ 'ѣ (изъ *ъ*), *оставшимся и въ просторѣчїи безъ перехода въ 'о*, особенно важно для возстановленія стараго нашего литературнаго произношенія, сложившагося подъ выше перечисленными вліяніями, и потому важно и для исторіи нашего образованія. Доказательства такого произношенія мы видимъ у всѣхъ писателей въ подлинныхъ рукописяхъ, это же мы наблюдаемъ и въ печатныхъ журналахъ того времени. У В. И. Майкова (1728—1778) читаемъ: Которую народъ весь ябѣдой *зоветъ* — у коей ни ушей ни глазъ для правды *нѣтъ* (Рукоп. Имп. Публ. Библ.).

У И. И. Дмитріева (Публ. Библ. F. XIV. 51) въ «Причудницѣ» находимъ такую рѣшму:

Чего же, глупенька, тебѣ не *достаетъ*?
Признаться, матушка, *миѣ* такъ наскучилъ *сонъ*».

Или въ журналѣ «Покоящійся Трудолюбецъ» 1784 г. ч. I Стансы, стр. 76:

«Не можетъ сквозь него въ тебя проникнуть *сонъ*,
Къ наружностямъ тебя желаніе *слечать*».

Обратимъ вниманіе также на отношеніе языка этого времени къ передачѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ звуковъ въ чужихъ словахъ: У А. Е. Измайлова (по тексту ркп. Имп. Публ. Библ.) тетрадь IV, стр. 18 читаемъ:

Помощникъ вѣрный *контролёръ*
Спросите сторожей, *курёръ*.

Франц. *contrôleur*, *comptier*, нѣм. *kurier*. Нынѣ мы произносимъ *контролёръ*, но *курёръ*. Прежде *банкеръ* (Живописецъ 1772, II. 407), *квартира* (Карамзинъ писалъ 1803 къ брату въ Симбирскъ: *квартиры* страшно дороги), нынѣ по нѣмецкому произношенію *банкиръ*, *квартира*, но не *банкёръ*, *квартёра*, хотя у народа, слышавшаго отъ интеллигенціи *квартёра* естественно перешло это слово въ *квартёра*, откуда *фатёра* при *фатёра* и проч. Вообще иностранныя слова съ суф. *-eur*, *-ier* въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ прошлаго вѣка колебались въ произношеніи, пока демократизація языка не сказалась и на всемъ интеллигентно-литературномъ произношеніи. Срв. *губернёръ*, *режиссёръ*, *дирижёръ*, *монтёръ*, *понтёръ*, *партиёръ* (хотя франц. *partenaire*), *воломтёръ* (хотя франц. *volontaire*); но: *офицёръ*, *гренадёръ* (франц. *officier*, *grenadier*, нѣм. *officier*, *grenadier*) не перешло въ *гренадёръ*, *офицёръ* (хотя по-нѣмецки мы имѣемъ здѣсь звукъ *i*); срв. также: *командёръ*, франц. и нѣм.: *kommantdeur*, въ солдатскихъ пѣсняхъ: *командёръ*; *сарёръ* (франц. *sarieur*)¹⁾ и под. Но: *курёръ*, *фурёръ*, не успѣвшія еще пропикнуть въ народную массу и здѣсь подчиниться законамъ русской фонетики. Срв. также: *кавалёръ* не перешло въ *кавалёръ* (франц. *cavalier*, нѣм. *kavalier*). Такимъ образомъ, старое произношеніе нашей интеллигенціи подобныхъ иностранныхъ словъ при сравненіи съ нынѣшнимъ произношеніемъ ихъ раскрываетъ передъ нами историческую картину движенія звуковъ въ направленіи къ слиянію со звуками народной рѣчи. Вотъ еще примѣры у А. Е. Измайлова (III тетрадь, 58 стр. и 58 об.):

«Вы, молодые *кавалёры*,
Начальники столовъ и *контролёры*».

Или:

«Вотъ, вотъ вамъ, господа, *примёръ*:
Высокій, молодой (*ais*!), любезный *контролёръ*».

1) Пушкинъ не сомнѣвался, что *belle-voeur* надо по-русски произнести «бель-сёръ». См. его письмо къ женѣ 1835 г. Соч. изд. Литер. Фонда. 1897 г. VII. 382.

Замѣтимъ еще слѣдующее: прежде говорила интеллигенція: *алинскій*, *алицкій*, *карактерь*, *анбаръ*, *ярманка*, а нынѣ такъ — простой народъ. Напр., въ журналѣ Живописецъ 1772 г. II, 406: *алинскій* купецъ. Въ «Чтеніи для вкуса» 1792, ч. V. 51: лордъ *алинской* одинъ. Въ «Россійскомъ Магазинѣ» О. Туманскаго 1792 г. I. 509: «въ каданъ по *алинскимъ* контрадансамъ». Въ «Пріятномъ и полезн. препровожд. времени» 1794 г., ч. I. 26: «дерзнули оспаривать, что *алинскаго* земледѣлія не возможно завести». Въ письмѣ И. И. Хемницера (1743—84) къ Державину (см. бум. Держ. № 22 Имп. Публ. Библ., а въ этихъ бум. № 88, см. Отч. Публ. Библ. за 1892 г. 43—49) написано рукою Хемницера: «мы изъ вѣдомостей гамбургскихъ и *алинскихъ* знаемъ» (письмо 1781 года). Гоголь также еще употребляетъ слово *алицкій* (см. мою статью Ж. М. Н. Пр. 1902, № 7, 9), нынѣ мы говоримъ *алийскій*.

Произношенія *карактерь*, *анбаръ*, *ярманка* встрѣтились намъ въ «Соб. люб. р. слов.» 1784, XIII. 10: «особые *карактеры*», въ «Моск. Журналѣ» Карамзина 1791 г. I и III: «что ни изъ чьихъ чужихъ *анбаровъ*» (I. 15), «къ *ярманкѣ*» (III 43), въ «Рос. Магазинѣ» 1792. I. 7: «запасный *анбаръ*». У Измайлова въ «совѣтѣ мышей»: «въ мучномъ *анбарѣ*» I. 18 (Рукоп. Имп. Публ. Библ.), «въ *анбарахъ*» III. 2. У него же въ «обманѣ за обманъ»: «я самъ на *ярмонку* повезъ другой товаръ» (Рук. Публ. Библ. I. 34). Все это такъ прежде говорило образованное общество.

Само собою разумѣется, что произношенія, о которыхъ до сихъ поръ была рѣчь, можно съ достовѣрностью указать только въ стихотвореніяхъ, гдѣ есть рима, но что такъ говорили въ XVIII-мъ вѣкѣ наши образованные классы обѣихъ столицъ и такъ читали и *прозу*, видно изъ разсужденій Сумарокова (Соч. ч. X. М. 1787². Стр. 8, 48 и др.), а также Тредьяковского («Разговоръ...» 1748 г. Стр. 374. § 286. et passim. См. мое соч. въ Ж. М. Н. Пр. 1898, № 3: «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка». А также въ Ж. М. Н. Пр. 1899, № 5). Здѣсь ясно вліяніе церковно-славянскаго произношенія и вліяніе учителей изъ духовенства на нашъ литературный языкъ. Это произношеніе стало было угасать на сѣверѣ, но было подновлено пришедшими въ Москву малорусскими духовными лицами въ XVII—XVIII вѣкахъ, съ привнесеніемъ новыхъ оттѣнковъ еще и *южно-русскаго* церковнаго произношенія, выразившагося въ особой артикуляціи звука *и* (*h*) въ извѣстномъ положеніи въ словѣ (о чемъ рѣчь впереди). Необходимо допустить, на основаніи этихъ же разсужденій Сумарокова и Тредьяковского, что наша интеллигенція и литературно-образованное общество, принимавшее активное участіе въ созданіи русскаго языка до

Екатерины II-ой, старалось произносить звукъ *ѣ* во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ приблизительно такъ, какъ онъ нынѣ произносится въ словахъ: *жѣсть, шѣсть, цѣль*; (такъ пишетъ Тредьяковский «по звонамъ» *ibid.*, стр. 409, 404 — 410. Срв. Сумарокова X. 31), но это произношеніе, внушенное грамотнымъ москвичамъ первой половины XVIII-го вѣка малорусскимъ духовенствомъ, нашло для себя неблагоприятную почву и встрѣтило сильный протестъ со стороны родного и давнишняго произношенія города Москвы, въ которой издавна отождествлялись *е* и *ѣ* въ томъ отношеніи, что оба звука смягчали предшествующіе имъ согласные. Наша орфографія журналовъ и литераторовъ XVIII-го вѣка, при всей своей невыдержанности и всемъ своему колебаніи, однако не представляетъ, насколько мы знаемъ, ни одного случая рѣзкой въ стихотворныхъ сочиненіяхъ, гдѣ бы вышеприведенные и подобные примѣры ударяемаго *ѣ* рѣшались со слогами, въ которыхъ можно доказать «европейское» *ѣ* (не *'ѣ*); напротивъ того, рѣзкой со слогами, заключающими въ себѣ *завѣдомо* *'ѣ* (*ѣ*), какъ мы видѣли, обычны и совершенно убѣдительно: *сѣтъ* — *живѣтъ*, *лѣтъ* — *идѣтъ*, *зо-вѣтъ* — *совѣтъ*, и мн. др.¹⁾

Отсюда ясно, что литературное произношеніе XVIII-го вѣка, отдаляясь отъ народнаго, съ одной стороны, подъ вліяніемъ южно-русскихъ духовниковъ, прошедшихъ серьезную школу ученыхъ, хотя и схоластиковъ, но все-таки выработавшихъ свою школьную традицію, съ другой, — подъ вліяніемъ «аристократической» тенденціи быть подальше во всѣхъ отношеніяхъ отъ «подлой черни», все таки сбилось на народный ладъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не могло противостоять силѣ народной стихіи.

Наконецъ, отмѣтимъ то церковно-славянское *ѣ*, которое является въ концѣ словъ на — *іѣ*, вмѣсто которыхъ въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ окончанье — *іѣ*. Это церковно-славянское произношеніе, не перешедшее въ народъ неграмотный, однако было принадлежностью не только литературнаго языка, но и разговорнаго въ средѣ нашей интеллигенціи XVIII-го вѣка, о чемъ мы заключаемъ на основаніи предыдущаго. Нынѣ оно уже вытѣснено.

1) Рѣзкой *стрѣжѣтъ* — *побѣдѣ* у Пушкина 1814 года или у Ломоносова: *даѣтъ* — *Драмѣтъ* II. 33. Акад. изданіе, составляютъ лишь повидимому исключеніе, т. к. первая изъ этихъ рѣзокъ становится закономъ при томъ соображеніи, что звукъ *ж* въ это время былъ нѣсколько мягче современнаго (Сумароковъ. X. 36. 40), а вторая рѣзка содержитъ въ словѣ *даѣтъ* звуковое сочетаніе *je*; слѣдовательно, отвѣчаетъ мягкости слога *ме* въ словѣ *Драмѣта*. См. нашу статью въ Ж. М. Н. Пр. 1898. № 3. Стр. 161 — 166 и примѣчанія. Срв. также Житецкаго: «Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII вѣкѣ». Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Н. 1903. VIII. № 2.

Напримѣръ:

Твоей угодно волѣ стало,
Чтобы начало воспріяло
Мое изъ праха бытіе;
«Единъ Ты всѣхъ вещей Содѣтель,
Ты въ насъ посѣляе добродѣтель —
Но кто же страсть возжегъ *со мнѣ*»? (Иппокрена, или Утѣхи
Любословія на 1799 г. Ч. I. Стр. 9 — 10).

Въ приведенномъ примѣрѣ литературное произношеніе прошлаго времени возстановляется риемою въ стихахъ. Риема дополняетъ наши свѣдѣнія о составѣ русскаго литературнаго языка въ отношеніи фонетическомъ и тоническомъ, но та же риема неоднократно свидѣтельствуетъ о борьбѣ въ языкѣ началъ церковно-славянскихъ съ русскими за это время. Напр., привыкнуши къ риемамъ: *слезный* — *любезный* и проч., мы однако въ это же время неоднократно находимъ и риемы въ родѣ:

«Чтобъ перлыны, чисты *слѣзы*
Окропляли грудь мою;
Чтобъ ували алы *розы*,
Распустившіяся въ весну». (Иппокр. 1799. II. 46).

Въ журналѣ «С.-Петербургскій Меркурій» 1793 г. ч. I (Крылова и Клушина) въ стих. «Стихи къ Клоѣ» мы даже и по правописанію видимъ, гдѣ произносили *ѣ* какъ *ѣ*, а гдѣ какъ *е*. Напр., «*сѣтъ* — *лѣтъ*», но: «*мелькнѣтъ* — *пройдѣтъ*». Стр. 7 и 9. *красѣтъ* — *живѣтъ* — ib. 16. Зная, что русскій литературный языкъ чѣмъ ближе подходитъ къ нашему времени, тѣмъ тѣснѣе сливается въ этомъ отношеніи съ народнымъ языкомъ, мы не слѣдимъ за элементами, увеличивающими прогрессивное движеніе литературнаго русскаго языка по пути сліянія съ народнымъ, т. к. мы ясно видимъ, что русскій литературный языкъ въ общемъ все таки родной намъ, русскій. Поэтому для насъ интереснѣе прослѣдить элементы, отдалявшіе русскій литературный языкъ то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ отъ народнаго, и если нѣкоторые изъ этихъ элементовъ въ сущности не могли обогащать нашего языка, то другіе, именно, содѣйствовали обогащенію языка оборотами рѣчи и развитіемъ въ немъ способности къ выраженію отгѣнковъ мысли, и такіе-то элементы не могутъ считаться элементами, навсегда обособляющими языкъ литературный, образованный отъ языка народныхъ массъ: это обособленіе лишь дѣло времени, дѣло извѣстныхъ періодовъ культурной жизни народа. Вотъ почему такіе элементы, хотя бы и не русскіе, не будутъ выброшены языкомъ культурнаго общества, язы-

комъ литературы. Срв., напр., значеніе словъ: *крѣстный* и *крѣстный*, *сѣчѣніе* и *осѣщеніе*, *осѣщать* и *отсѣчивать*, *предупреждать* и *опережать* и проч. и проч.

3. Церковно-славянскимъ элементомъ морфологическаго характера мы должны признать въ русскомъ литературномъ языкѣ отглагольные существительныя на *-іе* съ удареніемъ на тематическомъ гласномъ передъ окончаніемъ *-іе*: *поведѣніе*, *успѣніе*, *положеніе*, *перенесѣніе*, *спасѣніе*, *спасаніе*, *писаніе* и под. Срв. въ русскомъ народномъ языкѣ подобныя существительныя съ окончаніемъ *-іе* и съ удареніемъ не на предпоследнемъ слогѣ: *спасеніе*, *отданіе*, *препловеніе*, *успленіе*, *катаніе* (въ пословицѣ) и проч. Выше упомянутыя образованія сохранились и донинѣ въ литературномъ и образованномъ языкѣ и стали переходить даже въ народный обиходъ.

«О, выслушай моленія любви!» Пушкинъ. Бор. Год. 1826.

«И отораченіемъ томишь,

Страдалецъ горько вопрошаетъ». Пушкинъ. Полтава. 1828.

Есть однако слова, оканчивающіяся на *-іе*, выпедшія изъ употребленія, въ родѣ *потеряніе* вм. *потеря* (въ прозѣ «СПБ. Меркурій» 1793 I. 22), которое не перешло въ новыи литературный языкъ, не говоря уже о народномъ.

4. Родительный падежъ *ея*, занесенный къ намъ письменнымъ старымъ научнымъ языкомъ изъ церковныхъ книгъ, уже представляетъ собой переписку старо-славянскаго слова на русскій ладъ и въ этой перепискѣ сохранился донинѣ только на письмѣ, въ орѳографій; что же касается русскаго народнаго произношенія, про которое (сл. *свѣтѣи* — *святѣи* и под.) еще Тредьяковскій (ibid. 371. § 284) сказалъ, что оно «уже почитай становится общее» (См. мою статью въ Ж. М. Н. Пр. 1898. № 3, стр. 163), то оно никогда не знало произношенія *ея*, не знаетъ его и нынѣ, равно какъ не знаетъ этого произношенія и современный литературный языкъ и образованное общество. Прежде же это уродливое, искусственное произношеніе слышалось не только въ языкѣ церкви, какъ оно слышится въ церкви и донинѣ, но и въ литературномъ языкѣ XVIII-го вѣка, судя по речамъ. Напр., въ стих. Клушина мы находимъ:

«Чтобъ нѣжная рука *ея*

Мою къ сердечку прижимала,

Румянецъ на щекахъ рождала;

Чтобъ Кля нѣжно трепетала —

Какъ трепещу предъ *нею я*» (СПБ. Меркурій. 1793. I. 11).

Или:

«Изчезнетъ время въ ней, какъ малая струя.
Тогда душа моя отъ тѣна свободится,
И времени не устрашится;
Безсмертіе должно удѣломъ быть ея» (Цвѣтникъ. 1810. V. 5).

Это искусственное произношеніе, внесенное въ литературный языкъ поздняго періода все тѣмъ же южно-русскимъ церковнымъ вліяніемъ послѣ того, какъ были порваны на сѣверѣ Россіи непосредственныя традиции церковно-славянскаго языка, не поддерживалось живымъ чутьемъ языка и потому доходило въ нашемъ литературномъ языкѣ XVIII-го вѣка до совершенно уродливаго примѣненія:

«Представь меня *передъ* мѣй,
Чтобы средь сна *увидалъ* я» (Клушинъ. СПб. Мерк., ib. 12).

Сюда же относятся другія перелицовки старославянской формы род. падежа ед. числа ж. рода, именно, въ мѣстоименіяхъ и въ прилагательныхъ, съ окончаніемъ *-ья, -ія*, проникшимъ въ этомъ видѣ въ русскій литературный языкъ изъ церковныхъ книгъ и сохранявшимся даже послѣ Пушкина, хотя и неизвѣстнымъ въ языкѣ народа. Въ журналахъ 18-го вѣка попадаются эти формы, не очень часто. Живописецъ 1772 г. ч. I. 109 «Путешествіе»: «о помѣщикахъ *той* деревни», ч. II. 393 «Письмо г. Живописцу»: «*тамъ* остальные дни *своея* жизни препровождать буду». СПб. Вѣстникъ. 1778 г. 1-е полугодіе ч. I. 226 «все сіе поставляется въ округъ *судящія* бесѣды»; 1779 г. 2-ое полуг., ч. IV. 4: «въ разсужденіи положенія земли *своея*», стр. 259: «что бы ревнивый человекъ отъ *оня* когда либо совершенно исцѣлится могъ». Въ журналѣ «Покояшійся Трудолюбецъ» 1784 г. ч. I. 3 (предисловіе): «подъ названіемъ *вечернія* зари» (род. пад. ед. чис. заглавіе журнала «Вечерняя заря»). Въ журн. «Чтеніе для вкуса» 1791 г. ч. I. 238: «*инѣмъ* судьбы споръ». Въ «Моск. Журналѣ» 1792 г. VIII. 5 («Картина»): «Для *страстныхъ* четы и для сыновъ Паллады». Въ журн. «СПб. Меркурій» 1793. II. 14: «Не въ храмѣ *древнія* и пышныя цитеры». Въ журн. «Аглая» 1794, кн. I. 26: «И блескъ *цѣтущія* природы померкнетъ на твоихъ брегахъ», стр. 31: «Въ нѣдрахъ *хладныхъ* земли отъ любви моей сокрытыхъ» («Къ соловью»). Въ журн. «Аониды» 1796, ч. I («Соловей»): «при свѣтѣ *ясныхъ* луны», «среди *ночныхъ* тишины». Въ журн. «Полярная Звѣзда» на 1823 годъ въ стих. «Смерть Ипполита» (М. Лобанова) 333: «Внезапно на хребтѣ *водяныхъ* равнины». Такимъ образомъ мы подошли уже ко времени полнаго расцвѣта поэтическаго языка Пушкина.

Какъ мы знаемъ, въ это время и Пушкинъ употреблялъ такія формы (сл. нашъ «Опытъ» вып. II), но только въ стихахъ:

«И жало мудрыя змѣи» (Пророкъ. 1826 г.).

Срв. у Пушкина же: *сребристыя* — Пѣсня. 1812 г., *алыя* — Кольна. 1814, *первыя* — Остаръ. 1814, *Элѣинскія* — Бова. 1815, *великія* — Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. 1815, Стих. 1824, *затыя* — Къ Батюшкову. 1815, *веселыя* — Мое завѣщаніе. 1815, *отческія* — Эпиграмма. 1815, *Фессальскія* — Моему Аристарху. 1815 г., *милыя* — Слово милой. 1816, *Пафѣоскія* — Н. И. Кривцову. 1819 г., *младыя* (?) — Посвященіе. Кавк. Пгѣн. 1821, *брачныя* — Евг. Он. 1825, *зеленыя* — Сказка о мертвой царевнѣ... 1833 г. (Даже въ сказкѣ, написанной почти народнымъ языкомъ!). У Жуковскаго: «Ревнитель истинныя славы» (IV тетр. 1826 г. Государю Имп. Николаю I), «на праздникъ красныя весны» (Людмила. Идиллія F. XIV. 51). Въ Одиссеѣ: «Видѣть хоть дымъ отъ родныя земли». У Лермонтова: «какъ призракъ дымныя мечты». Портреты 1829.

5) Особенно широко распространились въ русскомъ литературномъ языкѣ и перешли въ народный церковно-славянскія *неполногласныя* сочетанія *ра, ла, ре, ле (лъ)* между согласными. Напр., *храмъ, врагъ, пражъ, стражъ, врата, глава, молодой, брегъ, вредъ, млечный, плынь, предъ, прежде, прежній, превращеніе, преображеніе* и проч. Этими неполногласными формами русскій образованный и литературный языкъ обогатился такъ выгодно, что получилъ возможность однимъ и тѣмъ же корнемъ слова, въ двухъ его видахъ: южно-славянскомъ и русскомъ, выражать различныя понятія, причемъ за южно-славянскимъ корнемъ, большею частью, сохранилось значеніе отвлеченныхъ, религіозныхъ и церковныхъ понятій. Напр., *храмъ* и *хоромы*, *пражъ* и *порожъ*, *врата* и *ворота*, *треба* и *теребить* (др. *тереба*) и др. Однако срв.: *преемникъ* и *перенимать*, *поврежденіе* и *развередить*, *привратникъ* и *ворота*, *превратный* и *переворотъ*, *предокъ* и *передокъ*, *вражда* и *жоржанинъ*, *главный* и *головной* и мн. др. Нѣкоторыя неполногласныя формы даже не имѣютъ для себя параллелей съ русской огласовкой въ литературномъ языкѣ, т. к. послѣднія остались навсегда принадлежностью русскаго народнаго языка, хотя прежде и были извѣстны въ старомъ литературномъ, не письменномъ, а живомъ языкѣ. Къ такимъ словамъ относятся: *бремя, время, млечный* (путь), *пламенный, плынь, храбрый* и др. Въ виду того, что эти церковно-славянскіе элементы живутъ и понынѣ въ нашемъ литературномъ языкѣ, мы не приводимъ для нихъ примѣровъ изъ авторовъ.

6) Въ нашъ литературный языкъ вошло много словъ съ церковно-славянскимъ произношеніемъ гласныхъ *о* и *е*, происшедшихъ изъ старыхъ

з и ъ и стоящихъ въ тѣхъ мѣстахъ слова, гдѣ въ чисто-русскомъ языкѣ мы можемъ обойтись безъ гласнаго звука, т.-е. гдѣ произошло выпаденіе древнерусскихъ гласныхъ з и ъ. Это выпаденіе древнерусскихъ з и ъ не имѣло мѣста лишь тамъ, гдѣ они стояли въ первомъ и притомъ ударяемомъ слогѣ слова, и вообще подъ удареніемъ, и тамъ, гдѣ въ слѣдующемъ за ними слогѣ тоже было з и ъ. Во всякомъ другомъ положеніи др. русскіе звуки з и ъ выпадали, какъ показываютъ намъ данныя исторіи русскаго языка. Такимъ образомъ могутъ быть признаны цер.-славянскими произношенія: *возвѣлз* (риѣма: *узрѣлз*) — Иппокрена. 1799. ч. I. Стр. 3, *воздѣйни* — ib. Стр. 6, *возрадоваться*, *возрыдѣтъ*, *вспоминѣтъ*, *востѣлз*, *вопрошѣтъ*, *собѣлз*, *совѣтъ*, *соблазнѣтъ*, *сокрѣвище*, *сокрѣтъ*, *сѣтворѣтъ*, *сохраниѣтъ*, *вертѣна*, *рѣбота*, *купеческій*, *жреческій*, *человѣческій* и под. Напр., «Душа моя *возмуцѣна*» — СПБ. Меркурій, 1793. III. 3. «Когда *ко* ужасу луговъ — ib. 4. «Всѣ ихъ ученые *соборы*» — ib. 5. «Скорѣ Сень-жермень *возстанѣтъ*» — ib. 5. «Съ богатствомъ *совѣтъ* не равнялъ» — ib. 17 (И. Крыловъ).

Срв.:

«Отъ востока шумною рѣкою
Мракъ ладны волны разливалъ». ib. 19.

Или:

«На тверди *возсіалъ* небесней
Въ огняхъ *свержающихъ* востокъ». ib. 20.

Или:

«Но вдругъ звѣздъ тихихъ лучъ *прекрасный*
Блестящій образъ свой *сокрылъ*!» ib. 21. Срв. «*Скрѣю*» — ib. 40.

Въ прозѣ: «*сокрылъ*» — ib. 1793. IV. Стр. 58.

Или:

«Рекла — и страшно *содромула*
Вкругъ ней дымящаяся мгла». ib. 23.

Или:

«Въ грядущи времена о насъ
Вспоминѣтъ ли когда потомки?» ib. 32.

Или:

«Кто блага смертныхъ былъ *содѣтель* —
И послѣ смерти тотъ не мреть». ib. 34 (А. Клушинъ).

Или:

«Не представляй ты мнѣ *совѣтомъ* столь обидныхъ». ib. 37.
(Мартыновъ?).

То же и въ прозѣ:

«Красота нравится, физиономія *возхищѣтъ*». ib. 1793. IV. 72.

Въ «Опис. Петербурга», Рос. Магази́нь 1792 г. ч. I. 12: «новое *содѣлается* для потомства древнимъ». Въ «Аглаѣ» 1794, ч. I. 31 (къ соловью):

Въ нѣдрахъ хладныя земли
Отъ любви моея *сокрытыя*.

Въ «Соб. люб. рос. слов.». 1783, ч. X. 5:

Свѣтлы дневному *сокрытомуся* въ водахъ
Здѣсь царствуетъ покой и въ селахъ и въ градахъ.

Въ журналѣ: «Утрен. часы» 1788 г., ч. II. 34: «онѣ (почести) тебѣ *содѣлаютъ* нещастнымъ».

Въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г., въ статьѣ: «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» А. Бестужева читаемъ на стр. 1: «все прочее *сокрывается* въ туманѣ преданій».

Вообще, такими примѣрами изобилуетъ весь нашъ литературный и разговорный языкъ въ образованномъ обществѣ и нынѣ. Срв. у нашихъ позднѣйшихъ писателей, въ XIX вѣкѣ, у Пушкина:

«Ты *соарамъ* въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальныя нравы». «19 окт.» 1825.

Или:

«*Сокроемъ* жизнь подъ сѣнь уединенья». ib.
«Поднимемъ стаканы, *содвинемъ* ихъ разомъ».
«Вакхич. пѣснь». 1825.

Срв.:

«Волнѣмъ *содвинуты*...». «Мѣдн. Вс.» 1833.

Или:

«*Воспоминала* съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ...». «Бахч. Фонт.» 1822.

Срв.:

«И Наташу *вспоминать*...» Къ Наташѣ». 1816.

Или:

«Лишь ты *вспомни*, герой Полтавы...». «Полтава». 1828.
«Здѣсь. Памятникъ жена ему *вспомнила*...». «Кам. Гость». 1830.
«*Содрублилась* земля, шатнулася градъ...». Черновой набросокъ 1835 г.
«Три дня *купеческая* дочь
Наташа пропадала...». «Женихъ». 1825.

Срв. въ «Зритель» 1792 г. ч. II. Августъ. Стр. 321:

«А у нашихъ *кумечки*хъ щеголихъ мужніе торги...».

Есть примѣры, гдѣ нынѣ болѣе употребительна форма съ гласной, прежде же писалось и безъ гласной. Въ «Собр. люб. рос. слов.» 1783,

ч. VII. 174: «изъ твореній его *изшелъ* Невтонъ, подобно какъ Миперва *изшла* изъ главы Юпитера» (мы теперь говоримъ и пишемъ, если только понадобится, — *изошелъ*, — *изошла*, ср. произошелъ, произошла, но «пропшество», «исшество» неупотребительно, но «исходъ» и «выходъ» въ разныхъ значеніяхъ, рядомъ же «происхождение». Въ журн. «Пріятн. и полезн. препроводж. времени» 1794 ч. II. 7 читаемъ: «я *осходилъ* на самой ихъ верьхъ», нынѣ одинаково: и «всходилъ» и «восходилъ» (напр. на гору), но только «восходить», напр., «до XII-го вѣка» или «къ XII-му вѣку» и т. д.. солнце «восходить» и «всходить», но только «восходъ солнца» и «всходъ посьва».

Письмо для церковно-славянскаго языка явилось формою, выразившею болѣе или менѣе этотъ языкъ, а потому церковное чтеніе продолжало произносить буквы *з* и *ѣ*, какъ *гласные*, даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ эти звуки совершенно исчезли въ разговорномъ русскомъ языкѣ. По традиціи русскій литературный языкъ былъ тѣсно связанъ съ церковнымъ, п. ч. было время, когда послѣдній служилъ и *литературнымъ языкомъ*, не только *письменнымъ*, т.-е. *книжнымъ*. Слѣдовательно, такіе элементы, какъ: *сокрылъ*, *сдвинулъ* и под. въ литературномъ произношеніи того времени, когда стали уже различаться два языка: церковно-книжный и литературный, т.-е. когда русская литература запаслась болѣе широкимъ кругомъ вопросовъ, чѣмъ церковная письменность, — обязаны *церковному произношенію* своимъ существованіемъ, а это произношеніе повліяло и на правописаніе и стало изображаться въ нашей литературной орѳографій, не тронувъ однако народныхъ русскихъ формъ — *скрылъ*, *сдвинулъ* («здвинулъ»), — которыя къ нашему времени вытѣснили собой книжныя формы и изъ литературныхъ произведеній, хотя еще не совсѣмъ. Это дѣло будущаго, по крайней мѣрѣ, для языка *стихотворныхъ* произведеній; но *говорить* «по-книжному» въ данномъ случаѣ уже никто и не думаетъ даже изъ людей образованной среды.

Говоря о старыхъ буквахъ *з* и *ѣ* и ихъ церковномъ произношеніи послѣдующаго времени, которое внесло собой это произношеніе и въ правописаніе свѣтскихъ книгъ, мы не можемъ не коснуться тѣхъ случаевъ орѳографій нашихъ свѣтскихъ книгъ XVIII-го вѣка, въ которыхъ заразы отражается и живое народное произношеніе того нарѣчія, на основѣ котораго образовалась литературная рѣчь, и письменная традиція. Сюда принадлежатъ такіа написанія, какъ: *верьхъ*, *сверху*, *церьковъ* и проч. под. Нынѣ мы уже не пишемъ и не печатаемъ *ѣ* послѣ *р* въ этихъ и подобныхъ словахъ, хотя и произносимъ *р* мягко, наблюдая въ то же время и произношеніе твердаго *р* въ этихъ случаяхъ у лицъ съ литературнымъ образованіемъ

и даже у уроженцевъ города Москвы. Вѣроятно, послѣднее обстоятельство и было, между прочимъ, причиною того, что съ теченіемъ времени установившимся правописаніемъ было вытѣснено это ѡ послѣ *р*; между тѣмъ какъ въ періодъ неустановившагося правописанія мы постоянно встрѣчаемъ въ книгахъ это ѡ, согласно съ произношеніемъ большинства москвичей. Такъ, напр., у Ломоносова мы найдемъ: *верхи*, *къ верху*, *оверхъ*, *отвергаютъ*, *зеркало*, *почернати*, *скорьби* (Академич. изд. I. 93); *сперьва*, *перьвому*, *сверькаетъ* (I. 160. 290. 293); *церквахъ* — I. 318, *церковной* — II. 192 и мн. др. (См. мою статью въ Ж. М. Н. Пр. 1898, № 3. Стр. 174). Срв. въ журналѣ Цвѣтникъ. 1810, ч. V. Стр. 29: *скорьби*; *сверьхъ* — ib. 69. Но: *скорбь* — ib. 52, *смерти* — ib. 53, *верьхъ* — СПб. Меркурій. 1793. I. 233. «Такъ гордый *верьхъ* свой воздымаетъ». Пок. Трудолюб. 1785, ч. III, 87, *верьхомъ* — Иппокрена, 1799. I. 18, *на верьху* — ib. 21, *сумрыки* — ib. 248, *оъ верьхъ* — Зритель. 1792. Май. Стр. 23, 36, *на верьхъ* — ib. 40, *перьвымъ* — ib. 47 (твор. п. ед. ч.). Зато мы не встрѣтимъ въ нашихъ книгахъ этого времени, при всей неустановленности и шаткости тогдашней орфографіи, такихъ написаній, какъ: *жерьтва*, *заверьтывать*, *мерьтвый*, *мерьзость* и проч. под., потому что въ живомъ разговорномъ языкѣ того времени, даже и въ языкѣ образованнаго общества чаще и чаще стало раздаваться чисто народное произношеніе такихъ словъ, если послѣднія *русскаго* происхожденія, со звукомъ *ѣ* вм. *е* въ положеніи передъ *р* съ слѣдующей твердой зубной согласной; если же слово было заимствовано изъ церковно-славянскаго и перешло въ народъ (напр., *жѣртва*), то оно и въ народномъ произношеніи сохраняло свое церковно-славянское *ѣ*, не перешедшее въ *е*. Такимъ образомъ, слыша кругомъ себя: *вѣрба*, *вѣрхъ*, *дѣрнать*, *зѣркало*, *пѣрвый*, *сѣръхъ*, *четвѣръхъ* и под., литераторъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка слышалъ въ то же время: *бѣрда*, *ѣрзать*, *пѣрстъ*, *твѣрдо*, *чѣрный* (*чѣрный*, *учѣный*, *чѣртъ* и под. Зритель 1792 г. Май. Стр. 23, 24, 44 и др.), но: *дѣрзость*, *жѣртва*, *мѣрзость*, *сквѣрный* и под., и, приспособляясь къ своему и окружающему произношенію, выражалъ его и въ орфографіи печатныхъ изданій этого времени.

7) Въ составъ русскаго литературнаго языка вошли чрезъ посредство церковныхъ книгъ южно-славянскіе предлогъ — префиксъ *раз-* и сочетаніе *ра* въ начальномъ слогѣ нѣкоторыхъ словъ, существующіе здѣсь донинѣ параллельно съ русскимъ народнымъ *роз-* и *ро-*, которые *подъ удареніемъ* сохранились и въ литературномъ языкѣ. Такія слова, какъ *разумъ*, *распръ*, гдѣ *а* стоитъ *подъ удареніемъ*, имѣютъ здѣсь рѣшающее значеніе, какъ слова, доказывающія церк.-слав. заимствованіе при русскихъ: *рѣспись*, *рѣз-*

дытъ, рѣскошъ, рѣзвални, рѣзътъ, рѣзыскъ, рѣзмагъ, рѣзътани (при *разста-
ваніе* и *разстояніе*), *рѣзъказни* и под. Также: *рѣзъный* при рус. *рѣзъный*; *рѣзъ-
ный* при русск. *рѣзъный*. Что же касается словъ, гдѣ *раз-* и *ра* въ слогѣ
передъ ударяемымъ, то здѣсь надо различать графическія явленія и фонети-
ческія въ языкѣ: дѣло въ томъ, что *аканье* и *ѣканье* (т.-е. произношенія:
вадіа... вѣлз, идѣтз...) оказались среди прочихъ фонетическихъ явленій южно-
великорусскаго нарѣчія настолько могучими факторами литературнаго про-
изношенія, что не уступили энергій своего вліянія, даже несмотря на тѣ
вѣянія и условія, о которыхъ мы говорили выше (колебанія языка въ сто-
рону ц.-сл. произношенія подъ вліяніемъ церковныхъ школъ, южно-русскаго
духовенства, традицій при обученіи грамотѣ, воззрѣній на народный языкъ
въ той части русскаго общества, которая обнаружилась послѣ распада
его въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка на «аристократическую» и «демо-
кратическую» интеллигенцію), и насильно проникли въ литературное произ-
ношеніе, такъ что съ *аканьемъ* даже и не боролись писатели (См. Сума-
рокова вышеназв. соч.), а противъ *ѣканья* боролись, но недолго и безу-
спѣшно. Такимъ образомъ, акающему нарѣчію суждено было сдѣлаться
литературнымъ нарѣчіемъ и произношеніемъ; слѣдовательно, слова: *разбѣй,*
разыскивать, расписывать, расти, работа, ракета и под. уже въ эпоху
аканья (XIV в.) должны были независимо отъ церковно-славянскаго произ-
ношенія звучать въ вышеприведенной формѣ, и въ данномъ случаѣ рѣчь
можетъ быть лишь о совпаденіи церковно-славянскихъ и русскихъ произно-
шеній, что, вѣроятно, и повело за собой и графическое отождествленіе по-
добныхъ русскихъ словъ со словами церковно-славянскими въ нашей устано-
вившейся нынѣ орфографіи. Въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій и понынѣ,
несмотря ни на какую орфографію, произносятъ: *розбѣй, робѣта*¹⁾ *рості,*

1) Интересно въ высшей степени въ журналѣ «Живописецъ» 1772 г. (СПб. ч. I) то
мѣсто статьи «Путешествіе», гдѣ приводится разговоръ между баринѣмъ и крестьянами,
при чемъ въ правописаніи есть попытка передать произношеніе и барина и крестьянъ. Такъ,
рѣчь барина напечатана слѣдующимъ образомъ: «завтра воскресенье, и вы конечно на
работу не пойдете» — стр. 108. Рѣчь крестьянъ напечатана такъ: «какъ не роботать», «за
работу» — стр. 108. По сіюсъ день Господень всѣо таки у насъ, родимой, погода; такъ сперва
всегда ево, боярской (хлѣбъ), убирасмъ» — стр. 107. «Вы поскорѣе уберіотесь» — ib. «вѣтъ,
мы себѣ не лихѣди: хлѣботъ нашъ» — 107, 108. Подчеркнутыя здѣсь буквы отличаютъ
произношеніе барское, интеллигентное въ концѣ XVIII вѣка отъ произношенія народнаго:
первое было *работа*, пойдѣте, а второе: *робота, уберіотесь*... Весьма естественно, что народ-
нымъ произношеніемъ для петербургскаго журналиста было *робота*, а не *работа*. Да, кромѣ
того, очень вѣроятно, что и въ подмосковныхъ селахъ и сосѣднихъ къ московскому уѣзду
сѣверныхъ уѣздахъ Московской губерніи въ XVIII вѣкѣ слышалось произношеніе *робота*
гораздо чаще, чѣмъ теперь (Срв. мою статью въ «Юбил. Сборникѣ» въ честь В. О. Миллера.

рощѣтъ, *рошѣиска* и проч. Слѣдовательно, ореографія имѣетъ ограниченную силу и не могла передѣлать ни *аканья* въ южно-великорусскомъ нарѣчѣи, ни *оканья* — въ сѣверно-великорусскомъ. Но, вѣдь, мы и тогда уже видѣли въ церковныхъ книгахъ *раз-*, *ра-*, когда еще сами говорили и писали въ не церковныхъ письменахъ (т.-е. въ будущемъ литературномъ языкѣ въ отличіе его отъ письменнаго, или книжнаго, бывшаго до Петра Великаго и литературнымъ) *роз-* и *ро-*; слѣдовательно, едва ли правильно въ этомъ вопросѣ о *раз-* и *ра-* въ русскомъ языкѣ останавливаться только на мысли о заимствованіи: послѣднее можетъ быть доказано въ русскомъ языкѣ лишь случаями *раз-* и *ра-* *подъ удареніемъ*. Остальные же случаи ведутъ къ заключе-

М. 1900 г. «Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской диалектологіи»). Что же касается до произношенія *ѣ*, какъ *ѣ* и какъ *ѣ* (*ѣ*), то изображенная въ журн. «Живописецъ» крестьянская рѣчь параллельно съ барской подтверждаетъ наши положенія, высказанныя выше на основаніи анализа *стихотворной* рѣчи, а не прозаической, въ XVIII и началѣ XIX вѣка. Мы видимъ, что ореографія въ журн. «Живописецъ», имѣла претензію на приблизительно точное воспроизведеніе народнаго произношенія въ данномъ отношеніи въ отличіе отъ произношенія интеллигентной среды, приписываетъ звукъ *ѣ* народу въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ баринъ говоритъ или пишетъ (въ прозѣ или въ стихахъ) звукъ *ѣ*. Это совпадаетъ и со свидѣтельствомъ Тредьяковского и Сумарокова (см. выше). На стр. 48 этого же журнала мы находимъ: «прежнему великому росходу причиною было». Само собою разумѣется, что *литературное* произношеніе этого слова было «расходъ», какъ и произношеніе «вадѣ» (Сумароковъ и Тредьяковский *ibid.*), хотя послѣднее слово въ ореографіи приняло къ разсматриваемому времени устойчивый видъ: вода, между тѣмъ какъ такіа слова, какъ расходъ и подъ, еще не получили въ ореографіи этого времени устойчиваго вида. Чрезвычайно важно, что изъ разсмотрѣнныхъ нами въ Кавани и Петербургѣ журналовъ XVIII—XIX вѣка (20 журналовъ за всѣ года ихъ изданія) ясно видно, что подобное начертаніе, какъ «росходъ» (напр., «великому росходу причиною было»... Живописецъ 1772 г. I. 48), почти не встрѣчается въ *Московскихъ* изданіяхъ; между тѣмъ какъ *окающее* произношеніе и московской и петербургской интеллигенціи этого времени ясно доказывается массой другихъ случаевъ ореографіи въ этихъ же журналахъ и въ собственноручныхъ бумагахъ (автографовъ) писателей этого періода. Въ журн. «Покопшіся Трудолюбецъ» 1784 г. ч. II. Стр. 164 мы читаемъ: «видѣтъ я малоденнаго господчика». Или: «Младые всѣ орлы надъ нею хохотали», *ib.* 1785. Ч. IV. Стр. 244. («Вороны и орлы»). Или: въ «Собесѣдникъ люб. рос. словъ» (органъ Академіи Наукъ) за 1783 г., ч. I Стр. 28:

«Изъ водъ косышки вырывался
И съ скупыиъ золотниомъ сражался,
Отрепнлась выбѣгти изъ нелестъ» (Идилія, вечеръ 1780 г. Ноябрь. 6).

На стр. 29 здѣсь же: «косыику». Въ «СПб. Вѣстникѣ» на 1779 г., ч. IV. 2-я полугодіе, на стр. 7 читаемъ: «хорошій хазантъ». Очень вѣроятно находимъ слово: «кантира» съ бумажною въ печати; такъ, въ журн. «Живописецъ» 1772 г. II, стр. 406, въ журн. «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій» на 1791 г. ч. IV. Стр. 120: «спать въ кантирѣ». Въ журн. «Россійскій Магазинъ» (В. Тунавскаго) за 1793 г. ч. II на стр. 351 читаемъ: «свѣдѣи изъ кантирной кантиры». У Измайлова А. Е. находимъ въ *собственноручныхъ бумагахъ* (IV тетрадь Ркн. Им. Публ. Библ.) «не сдѣлаешь и въ голѣ, какъ ты ни харабуриса» (стр. 74). Изучая литературный языкъ нашихъ «образованныхъ» писателей XVIII вѣка, мы замеча-

нію не о заимствованіяхъ въ *языкъ*, а о традиціи церковно-славянской въ нашемъ *правописаніи*: въ самомъ дѣлѣ, употребленіе *раз-* и *ра-* въ *новгородскихъ* и *тверскихъ* памятникахъ письменности XIV—XV в. нисколько намъ не говоритъ объ *аканьѣ* въ этихъ мѣстностяхъ, а только о заимствованной ц.-сл. *графикѣ*. Едва ли поэтому можно усматривать элементъ языка гдѣ-нибудь еще, кромѣ нѣсколькихъ словъ, въ родѣ: *разумъ*, *распря*, *рабъ*, *разный*, *радный*. Срв. произношеніе *святѣо* и проч. при ореографическомъ *святѣо* до 80-хъ годовъ XIX столѣтія. Отсюда нельзя дѣлать заключеніе о формѣ *святѣо*, какъ объ элементѣ *языка русскаго*. Если въ нашей ореографіи могли удержаться такіа написанія, какъ *святѣо*, *мухѣо*, *зѣѣо* и проч. вплоть до настоящаго почти времени, несмотря на то, что эти написанія прямо противорѣчатъ произношенію какъ литературнаго, такъ и народнаго языка, и остаются мертвой буквой, поддерживая лишь церковно-славянскую традицію въ русской графикѣ, то написанія: *расхѣѣѣ*, *разбѣѣѣ*, *работѣѣ* и под., совпадая при своемъ произношеніи и съ произношеніемъ литературнымъ, и съ произношеніемъ южно-великорусскаго нарѣчія, изъ котораго *аканье* перешло и въ литературную рѣчь, подавно могли пережить всѣ колебанія нашей ореографіи, не затрагивая интересовъ *самаго языка* и нисколько не свидѣтельствуя при этомъ о церковно-славянскомъ *произношеніи*, *заимствованномъ* изъ чужого языка въ нашъ.

емъ себѣ помощью подлинныхъ рукописей и печатныхъ старыхъ журналовъ взаимное вліяніе другъ на друга языка образованныхъ классовъ и языка простого народа: чисто-русскія слова придали демократическую звуковую окраску языку нашихъ писателей, напр., *пойдѣте*, *уберѣтесѣ* и проч. (но: *хребѣтѣ*, *щѣлка* осталось у насъ въ наслѣдство отъ стараго барскаго языка до сихъ поръ, хотя сейчасъ уже наблюдается и въ интеллигенціи колебаніе: *щѣлка* и *щѣлка*), а иностранныя вошли въ народъ въ той формѣ, въ какой народъ ихъ впервые услышалъ отъ интеллигенціи. Слича также колебанія въ словопроизводствѣ: въ журн. «Сѣверный Вѣстникъ» 1804 г. ч. IV. Стр. 284 читаемъ: «Вы всегда *оспоривали*. (Такъ же ч. III. Стр. 119. Такъ же у Пушкина: «И не *оспоривай* глупца». 1836 г. Авг. 21). См. мой «Опытъ грамматики»... Вып. III. СПб. 1904 г. Стр. 165. См. также: «Собесѣдн. люб. рос. слов.» 1783 г. ч. II. Стр. 161: «она *оспоривала* любимыхъ друзей мнѣніе». Въ «Рос. Магази́нѣ» 1793 г. ч. II. Стр. 1: «*оспоривающаю* оною». Въ журналѣ: «Пріятное и полезн. препровожд. времени» 1794 г. ч. I. Стр. 26: «дерзнули *оспоривать*». Иппокр. 1799 I. 186: «Есть у меня и свой дворъ, которой въ преимуществахъ сихъ всегда можетъ *оспоривать* твоимъ. Нынѣ пишемъ и говоримъ: *оспоривать*, *перепархивать*, даже иногда и: *прихачивать*, какъ *ошачивать*, *обрабатывать* и под. подобно народному (Казанск. губ.) *засѣвывать* (ковать), *засѣвать* (совать), *заплѣвывать* (плѣвать) и др., не перешедшимъ еще въ образованную рѣчь. Между тѣмъ, какъ въ бумагахъ И. И. Дмитріева (1760—1837) — Имп. Публ. Библ. F. XIV. № 51 читаемъ:

«Съ вѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ». («Стоишь связѣй голубочекъ»).

Срв. въ журналѣ: «СПб. Вѣстникъ» 1780 г. Ч. VI. 2. Стр. 187, «дѣтей своихъ *прихотчивая* къ чему ни есть» и друг.

8) Звукъ *γ* сохранился въ церковныхъ словахъ: *Боѳа*, *ѳосподѳ*, *блѳго*, *боѳатѳѳ* и дошелъ до нашего времени; но въ періодъ южно-русскаго церковнаго вліянія на Москву этотъ звукъ слышался гораздо чаще. Такъ, мы знаемъ, что Тредьяковскій — знатокъ современнаго ему московскаго говора — въ своемъ «Разсужденіи» (ibid. Стр. 380, 381, 386, 393) утверждаетъ, что московское *ѣ* есть *h*, и что только передъ *а*, *о*, *у* оно есть *ѣ = g*. Тредьяковскій въ алфавитѣ помѣщаетъ *ѣ = h* и *ѣ = g* и пишетъ «*гусь*». Сумароковъ (Соч. X, стр. 49, срв. 44) дополняетъ наши свѣдѣнія по этому вопросу, говоря: «*Г* во славенскихъ реченіяхъ произносится, какъ латинское *H*, а во простонародныхъ, — какъ латинское *G*». На основаніи предыдущаго мы уже можемъ сдѣлать заключеніе, что образованное общество того времени, избѣгая *простонароднаго* произношенія, говорило *h*, чтобы не упасть въ «подлость», т.-е. старалось произносить: *храт*, *хрон*, *хрусть*, но: *гусь*, *ѳоры*, *ѳадость*. По всей вѣроятности, очень скоро однако это церковно-интеллигентное произношеніе уступило мѣсто московскому народному и отождествилось съ нимъ во всѣхъ случаяхъ: именно, мы теперь имѣемъ вездѣ *ѣ = g*, кромѣ перечисленныхъ словъ *церковныхъ* и *природныхъ* южно-великорусскихъ, сохранившихъ и въ литературномъ языкѣ, звукъ *h*, какъ туземное народное произношеніе. Напр., *хосподинъ*, *хоспожа*, *дѣхоть*, *лѣхокъ*, *мѣхокъ*, *нѣхоть*, *когда*, *тогда*, *всегда* и нѣкр. др. Какъ видимъ, среди этихъ словъ есть и не книжныя, а потому ихъ нельзя считать заимствованными изъ церковно-славянскаго, а слѣдуетъ въ нихъ видѣть элементъ народный, отчасти чисто фонетической природы. Орфографія, не располагая особымъ знакомъ для звука *h* (*γ*), въ этомъ отношеніи не можетъ намъ оказать услугу; но единичные случаи, какъ, напр., *кнѣмя* (Тредьяковскій, ibid. 399), указываютъ на звукъ *h* въ этомъ словѣ у москвичей того времени. Нынѣ совсѣмъ почти не слышно согласнаго между *я* и *и* въ этомъ словѣ при безыскусственномъ произношеніи («княгѣня» почти = «кнейня»; 'е вм. 'а въ предударномъ слогѣ согласно съ ю.-вр. аканьемъ).

9) При сравненіи въ нашемъ языкѣ такихъ словъ, какъ: *искупить* и *выкупить*, *испустить* и *выпустить*, *исходъ* и *выходъ*, *излить* и *вылить* (срв. «изліяніе чувствъ» и «выливаніе воды»), *издать* и *выдать* (срв. «издать повелѣніе» и «выдать деньги»)¹⁾, *истекать* и *вытекать* (у Державина: «Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истѣкъ». Ода «Богъ» 1784), *изслѣдовать* и *выслѣдить*

1) Карамзинъ пишетъ въ Моск. Журналѣ 1791 г. ч. I. Предувѣдомленіе: «Журналъ *выдавать* не шутка» (нынѣ «издавать», «выдавать» журналъ означало бы актъ передачи готовой книги изъ однихъ рукъ въ другія).

(«Изъяснять судьбы Твоихъ». Державинъ, *ibid.*) и друг.,—мы видимъ, что префиксъ *вы-* въ такихъ случаяхъ сообщаетъ словамъ конкретное значеніе, ограничивая ихъ сферой общаго разговорнаго употребленія; префиксъ же *из-* въ такихъ случаяхъ сообщаетъ словамъ болѣе отвлеченное значеніе и принадлежитъ болѣе изысканной литературной рѣчи. Однако сравните: *источникъ* — и книжное и народное вмѣстѣ; *истоптать* и *вытоптать*, *истопить* и *вытопить*, *издохнуть* и *сдохнуть* и мн. др. Въ послѣднихъ примѣрахъ префиксы дифференцируютъ собой значенія приведенныхъ словъ, сообщая имъ особые оттѣнки, одинаково необходимые для выраженія мысли, независимо отъ содержанія ея и отъ степени образованія говорящихъ или пишущихъ.

Мы перечислили главнѣйшіе церковно-славянскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ, поскольку послѣдніе выступаютъ наружу при помощи или данныхъ нашей орфографіи, или данныхъ фонетики и морфологіи, или, наконецъ, при помощи данныхъ изъ истории нашего языка и нашей письменности. Полноты въ этомъ отдѣлѣ мы не беремся достигнуть: многіе составные элементы нашей литературной рѣчи такъ переплелись между собой, что трудно ихъ выдѣлить и указать для нихъ первоначальный источникъ. Такъ, въ морфологическомъ составѣ нашего литературнаго языка, въ словообразовательныхъ процессахъ приняли участіе многіе факторы, классифицировать которые далеко не легко: напр., образованія въ родѣ: *объемлетъ*, *взимаетъ*, *возымѣтъ* и под. хорошо извѣстны нашему литературному языку, но неизвѣстны народу, хотя и представляютъ собой явленія въ одно и то же время и церковно-славянскія и чисто русскія. Срв. также: *усопшій* и *уснувшій* и под. Или: *страмъ*, *ндравъ*, извѣстныя въ этой русской переливовкѣ церковно-славянскія слова еще въ литературномъ русскомъ языкѣ XVIII вѣка (срв. *страмца* — род. п. ед. ч. — СПб. Меркурій 1793 г. II. Стр. 106), тѣсно связали явленія обоихъ языковъ, но когда они *оперые* появились въ литературномъ языкѣ и подъ чьимъ перомъ, въ какой мѣстности, мы за неимѣніемъ данныхъ отвѣтить не можемъ.

IV.

(Вліяніе туземныхъ элементовъ. Дѣловой языкъ приказовъ. Значеніе Петра Великаго для образованія литературнаго языка).

Переходимъ къ анализу *туземныхъ* элементовъ русскаго литературнаго языка. Здѣсь мы имѣемъ въ виду указать тѣ элементы чисто-русскаго

происхожденія, которые оказались наиболѣе живучими и сильными въ процессѣ образованія и дѣятельности языка современной литературы. И въ этомъ отдѣлѣ опять ретроспективный взглядъ историка въ связи съ данными сравнительной діалектологіи русскаго языка не долженъ быть упущенъ нами изъ виду. Мы до сихъ поръ слѣдили за судьбой церковнаго языка въ нашей письменности; но этотъ церковный языкъ, какъ мы видѣли, уже съ Петра Великаго занялъ гораздо болѣе скромное положеніе, чѣмъ прежде, ограничившись церковнымъ употребленіемъ, темами церковно-богословскихъ проповѣдей и нѣкоторой практикой въ духовныхъ училищахъ и въ средѣ духовенства. Что же положено было въ основу языка нарождавшейся свѣтской литературы? Что сдѣлалъ Петръ Великій для языка русскаго свѣтской литературы? Отвѣтъ на эти вопросы мы найдемъ въ памятникахъ древней русской письменности и въ Указахъ Петра. Еще въ древней Руси XIII-го вѣка мы рѣзко различаемъ въ памятникахъ письма *два языка*: языкъ церковныхъ книгъ и языкъ дѣловыхъ бумагъ. Послѣдній, *дѣловыи языкъ*, извѣстенъ намъ изъ цѣлаго ряда письменныхъ актовъ, выражающихъ самыя разнообразныя дѣловыя отношенія, возникавшія подъ вліяніемъ жизненныхъ условій между русскими людьми различныхъ классовъ и сословій на пространствѣ отъ XIII-го до XVII-го вѣка включительно. Одни названія такихъ письменныхъ актовъ уже знакомятъ насъ съ разнообразнымъ содержаніемъ взаимоотношеній представителей всего русскаго общества: всякаго рода *купчія, рядныя, заемныя, вкладныя, договорныя, слѣдственныя, исковыя, челобитныя* и другія бумаги вводятъ насъ въ кругъ внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ интересовъ общественной, государственной и частной жизни русскаго народа, въ кругъ такихъ интересовъ, которые могли быть выражены лишь мѣстнымъ русскимъ языкомъ, оригинальнымъ по самому характеру выражаемаго этими бумагами содержанія. Словомъ, въ этихъ дѣловыхъ бумагахъ мы имѣемъ чисто-русскій языкъ оригинальныхъ памятниковъ, для которыхъ не могло существовать и не существовало иноземныхъ или церковно-славянскихъ оригиналовъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ пріемовъ ореографическихъ: списывать было неоткуда; надо было *творить* и *мыслить* русскому человеку въ области свѣтскихъ и не богословскихъ интересовъ. Очевидно, для мысли такого содержанія былъ у русскаго народа въ распоряженіи только свой *домашній* языкъ со всѣми его діалектическими особенностями въ различныхъ мѣстностяхъ его употребленія. Закрѣпить «грамоткой» такія дѣловыя отношенія или договоры и условія между русскими людьми и передать ихъ наслѣдникамъ и потомству могли только «грамотеи» того времени. Такими грамотеями были въ древней

Руси прежде всего *дѣла* въ приказныхъ избахъ слагавшагося Московскаго Государства, а потомъ и *подьячье* и *писимы* всякаго рода, расширившіе свою письменную дѣятельность далеко за предѣлы «приказовъ» и перенесшіе мало-по-малу свою профессію въ центры народныхъ сборищъ, на «площадь», въ лицѣ «площадныхъ подьячихъ». Когда въ кипучей дѣятельности періода Московской культуры и централизациі обнаружилась нужда въ такихъ грамотеяхъ, то жизнь выдвинула для удовлетворенія этой нужды прежде всего тѣхъ людей, которымъ была знакома грамота. Грамота же, конечно, была только церковная, азбука тоже церковная; и вотъ являлась новая задача: выразить старыми средствами новыя отношенія, новыя интересы, которые обсуждались на живомъ языкѣ, не передаваясь сначала на бумагу. Значитъ, языкъ для выраженія этихъ интересовъ былъ готовъ: оставалось закрѣпить его перомъ. Дѣйствительно, *дѣловой языкъ* этого времени въ XIV-мъ и слѣдующихъ вѣкахъ, въ актахъ всякаго рода, *есть языкъ разговорный*. По языку актовъ этого времени мы видимъ, что онъ существенно отличался отъ языка церковныхъ книгъ и очень близко подходилъ къ фонетической транскрипціи народнаго произношенія въ различныхъ мѣстностяхъ, при чемъ централизующее вліяніе Москвы и произношеніе московскихъ грамотеевъ сказывается въ передачѣ *окающаго* произношенія даже въ бумагахъ, написанныхъ въ предѣлахъ *окающаго* говора, между тѣмъ какъ мелкія фонетическія особенности, напр., *цоканье* и др., часто сохранялись невольно въ транскрипціи дѣловыхъ бумагъ.

Внимательное изученіе языка актовъ XIV-го и слѣдующихъ вѣковъ, сравнительно съ языкомъ простого народа разныхъ губерній нашего времени, доказываетъ: что дѣловой языкъ бумагъ XIV-го вѣка точнѣе всего передавалъ живую разговорную русскую рѣчь того времени; что этотъ дѣловой языкъ, захвативъ въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи разсмотрѣнные выше элементы церковнаго языка, сталъ родоначальникомъ будущаго языка свѣтской русской литературы; что онъ же впустилъ широкую струю народныхъ діалектическихъ элементовъ въ литературный языкъ; что, далѣе, онъ началъ собой серьезный и трудный переломъ въ языкъ нашей письменности, которая съ этихъ поръ замѣтно стала въ морфологическомъ, лексическомъ и даже фонетическомъ отношеніяхъ обнаруживать *живое начало* русскаго языка и его *книжные элементы*, не получившіе дальнѣйшаго развитія и примѣненія и оставшіеся въ церковной книгѣ; наконецъ, этотъ же языкъ обнаружилъ при сравненіи съ языкомъ актовъ болѣе поздняго времени *стремленіе*, какъ всякій письменный и дѣловой языкъ, къ *консерватизму* и сталъ *отставать отъ языка жизни, бывшаго въ устахъ разговаривающихъ*

лицъ, гдѣ господствовали въ жизни мысли новыя психическія ассоціаціи, выразившіяся въ творческомъ началѣ языка, въ господствѣ *аналогіи* и ея двигающей силы. Такъ, съ одной стороны, мы замѣчаемъ въ языкѣ актовъ съ XIV-го вѣка вытѣсненіе формъ, дат. п. ед. ч. прилагательныхъ на *-уму*, колебаніе между формами дв. числа на *-ую* и на *-ою*, между формами причастій на *-ы* и на *-а*, вытѣсненіе формъ *аориста* и *имперфекта*; съ другой, — появленіе формъ 3 л. ед. и мн. ч. глаголовъ наст.-буд. времени на *-тъ*, появленіе формъ дат. — твор. п. мн. ч. на *-мя*, формъ *путья*, *путью*, *путемъ*, *коней*, *мужей*, *князей*, *коньми* и под. Замѣчаемъ широкую свободу въ передачѣ фонетическихъ особенностей языка: *у* вм. *о* и, наоборотъ, *ѳ* вм. *х* и наоборотъ, *ц* вм. *ч* и наоборотъ, *ж* и *ш* въ сочетаніи съ *ы*, т.-е. твердые, вставное *о* между гласными, твердое *р* въ словахъ, которыя мы услышимъ съ такимъ же *р* въ народѣ и увидимъ въ послѣдствіи даже въ языкѣ литераторовъ XVIII—XIX вѣка; замѣчаемъ цѣлую массу народныхъ русскихъ словъ для означенія земель, угодій, полевыхъ и сельско-хозяйственныхъ работъ, утвари, украшеній на образахъ, одежды, предметовъ цѣннаго имущества, принадлежностей русскаго жилья, дома, княжескихъ палатъ и проч. (См. между прочимъ П. Саввантова. «Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ....» и проч. СПб. 1896 г.). Въ этой, такъ сказать, двойственности языка нашихъ дѣловыхъ бумагъ, двойственности, выражавшейся въ параллельномъ употребленіи *старыхъ привычныхъ формъ* чисто-русскаго языка, попавшаго изъ разговорной сферы на первые листы пергамена и бумаги въ грамотахъ и актахъ всякаго рода и сдѣлавшагося тѣмъ самымъ языкомъ дѣловой переписки, въ которой этотъ языкъ и сталъ закрѣпощаться, рядомъ съ формами, робко проникавшими изъ живой среды на бумагу, но смѣло развертывавшими богатства русскаго языка въ устахъ живыхъ людей, и заключается причина и объясненіе того, что языкъ дѣловыхъ бумагъ сталъ мало-по-малу отставать отъ языка живыхъ разговоровъ, и черезъ нѣсколько времени уже сказалась потребность *догонять языкъ жизни*: эта догонка прежде всего стала выражаться въ смѣлой попыткѣ того или другого грамотея, а потомъ литератора, употребить на письмѣ слово, форму и звукъ, взятые изъ живыхъ устъ народа: чѣмъ смѣлѣе и образованнѣе былъ писатель, тѣмъ болѣе учащались такія попытки подъ его перомъ; чѣмъ талантѣ писателя былъ ярче, тѣмъ крѣпче связывалось слово его письменнаго произведенія со словами живой рѣчи, и тѣмъ болѣе могло сказываться вліяніе отдѣльной личности на литературную рѣчь, которая при ея посредствѣ сближалась съ народною и находила себѣ свое настоящее русло. Вотъ почему мы, съ одной стороны, видимъ еще

долгое время въ нашей литературной рѣчи старыя формы языка *русскаго*, но книжнаго, уже отставшаго отъ *разговорной* рѣчи, съ другой — формы и слова живого народнаго говора. Такъ, мы видимъ формы дат. мн. ч. *врагомъ*, *селоюмъ*, *мостомъ* (Θ. Прокоп. слово въ д. р. П. 1716, остатокъ въ поговоркѣ «по дѣломъ»); твор. множ. ч. на *ы*: «съ тѣми *баталіоны*» письмо Петра В. Ек. I. 8 авг. 1712 г., «съ *народы*» Воин. уст. 1716, съ *турки* *іб.*, твердыми *указы* Мор. уст. 1720 г., «со многими *отпры*, молніи и громами» Перв. р. Календ. 1708, «съ *досадительствомъ*», «межъ *потентаты*» Шафировъ. Разсужд. о прич. войны съ Карломъ XII 1717 г., «разными *образа*» Ломон. похвал. сл. Елиз. 1749, «высѣчь *батоги*», «со *иноземцы*» (Посошк. О скуд. и бог. 1724), еще у Пушкина: *вороты* (1833 г.), «съ *товарищи*» Зритель 1792 г.; твор. мн. ч. на *-ыми*: *пристаньми* (п. Петра цар. Алек. 1715), *очьми* *іб.*, *прихотьми* (Татищевъ Д. Зав. 1733 г.), *прелестьми* (Моск. журн. 1792, V. 9), *мозольми* (Кантемиръ на горд. и зав. 1729), *очьми* *іб.*, еще у Дмитріева *очьми*, *плечьми*, съ *сосѣдьми*, у В. И. Майкова: *вооздьми*, *писательми*, у Державина (Водопадъ 1791) *ушми* (Гротъ I. 461), «а именно *коготьми* грача велишь на части разтерзать» Пок. трудолюб. 1785, IV, 244 (Ворона и орлы), *добродѣтельми* Соб. л. р. слов. 1783, IX, 6, «съ своими галантерейными *вещьми*» Чтен. для вк. 1791, IV, 131, «*прелестьми* гордись не льстись» Моск. Журн. 1792, V. 9. У Пушкина нѣтъ уже формы *сосѣдьми*. Предлож. пад. мн. ч. на *-нхъ*: при *походнхъ* Воин. уст. 1716 г., въ *дѣлнхъ* Мор. уст. 1720, въ *мѣстнхъ*, *курнхъ* Басни Ез. 1700 г., въ *иднхъ* въ Москов. дѣлов. яз. XVIII-го вѣка; род. п. мн. ч. «*сѣнхъ*» («ни шубъ ни свѣтъ совсѣмъ не надо» (Крыловъ «Лжецъ» 1812 г.), при *сѣнхъ* (Грибоѣдовъ, Г. отъ у. «стола для картъ, мѣлъ, щетокъ и *сѣнхъ*»). У Сумарокова: *сѣнхъ*, *рощхъ*, *училищхъ* (чет. отв. 1759). Нынѣ уже только *сѣнхъ*, но у Пушкина еще *сѣнхъ* Евг. Он. VII и *сѣнхъ* 1821 г., также *вельможхъ* 1815, 1822 и *вельможей* 1815 (у Державина *вельможей* Гр. I. 309, «ты вещь презрѣнная отъ князей и *вельможей*, Моск. журн. 1791, I. 21), *рощхъ* 1815 и *рощхъ* 1812 г. Также *рощхъ* Иппокр. 1800, I. 24, сл. 1799, I. 302. У Пушкина только *юношей*, 1822, 1824, между тѣмъ какъ у Державина въ 1791 г. *юношхъ*:

«Минерва съ Марсомъ зрѣли
На *юношъ* полкъ *младыхъ*».

(Опис. Потемк. празд. I. 1402), и у него же *юношей*, *іб.* II. 143 («Урна»). И у Майкова: «Въ семь градѣ нѣкто былъ изъ *юношъ* знаменитыхъ». Въ Моск. журн. 1791, IV. 6: «Ты бѣгать научилъ *елсей*» (есть и

у Державина и Пушкина). У Измайлова находимъ: «*каплей* что ли дать» (1818 г. I. 160), нынѣ *капель*. Остатки двойств. числа, какъ до сихъ поръ *дѣтсти*, *два глаза*, *уши*, *двою-дву*, въ старомъ языкѣ: *свои ручь*, Перв. р. календ. 1708 г., у Державина: «ужасныя *крыль* расширя» (Осень во вр. ос. Очак. I. 223). И у Жуковского *крыль* (Могущ. Росс. 1799).

Далѣе видимъ старыя формы неопр. наклоненія на *-ти* безъ ударенія: *совершити*, *собрати*, *служити* (Θ. Прокоп. 1716 г.), *встутати* (Посошковъ. О скуд. и бог. 1724), *поучатися* (Татищевъ. Д. Зав. 1733), *не знати* (Кантем. Фил. и Евг. 1729 г.), *владѣти* (Сумароковъ, Еп. о р. яз. 1748), «на могущія *случитися* благополучныя переменны» СПб. Вѣстн. 1779, 1-е полуг., III. 5, «чтобы ревнивый человѣкъ отъ оныя когда либо совершенно *исцѣлится* могъ» ib. 2 полуг. IV. 259, «повелѣтъ *представити* себѣ незнакомаго сего человѣка» ib. 1780, 1-е полуг. V. 41, «*снискати* даръ такой» Соб. л. р. сл. 1783, I. 20, *отератити* Зритель 1792 г. Май, 10. У Крылова (Сон. порош.) 1798 г. *скрыти*, *ждати*, *начати*, *сказати* (всѣ случаи въ стихахъ). У Державина (Успок. невѣр. I. 73) 1779 г. *поняти*. У В. И. Майкова «Герасимъ отъ нее *заснути* былъ готовъ». Еще у Пушкина: играть-боротися и др. 1830 г. (Въ подражаніе народному? Нынѣ мы слышимъ отъ народа очень рѣдко такія формы и то какъ разъ не въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ былъ въ то время Пушкинъ).

Встрѣчаемъ даже изрѣдка формы на *-ши*: *будеши* Басн. Езопа 1700 г., *можеши* въ письмѣ Петра цар. Алекс. 11 окт. 1715 г., *узриши* Зритель, 1792 г. Май, 5.

Въ области именъ прилагательныхъ и причастій мы находимъ формы безчленного типа въ качествѣ словъ — опредѣленій: съ *небесновѣчна* свода, *падша* рода, солнце *благодатно*, *парящи* человѣки — Иппокр. 1800. I. 3, 4.

«Узнать причину я желаю

Котора жизнь всему дала». *ibid.* Стр. 14.

«Повсюду бѣдствъ ужасно жало

Язвить насъ въ самыя сердца». Иппокр. 1799. I. 9.

...«Мученія едины

За смертною являетъ дскою». *ibid.* 9.

«Насъ тѣтно разумъ просвѣщаетъ,

Моща страсть все побѣждаетъ». Иппокр. 1799. I. 10.

У Пушкина: «*Едина* развѣ совѣсть», но: «*единое* пятно...». Борисъ Год. 1825. У Державина: «*Единымъ* перстомъ обращаетъ...». Фонарь. 1804. Срв. также: «*прошедши* вѣки», «*громжа* слава», «*безчисленны* народы» — Иппокр. 1799. I. 230. Срв. у Богдановича въ «Душенькѣ» (1775 г.): *сладки* дни, на *тъчну* память, *зѣтрски* души, *котора* былъ глю-

таесть, за *амну* злобу, такая *нова* власть; «храня твоихъ героевъ честь, *которы*, забывая мечь, любили часто пить и ѣсть...» *ib.* Кн. I. и мн. др. Такія формы тянутся очень долго: ихъ много и у Пушкина; въ первомъ періодѣ дѣятельности его до 1826 года такихъ формъ у него въ разныхъ падежахъ 470, а во второмъ 1826 — 1837 г. — 338 (См. мой «Опытъ Грамматики языка А. С. Пушкина». Ч. I. Вып. II. СПб. 1902. Стр. 62 и слѣд.). Напр.,

«И грабежѣмъ *отмоцены*,
Боясь погони, *утомлены*,
Спѣшать разбойники домой,
Добычу на пути роняя». Мѣд. Вс. 1833.

Такъ мы теперь уже не говоримъ и не пишемъ! Или:

«И нѣтъ его — и Русь оставилъ онъ,
Внесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ...»
И надъ землею сошлись *новы* тучи...». 19-го окт. 1836 г.

Такъ писалъ Пушкинъ за 3 мѣсяца до своей смерти!

Въ области другихъ частей рѣчи мы замѣчаемъ употребленіе мѣстоименія *сей, сія, сіе* рядомъ съ *этотъ, эта, это*; употребленіе нарѣчій *наки, токмо*, мѣстоименія *коликій*. Всѣ эти слова могутъ быть указаны еще и въ Петровское время и тянутся почти черезъ все XIX-ое столѣтіе:

Напр., Иппокрена 1800, I, 15—16.

«Возмогутъ *наки* обновить;
На вѣчность *премилыми* лѣты»...
«Не *токмо* не удерживаютъ новостей» — Иппокр. 1799. I. 51.
«Помѣстить какую нибудь ложь въ сію книгу»... *ib.* 52.
«Весьма много пьютъ *смаз* вина»... *ib.* 60.
«*Колико* прелестей сокрылось»... *ib.* 192. Иппокр. 1799 г. I.
«*Коликое* множество старцевъ»... *ib.* 215.
«*Коликиа* бы зогъ онъ избѣгнуть»... *ib.* 218.

Срв. въ СПб. Меркуріи 1793 г. I. *токмо* — 205, *сей, сія* — III. 29, *сія* дверь (въ прозѣ) — Цвѣтникъ 1810. V. 55 и др. У Пушкина:

.... «при звукѣ *смаз* обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ *россъ*»... «Наполеонъ». 1821.
«Тотъ малодушный, кто въ *сей* день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣчанную *тѣнь*»... *ib.*
«Узнать ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ»... «Полтава». 1828.
«Подъ ними спитъ *сей* властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ»... «Къ тѣни полководца». 1831

«Лоскутья смѣ знамень побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ *отмѣ* мѣдныхъ»... «Мѣд. Вс.» 1888.

«И *се* — равнину оглашая,
Далече грянуло ура»... «Полтава». 1828.

Срв. нынѣ: «*сію* минуту», «*сейчасъ*», «*сегодня*» или въ другихъ сочетаніяхъ и формахъ: здѣсь, авось, вчера*сь*... Нечего и говорить, что и у писателей *до Пушкина* всѣ эти слова и формы встрѣчаются, если мы ихъ видимъ и у Пушкина. Напр., Ломоносовъ пишетъ:

«Дивится нынѣ вся *вселенна*
Премудрымъ вышняго судьбамъ,
Россія что отъ зла *спасенна*,
И *зритъ* конецъ своимъ бѣдамъ...
Въ *сіе* *благопріятно* время»... Ода 1742.

Державинъ пишетъ:

«Но коль живые монументы,
Краснѣйши памятниковъ смѣ....
Колѣки счастья былъ творецъ»...
«На кончину благотворителя». 1795.

«На тѣхъ ты *зрѣши* спокойно стѣны,
Тѣмъ *наки* отдагъ *грады* *плѣнны*»... «На взятіе Измаила». 1790.
«Готово ль солнце въ бездну скрыться,
Иль *наки* утру быть чреда»... «На смерть графини Румянцовой». 1788.

Или:

«*Межъ* тѣмъ пріятно изъ окна
Зрѣтъ *карду* съ тучными волами:
Кобылъ, коровъ, овецъ полна;
Дворъ рѣзвыми кишить рабами:
Какъ *веселъ* таковой обѣдъ!
Такъ откупщикъ *вчера* судилъ,
Сбѣраясь быть поселяниномъ;
Но правежемъ долги лишь сбригъ.
Остался *наки* мѣщаниномъ,
А нынѣ деньги отдагъ въ ростъ». Похвала сельской жизни. 1798.

Въ этомъ стихотвореніи Державина особенно бросается въ глаза смѣшеніе книжныхъ, церковно-славянскихъ элементовъ, чисто-русскихъ старинныхъ, извѣстныхъ и изъ дѣловыхъ бумагъ («Въ *прокъ* пива русскаго *варена*», «*обсаженный* семей своей», «къ Петрову дню *блюденый*...») и областныхъ, діалектическихъ современныхъ («карда» = скотный дворъ, загонъ съ загородкою. Слово это извѣстно на востокѣ, въ Вятской губерніи, и на сѣверѣ, въ Новгородской губерніи, гдѣ, именно, и было имѣніе Державина — Званка. Кажется, здѣсь и была написана «Похвала сельской жизни». Ср. Гротъ, II. Стр. 165. Примѣчаніе).

«Не вьется въ душу къ царю другу,
 Не ловить таинствъ и не льстить,
 Готовъ на трудъ и на службу
 И добродѣтель только чтить»... На утѣренность. 1792.

Особенно интересны, въ числѣ прочихъ словъ, и нѣкоторые глаголы, которые вмѣстѣ съ прочими словами уже вышли изъ употребленія, какъ «обветшалыя»: напр., *памятовать*: Когда усматривалъ я зарю прекраснаго дня, то и не *памятовалъ* уже о ночи, которая должна за нею слѣдовать (Иппокрена, 1800, I. 18), или въ стих. Державина «Фонарь» мы опять имѣемъ самыя причудливыя сочетанія разнородныхъ элементовъ русскаго литературнаго языка: и церковно-славянскихъ, и чисто-русскихъ, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ употребленія, и современныхъ ему и намъ областныхъ. Такъ, здѣсь (1804 г.) мы имѣемъ:

«Гремитъ органъ на стои́тъ трубный»...
 «Жезла движенъемъ, устѣ, очесъ»...

«Явись!
 И бысть»...

«На рамена его *сребристы*»...
 «Ужъ сѣдно *зритъ* въ моряхъ далеко»...
 «И тукомъ *убола бразды*»...
 «Не *обветшалый* ль, волшебный
 «Магическій сей міръ фонарь»...

Изъ подчеркнутыхъ словъ — *убоизити*, *убоизованіе* употреблялись Шишковымъ, но уже были непонятны современному обществу (Я. Гротъ. «Народный и литературный языкъ». Фил. Раз. 3). Слово же *обавати*, *обавательный* еще Ломоносовымъ (Разсужденіе 1755 г.) признано «неупотребительнымъ и весьма обветшалымъ». Изъ другихъ словъ: *стои́ны*, *очесъ*, *рамена*, *сребристый*, *зритъ*, *бразды* встрѣчаются и у Жуковского: «И *зритъ* убійцъ передъ собой» — Ивиковы Журавли. 1810. «Повсюду *зрю*...» Добродѣтель. 1798. «Пресвѣтлый *зря* его приходъ». Ода, благоденствіе Россіи... 1797 г. «И кто же *сей*...» ib.

«Увы! *силъ* вѣровъ сладость,
Силъ чистыхъ, подъ его рукой
Горящихъ персей младость,
 И мягкій шокъ кудрей густыхъ,
 По *раменамъ* разлитыхъ»...

Жуковский. «Вадимъ». 1817.

«Сложилъ съ *раменъ* кольчугу»... Жуковск. ibid.

«Какъ звѣзды блещутъ *очеса* — ibid.

«*Стои́ны* дышутъ *енимамомъ*»... Жук. Кассандра. 1809.

И у Пушкина:

«По *столамъ* шумъ, вездѣ сілетъ торжество»...

Пушкинъ. «На возвращеніе Госуд. Имп. изъ Парижа» 1815.

«Стояли *стоны* озерами»... Пушки. Мѣдн. Вс. 1833.

«*Бразды* пушистыя взрывая». Пушки. Евг. Он. V. 1825 — 26.

«Взрываетъ, какъ *бразды*, земныя племена»...

Жуковский. «Имп. Александру». 1814.

«Одинъ на *рамена* подъявши мощный трудъ»...

Пушкинъ. Н. С. Мордвинову. 1825.

«И помчались въ Палестину

Крестъ на *раменахъ*»... Жуковский. Рыцарь Тогенбургъ. 1818.

«Слая жизнь старикъ съ *раменъ* усталыхъ»...

Жук. На кончину кор. Виртембергской. 1819.

На этихъ и другихъ многочисленныхъ примѣрахъ мы видимъ, что нашъ литературный языкъ сдѣлался мало-по-малу изъ языка церковной письменности, основа котораго восходитъ къ церковно-славянскому языку, языкомъ русской литературы съ тѣхъ поръ, какъ отдѣлился отъ языка церкви сначала въ дѣловыхъ бумагахъ до XVII-го вѣка, а потомъ и въ произведеніяхъ изящной литературы: языкъ церковно-богословскихъ произведеній сталъ мало-по-малу непонятенъ или неясенъ, а языкъ московскихъ приказовъ все болѣе и болѣе соответствовалъ народному пониманію, т. к. приближался къ разговорному языку, и потому сталъ языкомъ новой литературы, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій широко развилъ переводческую дѣятельность и принялъ непосредственное участіе въ заботахъ объ удобопонятности новыхъ переведенныхъ книгъ по различнымъ отраслямъ наукъ и самъ руководилъ дѣломъ переводовъ на русскій языкъ, издавая указы о языкѣ новыхъ сочиненій. Личной дѣятельностью Петра Великаго былъ пущенъ въ оборотъ приказный языкъ московскихъ грамотеевъ, и если мы просмотримъ произведенія русской литературы съ Петра, мы увидимъ, какъ постепенно проникалъ этотъ приказный языкъ со всѣми своими синтактическими оборотами, словами и формами въ произведенія русской литературы, именно, въ драмы, интерлюдіи, романы, повѣсти и др. сочиненія, которыя всѣ связаны общей основой приказнаго языка.

Вотъ что пишетъ Петръ Великій въ письмѣ къ Зотову въ 1709 году: «Г. Зотовъ! Книгу о фортификаціи Манира Блонделева, которую вы переводили, мы оную прочли и разговоры зѣло хорошо и внятно переведены, но какъ учить оной фортификаціи дѣлать? также въ табелѣ не именовано, руты ли, или таузы? то зѣло темно и непонятно переведено, который листъ

переправя, вклеилъ въ книгу, а старый вырѣзанъ. Притомъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите погрѣшеніе и невнятность, и того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остерегаться въ томъ, дабы внятіе перевести и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіи выразумѣвъ, *на свой языкъ ужъ такъ писать, какъ внятіе...* (Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. I. СПб. 1862. Стр. 227). Вообще, переписка Петра съ переводчиками, учившимися и работавшими по порученію правительства, а равно и наши свѣдѣнія о переводчикахъ разнаго образованія и происхожденія, въ числѣ которыхъ были и переводчики посольскаго приказа, и подьячіе, и духовныя лица изъ духовныхъ академій и училищъ, и иностранцы, и русскіе, — все это даетъ намъ интересный матеріалъ для сужденія о состояніи языка литературныхъ произведеній указанной эпохи. Обыкновеннымъ выраженіемъ правительственнаго указа о переводѣ или самого переводчика служить слѣдующее: перевести (или переведено) «на славенскій діалектъ» или «на славенскій языкъ» (См. Пекарскій. ib. Стр. 227, 212, 216 и др.); и гораздо рѣже употребляется выраженіе «на русскій языкъ» (См. Пекарскій. ib. Стр. 228, «на російскій языкъ». 225, 220, 219). Очевидно, что самый литературный языкъ того времени въ Россіи назывался то такъ, то иначе, и большее, конечно, право онъ имѣлъ до этого времени на названіе «славенскаго». Однако, этотъ «славенскій» діалектъ или языкъ сталъ уже мало понятенъ и подъ общими силами текущихъ событій долженъ былъ постепенно уступать мѣсто языку дѣловыхъ бумагъ и приказовъ. Самъ Петръ пишетъ свои письма (напр., къ женѣ Екатеринѣ I и къ другимъ лицамъ) почти совершенно приказнымъ языкомъ съ его оборотами и словами. Напр., въ письмѣ къ гр. Б. П. Шереметеву 14 февр. 1705 г. царь пишетъ: «Письмо *ваше* я принялъ *и выразумѣлъ*, въ которомъ *объявляешь* о сборѣ непріятелей... а ты будто по указу нашему никуда *идти* не смѣешь. И о томъ *это* удивляюсь. Ибо я писалъ вамъ прежде, чтобъ вы, какъ возможно, надъ непріятелемъ *промыслъ чинили*; *противъ* чего вы писали, что *онаго* за провіантомъ *учинить* невозможно: и для того я писалъ къ вамъ, чтобъ вамъ до указу не *ходить*...». Или къ Екатеринѣ I: «Катеринушка, другъ мой, *здоровуи!* Мы, слава Богу, здоровы, только *это* тяжело жить,... а *помочниковъ* сколько, сама знаешь... я чаю, скоро поѣду въ датскій флотъ...» «Объявляю *вамъ*, что я третьяго *дни* приѣхалъ *сюды* и былъ у короля, а *очерась* онъ поутру былъ у меня... Посылаю *тебѣ* сколько могъ сыскать *устерсовъ* (слово встрѣчается еще и у Гоголя), а больше сыскать не могъ *для того*, что въ Гамбургѣ, *сказываютъ*, явился *пестъ*...» (Письма 2 авг. и 2 окт.

1712 г. изъ Грейфсвальда и Берлина. См. Галахова. Историч. Христ. I томъ. Также: «Письма и бумаги Петра Великаго».

Большая часть подчеркнутыхъ словъ продолжаетъ употребляться въ такомъ же сочетаніи и у писателей всего XVIII вѣка: у Аблесимова, Богдановича, Хераскова, Крылова, въ журналахъ и въ интерлюдіяхъ XVIII-го вѣка, какъ будетъ видно ниже. Только Карамзинъ отдѣлился отъ этого «приказнаго», разговорнаго русскаго языка въ своихъ сочиненіяхъ и старался придать своему языку «европейскую элегантность»: его рѣчь почти не имѣетъ этихъ старыхъ элементовъ русскаго разговорнаго языка.

Въ «Духовномъ Регламентѣ» (1721 г.) было сказано: «для распространія въ народѣ христіанскаго ученія *прежнія книги, какъ по темнотѣ языка, такъ и рѣдкости изъ, не могутъ быть доступны большинству*». (Цитирую по соч. Пекарскаго. Наука и лит. I. Стр. 178). За годъ до обнародованія «Духовнаго Регламента», въ 1720 г., было напечатано «Первое ученіе отрокомъ», которое представляетъ изъ себя книжку для первоначальнаго обученія, впервые написанную русскимъ разговорнымъ¹⁾ языкомъ, между тѣмъ какъ прежніе буквари писались «славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторечіемъ», и потому были непонятны (Пекарскій, ib. I. 179). Петръ не только самъ практически проводилъ при посредствѣ своихъ указовъ и писемъ въ грамотную среду своего времени идею сближенія литературнаго языка съ разговорнымъ народнымъ, но дѣлалъ

1) Само собой разумѣется, что разговорный русскій языкъ въ 1720-мъ году не былъ уже тѣмъ самымъ языкомъ по составу своихъ звуковъ, формъ и словъ, какой былъ въ предшествующіе вѣка: къ этому времени исчезли многіе звуки ряда 'е, многія формы склоненія и спряженія въ родѣ формъ дат. п. мн. ч. именъ муж.-сред. р. на -омъ, въ родѣ формъ аориста и т. п., и нѣкоторыя изъ нихъ исчезли какъ изъ разговорнаго, такъ и изъ литературнаго языка; другія формы исчезли только изъ разговорнаго языка, сохранившись въ литературномъ (письменномъ), какъ, напр., формы твор. п. мн. ч. именъ сущ. муж.-средн. рода на —и и т. п.; наконецъ, надо имѣть въ виду, что къ XVIII-му вѣку и самый разговорный языкъ, какъ мы видѣли, распался уже, въ свою очередь, на два типа: разговорный языкъ интеллигенціи и разговорный языкъ простаго народа. Такимъ образомъ, русскій языкъ старой письменности различался издавна, какъ мы уже знаемъ, въ зависимости отъ содержанія письменныхъ памятниковъ, степенью своего приближенія къ языку церковной книги, съ одной стороны, и къ языку старой живой русской рѣчи, — съ другой. Этотъ старый языкъ чисто русской письменности отразилъ на бумагѣ старую живую русскую рѣчь, принадлежавшую въ былое время (до XVII вѣка) одинаково и высшимъ и низшимъ сословіямъ. Но послѣ отдѣленія русской интеллигенціи по образованію, по понятіямъ и взглядамъ отъ массы простаго народа въ XVIII вѣкѣ, разговорный русскій языкъ уже не представлялъ болѣе полнаго сходства въ средѣ барской и въ средѣ простолюдина: въ первой мы найдемъ и ц.-сл. традицію, и книжную русскую, и иностранный элементъ, неизвѣстный въ болѣе древнюю пору. Въ средѣ же простолюдина сочетаніе элементовъ было другое.

Энцикл. слов. филологіи, т. III. 12.

это и через своих сотрудников, особенно чрезъ Оеодана Прокоповича, который, несмотря на свое духовное званіе, писалъ и проповѣдовалъ почти разговорнымъ русскимъ языкомъ. Интересно обращеніе Петра въ синодъ съ указаніемъ на необходимость составить на удобопонятномъ языкѣ *катихизисъ*, въ которомъ ясно излагались бы отличія обрядовъ и преданій отъ сущности закона Божія: Петръ передалъ свою записку въ синодъ для исполненія чрезъ Оеодана Прокоповича, обращаясь къ синоду 19 апр. 1724 года въ слѣдующихъ словахъ: «О первыхъ кажется мнѣ, чтобъ просто *написать такъ, чтобъ и поселянинъ зналъ*, или на двое: *поселяномъ простяе, а въ юродахъ по-храсивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется*»... (Пекарскій, ib. I. 181).

Мало-по-малу, по почину царя Петра, проникъ простой русскій разговорный языкъ во всѣ отрасли знанія и въ руководства разнообразнаго содержанія. Такъ, несмотря на трудности, съ которыми было сопряжено введеніе писателемъ чего-либо новаго или порицаніе обветшалаго и несвременнаго (Припомнимъ попытку Тредьяковскаго упорядочить русскую орфографію и отношеніе критики къ его попыткѣ 1748 г., даже гораздо позже Петра: но Петръ, какъ царь, могъ издавать «указы», а писатели были въ другомъ положеніи), удалось все-таки и въ руководства по грамматикѣ ввести правила не только книжнаго, но и разговорнаго, т.-е. чисто русскаго языка. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія новое изданіе грамматики М. Смотрицкаго («славенской») 1721 года съ перемѣнами Оеодора Поликарпова и особенно грамматики иподіакона Оеодора Максимова 1723 года, въ предисловіи къ которой сказано: «*наста нужда собрати* отъ различныхъ *ократитъ* сію грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, *посеже* въ ней (т.-е. въ прежней) обдержатся славянскія реченія, *россійски ама* разумѣваема» (Пекарскій, ib. 185). Подчеркнутыя слова, равно какъ и все предисловіе Максимова, представляютъ прекрасный образчикъ «славяно-русскаго» языка того времени: здѣсь есть и формы *аориста* (формы только *книжнаго* языка) и формы *надежей съ переходнымъ старымъ «смяченіемъ»* тематическаго задненебнаго согласнаго [«въ грамматикѣ» и под.; такіа звуковыя сочетанія къ этому времени остались только въ нѣкоторыхъ говорахъ западно-русскихъ, да въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, сохранившихся, какъ остатокъ старины, въ южно-великорусскомъ нарѣчій. Къ числу такихъ остатковъ, какъ наслѣдіе стараго *книжнаго* языка, принадлежитъ *единственное* въ наше время слово, употребляемое въ литературномъ и образованномъ языкѣ, — *ократитъ*, и неизвѣстное народу (срв. семинарское «*вз*

короткъ»¹⁾). Малорусскія нарѣчія до сихъ поръ сохраняютъ формы падежей съ переходнымъ смягченіемъ²⁾] и формы *неопр. наклоненія на -ти* («разбѣраться»), и лексическіе образцы, примѣры которыхъ мы встрѣтимъ еще долгое время въ языкѣ нашей литературы (напр., *только, едино, понеже, поятіе, отзятіе, зрятся* и под. друг.). Зато въ этомъ языкѣ мы еще не встрѣтимъ чисто-русскаго, *сѣверно-великорусскаго*: *простіе* — сравн. ст., которое употреблено Петромъ и вошло въ нашъ литературный русскій языкъ вмѣстѣ съ прочими элементами сѣверно-великорусскаго говора, въ области котораго была и древняя Москва, какъ видно изъ характера особенностей подмосковныхъ говоровъ. Припомнимъ, что Москва была средоточіемъ культурныхъ элементовъ эпохи Московской Руси, стягивала къ себѣ грамотеевъ Новгородской, сѣверно-великорусской области и, находясь почти на рубежѣ южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ говоровъ, выработала въ своихъ приказныхъ избахъ и канцеляріяхъ *смѣшанное московское нарѣчіе*, которымъ и говорятъ весь городъ въ отличіе отъ подмосковныхъ уѣздовъ къ югу и сѣверу отъ Московскаго. Эти элементы смѣшаннаго московскаго говора вошли и въ современное литературное произношеніе: мы *акаемъ*, но говоримъ *ѣ* и лишь въ немногихъ словахъ по-южно-великорусски *ѣ*, говоримъ *-тъ* въ 3 л. ед. и мн. ч. глаголовъ наст. и буд. времени, говоримъ *-оо* въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ и только недавно (въ первой половинѣ XIX вѣка) перестали говорить по-сѣверно-великорусски: *бодрѣе, краснѣе, жесточѣе, простѣе* и проч. (См. мою статью «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка» въ Ж. М. Н. Пр. 1898 г. № 3. Стр. 167—169 и примѣчанія. См. также мою статью: «Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи». 1899 г. въ «Юбилейномъ Сборникѣ въ честь В. О. Миллера». М. 1900. Стр. 49—55). Однако, живое произношеніе образованныхъ москвичей не мѣшаетъ уроженцамъ другихъ мѣстностей, хотя и образованнымъ людямъ, сохранять въ своемъ произношеніи особенности своей «родной среды»; въ правописаніи же всѣ мы держимся пока историко-этимологическаго начала *по преимуществу*, внесеннаго къ намъ болѣе всего книжной церковно-славянскою традиціей.

Итакъ, мы видѣли, что вновь учрежденный синодъ является однимъ

1) Припомнимъ также оборотъ: въ бозѣ почившій, употребляемый еще до сихъ поръ по случаю только въ официалномъ языкѣ, не разговорномъ.

2) Указанія относительно такихъ падежныхъ формъ въ Тульск. губерніи не подтвердились моими діалектологическими экскурсіями; я нашелъ выраженіе: «при ѣ дорогѣ» = «при дорогѣ» въ Брянскомъ у. Орлов. губерніи, да и то въ *свадебной писмѣ* (См. мое изслѣдованіе «О говорахъ Тульской и Орловской губерній». СПб. 1904. Стр. 81).

изъ органовъ культурной дѣятельности царя Петра: черезъ него царь дѣлалъ свои распоряженія и о переводѣ иностранныхъ сочиненій: 19 ноября 1721 года онъ велѣлъ перевести «на словенскій діалектъ» трудъ Пуффендорфа съ латинскаго, и переводъ былъ сдѣланъ справщикомъ типографіи Іосифомъ Кречетовскимъ. Протекторъ типографій, Гавріилъ Бужинскій, представилъ книгу въ синодъ, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ *царскій указъ* слѣдующаго содержанія: «посылаю при семъ книгу Пуффендорфа, въ которой два трактата, *первой* — о должности человека и гражданина, другой — о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобы *первый* *только* переведенъ былъ, *понеже* въ другомъ не чаю къ пользѣ нужды быть, и прошу, дабы не по коней рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ». «Петръ» (Пекарскій, ib. 213). Подчеркнутыя здѣсь слова связываютъ языкъ Петра или съ эпохой предшествовавшей книжности или съ языкомъ современнаго народа и, въ послѣднемъ случаѣ, примыкаютъ къ языку интерлюдій XVIII вѣка и нашихъ писателей новаго направленія по языку.

Въ самыхъ переводахъ того времени можно было различить нѣрѣдко южно-русскій элементъ языка ученыхъ, пріѣхавшихъ на сѣверъ изъ Кіева: такъ, нашъ повѣренный по дѣламъ въ Вѣнѣ Веселовскій 8 марта 1718 года доносилъ царю Петру: «Писали ко мнѣ опредѣленные въ Прагѣ переводчики Теофилъ Кроликъ да Леонтій Воейковъ, чтобъ мнѣ пріѣхать сюда... И я, по тому ихъ письму, прибылъ третьяго дня сюда и осматривалъ переводу съ повелѣнныхъ лексиконовъ. И мнитсѣ мнѣ, что помянутые переводы малаго труда къ исправленію требуютъ, а именно Кроликовъ *склоняется на кіевское знаменованіе языка*, а Воейкова *на славянскій*»... (Пекарскій, ib. 234). Наконецъ, замѣчательно свидѣтельство Тредьяковскаго о томъ, насколько въ прежнее время былъ распространенъ въ образованныхъ кругахъ церковно-славянскій языкъ и насколько къ этому времени онъ сталъ темень и непонятенъ: въ своемъ предисловіи къ переводу съ французскаго языка сочиненія Р. Tallement «Le voyage de l'isle d'amour» — «Ѣзда въ островъ любви» (1730 г.) Тредьяковскій пишетъ: «На меня, прошу васъ покорно, не извольте погнѣваться (буде вы еще глубословныя держитесь славенщины), что я оную книгу не славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ. Сіе я *учинилъ* слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскій у насъ есть языкъ церковный, а сія книга мірская. Другая: *языкъ славенскій въ нынѣшнемъ отъ у насъ очень темень, и многіе его наши читая не разумѣютъ*.... Третія, ... что *языкъ славенскій нынѣ жестокъ* моимъ ушамъ

слышится, *хотя прежде сего не только я имъ писалъ, но и разговаривалъ со всеми*» (Галахова. Историч. Христоматія. I).

V.

(Значеніе ореографіи въ литературѣ XVIII вѣка. Черты діалектическія. Языкъ Карамзина и современности его. Примѣны иностраннаго слога).

Къ характеристикѣ языка XVIII вѣка необходимо добавитъ еще слѣдующее. Наши писатели XVIII вѣка, передавая на письмѣ свое произношеніе, естественно, не относились такъ щепетильно къ вопросамъ ореографіи, какъ мы теперь: они и писали и печатали *е* и *ѣ* безъ особеннаго разбора, такъ какъ не находили *въ языкъ* указаній для непремѣннаго различенія этихъ звуковъ - буквъ (См. примѣры, приведенные на стр. 21—22). Равнымъ образомъ не установилось еще правило о различеніи на письмѣ буквъ *е* и *э*, тѣмъ болѣе, что въ данномъ вопросѣ и *самъ языкъ* указывалъ устами народа тамъ звукъ *е*, гдѣ мы ожидали бы звука *э*. Вотъ факты: Писаревъ (Александръ Александровичъ, 1780—1848), письма котораго находятся при рукописяхъ Княжнина (Яковъ Борисовичъ 1742—1791), свѣдѣнія о которомъ даетъ А. Писаревъ на обложкѣ «Риторики» Княжнина (Ркп. Публ. Библ. F. XV. № 15), пишетъ: «Написалъ много *мѣкихъ* стихотвореній». Княжнинъ пишетъ (F. XV, № 15): *тыщи*, «*етова* не бываетъ», «*полезайка* ко мнѣ», «*наипечальнейшую*», «*предмѣтъ* оратора» — стр. 17 и др. В. И. Майковъ (басня: «Собака на сѣнѣ») пишетъ: къ *сену*, въ псе, «а *это* дай другимъ, кто можетъ *это есть*» — стр. 1. «Желая жизнь продать свою драгой *ценою*» (Освобожденная Москва. Стр. 40 об.). Зато тѣ же писатели иногда пишутъ *ѣ* или *ѡ*, гдѣ произносили они *ѣ*: «Довольно зѣбрышка хлѣбнова» (Княжнинъ, ib. 5), «отъ одново орѣшка круглѡхонька», «не доживѣѡшь», «всѣхъ трѣѡхъ», «мы берѣѡмъ» — ib. Но: «одного» — ib. 17.

У Майкова находимъ: «У коей *верехъ* и всѣ застѣжки *обѣтшамъ*» — стр. 8. «Черезъ множество лазей» — 11 (въ рчмѣ со «*стѣзей*» — род. мн. отъ сл. «*стезя*»).

У А. Е. Измайлова (тетрадь IV. Стр. 18) въ стих. М. А. Кошелеву читаемъ: «Въ сенатѣ *нынѣ* присягалъ». Вездѣ: *чемъ*, *зачемъ*, *съ кемъ*, *темъ*, *примѣжно* (см. тетр. III. Стр. 13, 20, 21 и др.). И. Дмитріевъ въ баснѣ: «Мышь удалившаяся отъ свѣта» пишетъ: — «Кто, спрашиваю васъ, похожъ на *эту* мышъ». Въ бумагахъ Державина (Публ. Библ. № 22, подъ № 27)

находимъ: «Стихи, Елене Александровне Нарышкиной». Они написаны такъ:

«Изъ тенныхъ облаковъ небесныхъ
Румяна утрення зоря,
Когда въ лучахъ своихъ краснела,
Глядя на землю, на моря:
Такъ ты, Нарышкина, подобно
Въ пламени нежнѣ, юныхъ лѣтъ
Пріятно, весело, не злобно
Красою восхищаешь свѣтъ».

Здѣсь же, подъ № 53, находится рукопись подъ загл. «Козакъ и невыгнѣнная кобылка», гдѣ встречаемъ: «*ремённотой* кнутъ» и «*ремённотой*»; «не дайтъ себя тронуть» и др. Нынѣ въ литературномъ чаше «ременный» (срв. «ремень»), но и «ременный»; въ народномъ говорѣ правильно: «*ремённотой*».

Здѣсь же, подъ № 74, письмо Озерова къ Державину:

«И правъ лишь тотъ, кто кривъ душой;
Умомъ, — кто глупъ умѣетъ спину,
А чистота, — кто носитъ горады личину.
Чего весь свѣтъ, возмась, не можетъ дать,
Чего сама не въ силахъ смерть отнять,
Ты чистотѣ истинно возмась съ собою,
Оставшись чистъ умомъ и правъ душою».

Подъ № 88 находимъ письмо Хемницера къ Державину, гдѣ онъ пишетъ: «въ *первоомъ куплетѣ*»... Въ письмѣ изъ Обуховки отъ 5 марта 1781 года Хемницеръ пишетъ Державину: «а это ему очень досадно: *къ статѣ* бы и *его* сочиненіе къ вамъ поспѣло».

Къ письму Н. М. Карамзина (Ркп. Публ. Библ. Погод. древл.) изъ Москвы въ Симбирскъ къ брату Вас. Михайловичу отъ 8 іюня 1804 года приложено письмо князя Андрея Ивановича Вяземскаго и дочери его, Екатерины Андреевны, жены Карамзина, къ нему же. Эти письма характерны и для исторіи литературнаго языка и для исторіи нашей орфографіи. Здѣсь (письмо князя) мы читаемъ: «Философствую по среди разнообразныхъ *занятіевъ* *масй* семьи по разнообразности *сѣд* лѣтъ, очень бы желалъ *видеть* возможность вашего *сюды* *пріезду* и *уверить* а томъ *искренномъ* почтеніи».... Въ письмѣ Екат. Андреевны читаемъ: «Любезной братецъ, Василей Михайловичъ, я радуюсь *тебѣ*, что узнала васъ лично и надеюсь... а вы *будете*... Сонюшка стантъ передо мной и *цалуетъ*»... Если сравнить такія письма князей XVIII—XIX вѣка, письма нашей старой интеллигенціи и литерато-

ровъ съ письмами современныхъ намъ полуграмотныхъ мѣщанъ и мѣщанокъ, мелкихъ торговцевъ и крестьянъ, то увидимъ, что въ общемъ наша прежняя аристократія и интеллигенція писала въ XVIII вѣкѣ такъ, какъ теперь пишетъ полуграмотная среда людей почти не интеллигентныхъ. И это общее заключеніе имѣетъ силу не только по отношенію къ XVIII вѣку: оно вѣрно также по отношенію къ громадному періоду нашей *оригинальной* письменности свѣтскаго, дѣловаго и легко-беллетристическаго содержанія; языкъ прежнихъ грамотеевъ (а они въ то же время составляли и интеллигенцію) съ XIV—XV вѣка и до XVIII—XIX вѣка (съ немногими измѣненіями, въ зависимости отъ степени знакомства авторовъ съ новыми европейскими языками) въ общемъ сталъ нынѣ языкомъ полунинтеллигентной среды (и въ морфологическомъ, и въ синтаксическомъ, и въ лексическомъ отношеніяхъ). Этимъ обстоятельствомъ доказывается, съ одной стороны, быстрый ростъ нашего литературнаго языка въ теченіе XIX вѣка, а съ другой — медленное поступательное движеніе въ культурномъ смыслѣ нашихъ народныхъ массъ, отставшихъ за XIX вѣкъ отъ интеллигенціи на очень замѣтное, далекое разстояніе. Даже Карамзинъ, съ его европейскимъ образованіемъ, въ своихъ письмахъ частнаго характера, которыхъ мы пересмотрѣли громадную тетрадь въ Публ. Библ. (Погод. Древл.), не представляетъ замѣтнаго прогресса ни въ стилѣ, ни въ синтаксисѣ, ни въ морфологій русскаго литературнаго языка. Онъ пишетъ, напр.: «Вчера привили мы ей *воспу*» — 15 апр. 1802. Теперь такъ говорятъ *только* неграмотные крестьяне и мѣщане въ деревняхъ; срв. *вострый*¹⁾, *вотчимъ* у народа, но *вотчина* и у интеллигенціи. «Переѣхать въ загородной домъ», «сельской воздухъ» — *ib.* «Работагъ подлѣ нее» (Изъ Свирлова 19 авг. 1802). Послѣ смерти у *нее* пойдутъ зубы (12 нояб. 1802). Въ письмахъ къ брату онъ же пишетъ: «Который не *многова* просилъ у судьбы». Безъ даты и не на мѣстѣ въ переплетѣ (Погод. Древл.). Въ письмѣ отъ 7 марта 1800 г. (Погод. Древл.): «Къ хорошему *повору*» (но ниже *повара*). Въ письмѣ 20 дек. 1804 г.: «Я не дамъ вамъ забыть *этова* обѣщанія». *ibid.* Въ письмѣ отъ 5 іюня 1814 г. изъ с. Остафьева: «Вотъ еще *прозба*». Отъ 25 март. 1820 г.: «Опять пишу довольно *прилѣжно*» (Такъ писали это слово въ старину).

Озеровъ выдаетъ свое произношеніе не только смѣшеніемъ буквъ *е* и *ю*, затѣмъ постановкой *ѣ* = *ё*, но и другими написаніями: въ бумагахъ Держа-

1) Еще у Пушкина въ 1825 году: «онъ *вострие*». Соч. Пушкина. Изд. Литер. Фонда. СПб. 1887. Т. V. Стр. 84. Въ «Соб. люб. рос. слов.» за 1783 г. Ч. X. Стр. 165. «Какъ строку риемой *завостритъ*». Ода.

вина № 22 находится письмо Озерова къ Державину (№ 71) отъ 8 окт. 1796 г., гдѣ Озеровъ пишетъ: «вашу оду *сегоднѣ* перевелъ», «въ Петербургъ» и проч.

Хемницеръ пишетъ Державину отъ 5 марта 1781 г. изъ Обуховки (ib. № 88):

«Вотъ вамъ басня «Попугай»....
«И какъ на выдумки *хитрый* *его* была».
«Нашли *его* чудъ чудъ *жизнова*».

Озеровъ въ «Поликсенѣ» пишетъ:

«И пламенемъ томить отщепеня и *любоем*».. V. 2.
«И снова упонуть *убиствомъ* мой мечъ».. V. 2.
«И *далмий* нашъ раздоръ сраженіемъ пресѣчь»... V. 3.
«Ты ль, *матерь*, хочешь путь мнѣ заградить собой?».. V. 4.
«Намъ разрѣшаетъ путь изъ сей земли *безодной*»..
«Скатился *далмий* громъ, изторгся вѣтръ бурливый»..
«И боги въ *пожрый* родъ продливъ чадъ вашихъ стонъ»...
«Мы бродимъ на *земли* *ирамишемъ* судьбы»... V. 6.

Всѣ подчеркнутыя нами слова замѣчательны своими формами: онѣ встрѣчаются и у Пушкина (см. нашъ «Опытъ грамматики»... Вып. II. Стр. 69 и слѣд. и Вып. I. Стр. 91 и слѣд.).

У В. Майкова (стр. 23) въ его подлинномъ правописаніи мы тоже находимъ указанія на произношеніе: «возблистаю оружіе *православнова* воинства». У А. Е. Измайлова (I. Стр. 2) читаемъ:

«Въ *канѹръ* у одра *больнова*». 1804. Все это — произношенія, дошедшія до нашего времени. Слово *канѹра* съ такимъ удареніемъ и теперь извѣстно и, вѣроятно, болѣе древнее и правильное, чѣмъ *канурѣ*: срв. «*канѹрка*».

У Дмитріева (F. XIV. № 51. «Причудница») читаемъ:

«Какъ поживася ты?»
«Иль мужъ *обычая* *лихова*? —
Напротивъ, врядъ найти *друмова*».

Дмитріевъ (F. XIV. № 51) пишетъ:

«Развѣ *мнлаго* *друмова*
Выбирай себѣ *любова*».. (Стонетъ сиз. голуб.).

«Жилъ былъ когда-то вождь *великой*» — Стар. любовь. Баллада. «И составимъ *братской* хоръ» — Стансы. Къ Н. М. Карамзину.

Обычныя написанія — произношенія: *дачь* — род. мн., *ищесз* — 2 л. ед., *воркуесз* — 2 ед. «И славы *лучь* твоей затмѣтся» — Ермакъ. «Ты

дѣннѣ и *дѣннѣннѣ* океаны» — Размышл. по случаю грома. Подчеркнуты формы глаголовъ есть и у Пушкина.

Жуковский пишетъ (Бум. № 1. Журналъ 1805 г. 9 іюля): «Малейшею частію» «увенчалась». 16 іюля: «Всѣ впечатленія до *нее* доходятъ».

§ 20: «не *умыниши*тѣ моей искренности». 1806 г. 3 янв.: «Въ моемъ журналѣ, *которой* однакожъ худо шелъ отъ моей *лѣни*».

Въ «Сельскомъ кладбищѣ» (Бум. № 14): «Дыханіе зари, гласъ утра *золотова*». Эпитафія: «Надежда робкая живить ихъ пепель *тѣмной*».

«Свѣтлана»:

«Разъ, въ *крещенской* вечерокъ». . .
«Съ трескомъ пыхнулъ *огонѣкъ*;
Крикнулъ жалобно *сверчокъ*» . . .

Жуковский уже не пишетъ *ѣд* (*ѣд*) тамъ, гдѣ произносить *ѣ*.

«Что ты *смокнулъ* *милой*?
Блѣденъ и *унылой*»

Но далѣе:

«*Буди* *взять* *могилой*!
Блѣденъ и *унылой*»

Какъ видимъ, здѣсь рѣмается прилагательное «унылый» и съ имен. падежомъ «милой», и съ твор. падежомъ «могилой». Поэтому, хотя Жуковский и написалъ разное одно и то же слово въ одной и той же этимологической формѣ («унылый» и «унылой»), но это написаніе представляетъ изъ себя просто попытку *графическаго* изображенія звукового созвучія — рѣмы; въ виду же того, что слово «унылый», какъ бы его ни написалъ Жуковский, рѣмается имъ же самимъ со словомъ «могилой», надо заключить, что для слуха безударныя окончанія *-лой* и *-мый* здѣсь звучать одинаково. Вотъ почему мы у всѣхъ писателей при неустановившейся орфографіи находимъ окончаніе *-ой* для именъ прил. муж. р. ед. ч. им. падежа въ неударяемомъ положеніи.

Срв. *ibid.*

«Снѣгъ на солнышкѣ горить;
Дымъ алѣетъ *тонкой* . . .
Вотъ въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ *звонкой*».

Въ именахъ прил. съ основой на *з*, *ж*, *ш* мы въ литературномъ произношеніи слышимъ *твердые* звуки, т.-е. приблизительно слышимъ то же окончаніе, какъ и *не* послѣ заднеязычныхъ звуковъ (*о^аи*); поэтому обычная орфо-

графія: «тонкій», «звонкій» и под. совершенно не выражает произношенія, изображая твердые звуки мягкими. Произношеніе «тонкій» есть провинціализмъ; такое произношеніе извѣстно въ Новороссіи, въ Одессѣ. Вотъ почему Жуковский послѣ *і, к, х* въ такихъ случаяхъ пишетъ только *-ой*. И Измайловъ (тетр. I) постоянно почти пишетъ въ имен. прилаг. муж. р. ед. ч. *-ой* вм. *-ый* (нынѣшняго) и это нельзя не связывать съ произношеніемъ: у насъ въ литературномъ произношеніи никогда не слышится *-ый*, а нѣчто среднее между *-ай* и *-ой*, иногда глухой звукъ *-эй*: «есть у меня женихъ *прекрасной* на примѣтѣ» (Басня «Молодая вдова» 29, сл. ib. 33, 36, 90, 158, 162, ср. мою статью въ Ж. М. Н. Пр. 1901, № 2, стр. 408).

Жуковскому также извѣстны написанія: «Свѣтитъ *лучъ* денницы»... ib. «Смутенъ сновиденьемъ»... ib. «Вѣра въ провиденье» (Эпиграфъ). Въ письмѣ къ Дмитріеву (ib. бум. Озерова) отъ 1818 г. онъ же пишетъ: двенадцатому, надеюсь, *бъседѣ*; «позвольте *кончить* мое письмо» и проч. Относительно слова «двенадцать» отмѣтимъ у Пушкина: «Двенадцать, а не двѣнадцать — сокращено изъ двое, какъ три изъ трое» (V т. Стр. 136. «Критическія замѣтки». 1830 — 1831 г.).

Измайловъ пишетъ, какъ и другіе, послѣ *ж, ч, ш, щ* не *ѣ* (*іо, ѿо*), а *о*: жордочки — 41, *чортъ* — 91, 117. Такъ пишетъ и Пушкинъ. Интересны для произношенія слѣдующія написанія:

«Рѣшилась наконецъ она спросить *ею*.

— Что жъ, батюшка, когда увижу я?... *Каю?* —

— Кого хвалили вы. — Ну! — Мужа *молодѣва*». ib.

У Пушкина есть 10 случаевъ написанія *-ѡа* (вм. нынѣшняго ореографич. *-ѡіо*) и въ имен. *-ой* вм. *-ый*. См. мой «Опытъ». II. Стр. 29 — 30 и 23 и слѣд. п примѣчаніе. Жуковский своимъ правописаніемъ обнаруживаетъ также колебаніе въ произношеніи своего времени такихъ словъ, какъ *скрипѣть*, *крыло*, гдѣ слышалось то твердое, то мягкое *р*. Въ свое время мы высказали соображенія о томъ, откуда и съ какихъ поръ наблюдается въ рус. языкѣ колебаніе такого качества звука *р* въ сочетаніи со слѣдующимъ звукомъ *и* (*ы*), а также, — чѣмъ объясняется это звуковое колебаніе (См. мое изслѣдованіе: «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ». Каз. 1896 г. Стр. 104 — 111. Срв. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 г. Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ. Т. 66. № 2. Рецензія акад. А. А. Шахматова. Стр. 42 — объ отвердѣніи *р*). У Жуковского въ бумагахъ находимъ:

«Не мните скрыться — мы съ *крылами*» (Ивик. Журав.).

Въ стих. «Элизіумъ»:

Входитъ въ сумракъ твой Психея!
 Неприкованна къ землѣ
 Юной жизнью пламенѣя,
 Движетъ юныя *крылѣ*.
 «Возвратиться! *Смѣду нѣтъ!*»
 Дверь шатнулася, *скрыни*,
 Тихо *разтворилася!* ...
 «Къ ней на перси тихо сѣгъ,
 Обнягъ ихъ *крылами*». («Свѣтлана»).

Въ стих. «Пустынникъ»:

«*Скрылся* легкой тѣнью сна».

Ивик. Журав.

«Ему съ *крылатою* мечтою
 «Спутники! вашъ рой *крылатый*».

У Державина 1795 г. (I. 686): «Такъ проплясать тебѣ, какъ *крылы* порхаютъ вешня вѣтерка». У Крылова (Сон. порош.) читаемъ *скрытками*. Въ «Поляр. Звѣздѣ» на 1823 г. «ось съ *скрытомъ*» (М. Лобанова, 334). У Державина (Водопадъ I. 464): «не слышимъ ли въ бою часовъ гласъ смерти, двери *скрытъ* подземной» (I. 470). «Иппокрена» 1800 г. *скрытятъ*, Зритель 1792 г. Май, 58: *скрытятъ*.

Въ соч. Пушкина изд. Академіи Наукъ (ред. Л. Н. Майкова) почему-то принята старая орфографія, соблюдающая з префиксовъ *воз-*, *раз-* и предлога *из-* передъ всякой слѣдующей согласной. А. Писаревъ въ свѣдѣніяхъ о Я. Б. Княжнинѣ (Г. XV. № 15) пишетъ также: «*возпитанникамъ*».

Въ письмѣ О. Глинка (автогр. Имп. Публ. Библ.) къ Н. И. Гнѣдичу отъ 1829 г.: «изпуганная». У Дмитріева (Г. XIV. № 51) въ стих. «Къ Волгѣ»:

«Вдругъ море вздулося буграми,
 И влажный Каспій въ нихъ исчезъ» ...
 «Столѣтні кедръ *заскрыли*» ... «Ермакъ».

У Жуковского (Сельск. кладб. Бумаг. № 14) *исчезаетъ*. Въ стих. «Пѣвецъ»: «едва *разцелъ* и жизнь ужъ разлюбилъ». Въ «Пустынникѣ»: «И скрипнули дверей *разтворы*». Въ «Ивик. Жур.» «*Изъ* сѣсь безъ погребенья». Въ «Надъ и Дамалити» (Бум. №№ 43, 44) въ главѣ девятой ст. 36 (№ 44): «Путь. И птички *исчезли*» (рукою Жуковского).

Въ печатныхъ журналахъ того времени орфографія такая же въ общемъ, какъ и въ подлинныхъ рукописяхъ писателей: чуть не всякій лите-

раторъ былъ въ ореографіи «молодецъ на свой образецъ»; постоянное смѣшеніе ѣ и е, е и э, ѣ передается часто черезъ іо и ѳо, слова *счастіе*, *считать* пишутся черезъ щ: *щастіе* и проч., послѣ ч, щ пишется подъ удареніемъ о вм. нынѣшняго е (ѣ): *щогол*, *пощочина*, *щоки*, *чортъ* (см. Крылова «Сонной порошокъ» ib. стр. 261, 262, 264 и др.); послѣ ч обычно печатается ѳ, послѣ ш — з: *муча*, *мечъ*, *ключъ*, *мыиз*, *миниз*, *беріониз* и под. Нерѣдко з вм. с въ словѣ: *зѣлать* и под. Но зато з сохраняется и въ префиксахъ *из*, *раз*, *воз*, несмотря на слѣдующій согласный. Однако отъ всего этого, конечно, есть отступленія. Постараемся изъ большого числа журналовъ конца XVIII в. взять только характерные случаи, въ которыхъ мы встрѣтимъ повтореніе того, что было уже выше приведено изъ писателей того же времени. Въ «Живописцѣ» 1772 г. I. Стр. 44: «двѣсти ексемпляровъ», «*никово*» — 107, «у *нашева* боярина» — 107. Ч. II. Сатира Боало: «*Верховной* власти сей безмолвно присягаетъ» — 337. «Коль трудно отъ *нее* приходитъ мужу жить» — 334, «*совсемъ* не знаю», «*изпытавъ*» — 393 и др. Въ «СПб. Вѣстникѣ» 1778 г. 1-е полугодіе. I. Стр. 129: о цвѣтахъ платья: «темно синія *мѣнше*», «касается до земледѣльцовъ», «были *бѣлова* цвѣта»; *изключая*, происходило — 225. — Въ 1779 г. 1. III. *мѣтять* — 3, *предмѣтовъ* — 5.

Въ «Вечер. Зарѣ» 1782 г. I. Стр. 1. «Ибо сравнивая теперешнее наше состояніе» (произношеніе очевидно!). «*Смутной* и блѣдной свѣтъ» — 3, «кровь *медленно* обращается» — 95. Въ ч. II. 1782 г. «*збывчивое* понятіе» — 179, «два одинъ другому противорѣчушій суда» — 180.

Въ «Почтѣ Духовъ» 1789 г. Ч. II. Стр. 2: «въ какомъ нибудь другомъ экипажѣ».

Въ Соб. люб. рос. слов.» 1784 г. Ч. XI. Стр. 170: «*отважись* *пожамуй* отъ *нее*», «не до хромоногова италіянца» — 171. — Въ 1783 г. Ч. X. Ода:

«Хочу проселомной дорогой
На долгихъ ѣхать на Парнасъ». 165.
«Витъ, въ Пантеонѣ ихъ немало». ib.

Витъ иногда въ энклитикѣ превращается въ «*витъ*» и такъ и печатается.

«Скажу, что есть у крымцовъ ханъ:»
«Сочту подушны въ Римѣ зборы» — ib. 167.
«Какъ онъ изъ Леты тянетъ *крушкной*». ib. 167.
«На дюжій молодецкой жаръ». 168.
«Денючки прежни вспоминаетъ». 168.
«Да нада вѣдать, что *витъ* меру
Я у носящаго купилъ». 168.

Эпиграммы:

«Къ лицу ль мнѣ, думишка, *сегодншней* уборъ?» IX. 17. 1788 г.

«Въ тебѣ, о *Дашкава*, ученый видитъ свѣтъ». IX. 22.

Срв. Ч. VI. 19, 20. То же 1783 г. «Ея Сіятельству Е. Р. Дашкавой» — Стр. 21. Въ Ч. XIII. 1784 г. Стр. 5: «Изъ *перышекъ* въ театрѣ бую въ ладоши» — 6. — Въ Ч. VI. 1783 г. Стр. 23. Притча: «Солнце и молнія» Д. Хвостова:

«А ежели когда я въ облакахъ сверкаю».

Въ «Моск. Журналѣ» 1791 г. Ч. I. Стр. 11. Видѣніе Мурзы:

«Ты быть себя *щастливымъ* чаешь». (Ассил. с. inf. — довольно обыкновенный оборотъ у писателей конца XVIII вѣка).

Сличи еще *забѣтыя*, *падѣныя*, *прошедшныя*, *стѣны* — СПб. Меркурій 1793. III. 32, 33. IV. 61, *растѣній*, но: *зачемъ* — Цвѣтникъ 1810 г. Ч. V. 57, 56, *кольцо*, но: *вылезая* — Зритель 1792. Май. 24, 25, тамъ же *верхъ* 58, *верхи* 60, *сверхъ* 66, *сперва* 66, *лавошники* 67, *табашиникомъ* 67, *отпишиный* листъ (вѣтникъ) 67; *дѣсница*, *зеница* — СПб. Мерк. 1793. I, 11, *предмѣта*, *прилѣжно* — ib. 13, 15, *изрѣкъ* — ib. 179, но: *изрѣкла*, *изрѣкли* — ib. 214, 211, *бѣздна* — ib. 195, *бѣспѣдъ* — ib. 196, но: *всемъ* — твор. п. ед. ч. — ib. 197. *Мѣлъ* — Иппокрена 1799. I. 12, *мѣлкала*, *мѣллитъ* — СПб. Мерк. 1793. II. 210, 211, *здѣлалъ* — Иппокр. 1799. I. 13, 17, 19, *зберегли*, *збираютъ*, *прозѣбу* — ib. 63, 67, 69, *моднова* — род. ед. ср. р. — Зритель 1792. II. Май. 47, *неизчерпаема* — ib., *одново* — род. ед. — ib. *тово* — ib., *этова* — ib., *вашева* — род. ед. — ib., *покушающейся* — им. ед. м. р. — ib. 48, *щоголя* — ib., *дерзкіе* — им. п. мн. ч. — ib. 47, но: *дерской* — им. ед. ч. — ib. 48 (у одного и того же автора, въ одномъ и томъ же журналѣ), *будто* — ib. 48, но: *будто* — ib. 49, *въ стомъ* — ib. 49, срв. *этова* — ib. 47, *первую* — ib. 50. Срв. *первымъ* — ib. 47, *въ это дѣло ево жена* — ib. 51. Им: *надежъ* ед. ч. муж. рода именъ прилагат. вездѣ съ окончаніемъ -ой; ей; род. п. ед. числа: *ова*, *ева*, *ово*, *ево*: *у усерднѣйшева* — 52, но: *своею* — ib. 52, *для тово* — ib. 52, *у которова* — ib. 53, *скромной авторъ* — ib. 54, *разсерженной клопъ* — ib. 54, но: *примѣтный* — ib. 54, *на своево* — ib. 54, но: *открытой непріятель* — ib. 55, *полъ* — вин. п. ед. ч. — ib. 56, *зубы ея искусно сдѣланы* — ib. 56. Или: *его перова* — вин. ед. — ib. 57. Или: *десницею* — ib. 58, срв. *выше*. *Скрыятъ* — ib. 58, *скрытъ*¹⁾ —

1) У Пушкина въ издавіяхъ есть и *скрытъ* и *скрытъ* — Цыганы. 1824. Не знаю, что онъ самъ писалъ въ такихъ случаяхъ, т. к. не имѣю его рукописей.

Иппокрена 1800. V. Стр. 55. Далѣе, въ томъ же журналѣ Зритель 1792. II. Май. Стр. 59 мы находимъ рядомъ: *дерзкой* и *быстрымъ*; *сбираетъ* — *ib.*, *збираютъ* — Иппокрена 1799. I. 67.

Довольно выдержано во всѣхъ изданіяхъ правописаніе префиксовъ: *изъ*, *возъ*, *низъ*, *разъ*, *безъ*, *чрезъ* съ буквою *з* во всякомъ положеніи: *возмущающе* — Зр. 1792. II. Май. 59. Однако и то не всегда: *восхищался* — *ib.* 65, но: *снизхожденіе* — *ib.* 65, *возхитился* — *ib.* 66.

Въ Моск. Журн. 1791 г. I. (въ Письмахъ р. пут. Карамзина) читаемъ: «побезной предметъ» — 25; Ч. III. «онъ самой свѣтской человѣкъ» — 49. — Ч. IV. Стр. 55, 56, 60: «на самой верьхъ», «верьхи» и под. Срв. «на вѣтъ-вахъ» — стр. 5 и под. Конечно, это все-произношенія, которыя сохранились частью и донынѣ. — Въ 1792 г. въ Ч. V у Карамзина: «сверьхъ ногами» — 17, «сей легкой способъ» — *ib.* «Сверьхъ того» — 25, 116, 118. VII. 14. Срв. «кофейной домъ» — VI. 34, «сильной дождь» — VII. 13.

Въ «Моск. Журн.» 1792 г. Ч. VIII. «Пѣсня». Стр. 3—4, напечатано:

«Въ немъ ужъ чувства нѣтъ другого.
Ты во тѣмъ мученья злое»...

На стр. 9 «Картина»:

«Вотъ вокругъ ея и рѣзвы сѣхи».

На стр. 10:

«Но для женатого — ужъ слишкомъ любопытна».

У Карамзина въ «Наташѣ бояр. дочери» (*ib.*): «человѣкъ богатой, умной, вѣрной, слуга царской» — 17. Въ «Письмахъ р. пут.» (Ліонъ): «о моемъ *поздномъ* раскаяніи» — *ib.* стр. 91. О такихъ прилагательныхъ, какъ «дальній», «поздній», «искренній», «здѣшній», «внутренній» и др. при тѣхъ же, только съ мягкой основой, какъ: «дальній», «поздній» и проч., мы говорили во 2-мъ выпускѣ «Опытъ грам. яз. Пушкина»: эти прилагательныя мы нашли выше у Озерова (стр. 21), они извѣстны и Пушкину: по даннымъ діалектологин можно думать, что окончанія -«ній» занесены въ Москву съ сѣвера и сдѣлались въ столицахъ принадлежностью говора не только народнаго, но и литературнаго въ прежнее время; такимъ образомъ, нѣкоторыя данныя народнаго говора были усвоены интеллигенціей въ періодъ установленія литературнаго языка (равно какъ и формы сравн. степени на -*ѣе*, -*ѣе* у Державина, Сумарокова, Хемницера, Ломоносова). И что особенно замѣчательно, такъ это то, что формы прил. на «-ній», какъ и формы сравн. ст.

на *-яе, -ае*, чаще встрѣчаются у тѣхъ писателей, которые или родились на сѣверѣ или жили тамъ. Впослѣдствіи однако та и другая особенность народнаго говора была отвергнута литературнымъ языкомъ, да и самый народный говоръ въ Москвѣ сталъ измѣняться въ направленіи къ южно-великорусскому.

Въ журналѣ: «Чтеніе для вкуса» 1792 г. Ч. VII. «Характеръ скупаго»: «Скупой есть *первой* невольникъ въ свѣтѣ; онъ готовъ ползати у ногъ и *нижшаго* себя» — 191. Срв. *сверхъ* — Ч. VIII. 139. Ч. IX. 5. — Ч. VIII. Стр. 36: «Могла сносить взоры сихъ *младенцовъ*». Ч. X. 1793 читаемъ: «Гораздо *превосходитъ* тѣ бѣдствія» — Стр. 4, прозбу — 171, *сверхъ* — 5, *первой* разъ — 170, *зблагъ* — 172, «увидѣлъ при дворѣ *перешетты* и клеветы» — 171 (Вспомнимъ Пушкина: «по шепту»: «Рославлевъ» — 1831. Соч. Т. IV. Стр. 118. «Кап. Дочка» — 1833 г. Соч. *ibid.* Стр. 209 и др. Здѣсь же: «*скрыпнула* дверь»). Срв. *шептатъ*; нынѣ: *шопотъ*, род. *шопота...*, вѣроятно, изъ **шѣпѣтъ*, **шѣпотъ*, род. **шѣпта...* Срв. *рѣпѣтъ* — *рѣпота...* вм. *рѣпта*; *роптѣтъ* и под.¹⁾ (Въ Словарѣ Академіи 1867 г. есть слово *шѣпта* — ы, ж. р., но изъ приведенныхъ тамъ примѣровъ нельзя заключить о существованіи такой формы рядомъ съ формою *шѣпѣтъ* — *шѣпотъ*, род. *шѣпта* и т. д.). Въ томъ же журналѣ 1792 г. Ч. VI. «Уборной столикъ» — *ib.* 233. — Ч. V. 1792 г. Стр. 5 «жестокой бичъ». «Лордъ *алинскій* одинъ, богатой, молодой» — стр. 51. Въ Ч. IV. 1791 г. на стр. 90: «драгоценной мечъ». «Дочь двенадцати лѣтъ» — 115. «Умъ прилжно обработанной» — 115. «Ея любезной изъяснился предъ нею, что онъ не можетъ безъ *нее* быть *щастливъ*» — 116. Обыкновенно мы видимъ *ее, ею* и въ род. и въ вин. падежѣ, согласно произношенію, но здѣсь — примѣръ ореографіи — *ея*. «Въ *сей* пагубной домъ» — 117. «Взять въ канторѣ... промѣнять ихъ на звонкой металлъ» — 120. Срв. у Жуковского *въ стихахъ* выше: «звонкой». «Несчастіе отъ туплей» и др. под. (см. текстъ), «въ *поздныя* времена» — Ч. I. 1791 г. Стр. 240.

Въ журн. «Рос. Магазины» О. Туманскаго. Часть *первая*. 1792 г. Стр. 9: *сперва*, стр. 45 — на *верху*. «Въ *первой* разъ» — 288, церкви — 477, сельской праздникъ — 503, всякой его знаетъ — 503. Въ *изходѣ* — 504. «Проголодавшіеся *пшеходцы*» — 504 (Срв. выше род. п.: «пѣшеходовъ»). Нынѣ: «пѣшеходъ». Срв. выше: «отшелецъ». Нынѣ: «отшельникъ»).

1) Такъ произносилось въ род. падежѣ *потолока* (напр., Рос. Магаз. 1792, ч. I. 510 «висячіе отъ *потолока* гирлянды»), по народной поговоркѣ «руки въ боки — глаза въ *потолокъ*». Нынѣшнее склоненіе: *потолокъ* — *потолка* — *потолку* и под. есть новообразование по аналогіи такихъ словъ, какъ *молѣтъ* — *полка* — *полку* (уменьш. отъ *молъ*).

Къ исторіи словъ и ихъ начертаній относятся такія формы, какъ: «Въ *одинадцатомъ* часу»—503, 504 (Описание Кусковского Праздника). «Въ *двенадцатомъ* часу»—Рос. Магаз. 1792 г. I. 511. При сравненіи этой ореографіи съ такими, какъ: «среди *тридцати* жертвъ *распустѣа*» — «Чтенія для вкуса»... 1791 г. Ч. IV, стр. 117, а равно: *двенатцати*—ib. 115, затѣмъ — съ нынѣшней ореографіей: одиннадцати, двѣнадцати, тридцати, а также — съ древнѣйшей: «одинъ на десять», «двѣ на десять», «три десять», — устанавливается цѣлый рядъ данныхъ, изъ которыхъ видна исторія подобныхъ числительныхъ и ихъ ореографія: одинъ на десять — одиннадцать — одиннадцать — одиннатцать — одиннадцать (Нынѣ произносится: адѣнътъцѣтъ). Далѣе, въ «Рос. Магаз.» 1792 г. Ч. I. Стр. 505: «Помянуто *просверкивали* (срв. выше: *сверкаю*) чепцы». *Поверхности*—510, отъ нее — 507; *изтребится*, *превозходныя*, *возхищеніе* — 507.

Въ журн. «Аглая» 1794 г. I. Стр. 10—11 («Цвѣтокъ на гробъ моего Аглатона»): «Я жалѣю о томъ человѣкѣ, которой занимается». «Тихой кругъ читателей»... «Вѣтръ — осѣтръ» (риема въ стих. «Волга»). «Играетъ на верѣху съ воинами» (Волга, ib. стр. 24).

См. также I. Стр. 41 — 47 примѣры именъ прил. ед. ч. м. р. на *-ой* въ им. подежѣ. На стр. 94 («О. Борнгольмъ»—Карамзина): «унылой шумъ». Стр. 99: «мѣли и камни». Стр. 50: «будемъ *искренны*». На стр. 103: «опустился съ верѣху башни»; на стр. 118: «до *другова* времени» («О. Борнгольмъ»).

Вообще, имена прил. на *-ой* безъ ударенія въ им. п. ед. ч. м. рода у насъ выписаны изъ всѣхъ журналовъ XVIII—XIX в. Поэтому мы дадимъ только заглавія этихъ журналовъ, не повторяя примѣровъ. Вотъ журналы: Живописецъ 1772 г., Соб. люб. рос. слов. 1783 и 1784 г., Покоящ. Трудолюбецъ 1784 г., Веч. Заря 1782 г., Утрен. часы 1788 г., Почта Духовъ 1789 г., Моск. Журналъ 1791 и 1792 г., Чтеніе для вкуса... 1791, 1792 и 1793 г., Рос. Магаз. 1792 и 1794 г., Приятное и пол. препров. вр. 1794 г., Аглая 1794 г., Аониды 1796 г., Пант. рос. авторовъ 1801 г., Моск. Меркурій 1803 г., Вѣстн. Европы 1803 г., Сѣверн. Вѣстникъ 1804 г. Такимъ образомъ, въ журналахъ на разстояніи почти полувѣка держится эта ореографія. Звукъ *ѣ* (*ѳ*) передается черезъ *ѳ* въ журн. Живописецъ 1772. I, Соб. люб. рос. слов. 1783 г. X и въ ж. «Аониды» 1796 г. I, гдѣ читаемъ: «Журчишь, какъ томный *ручеіокъ*» (Соловей). Начертаніе *е* смѣшивается съ *э* въ журн. Живописецъ 1772 г. ч. I. Стр. 107 и др., въ журн. Соб. люб. рос. слов. 1783. IX. 168 и др., въ журн. «Утрен. часы» 1788 г. II. Стр. 26: *Енциклопедія*.

Въ журн. «Почта Духовъ» 1789 г. I. 212: «въ этомъ я не сомнѣваюсь». При этомъ надо вспомнить, что народъ вообще произноситъ *е* (jэ), а не *э* даже въ такихъ словахъ, какъ *этотъ*, но и подавно въ словахъ иностранныхъ: *je'tаш*, *бѣл'je'tаш* и под., но въ журналахъ прошлаго вѣка скорѣе надо понимать эти написанія, какъ *графическія* явленія (Послѣ предлоговъ однако я не слыхалъ въ народныхъ говорахъ *ј* при мѣстоименіи «этотъ»...: *сѣстим*, *сѣфтзм*, *сѣнтзм* и под. = съ этимъ, въ этомъ, въ-э-н-томъ и др.).

Что касается подлинныхъ рукописей нашихъ писателей, то, сводя всѣ данныя, относящіяся сюда, вмѣстѣ, мы можемъ въ итогъ сказать слѣдующее: 1) оконч. -*ья* и под. въ род. п. ед. ч. мы встрѣтили у Измайлова, Дмитріева и Жуковского. О Пушкинѣ см. нашъ «Опытъ» II.

2) Окончаніе -*ой* въ им. п. ед. ч. именъ прил. муж. р. мы видѣли и въ прозѣ и въ стихахъ: оно извѣстно изъ рукописей А. Писарева, Княжнина, Измайлова, Дмитріева, Карамзина, Озерова, Жуковского (О Пушкинѣ см. нашъ «Опытъ» II).

3) Оконч. -*ова* въ род. ед. именъ прил. мы видимъ у всѣхъ писателей, которыхъ мы изучали: у Княжнина, у В. Майкова, у Измайлова, О. Глинки, Дмитріева, Хемницера, Карамзина, Озерова, Жуковского.

4) Смѣшиваютъ въ начертаніи *ее* и *ея* (внш. ед. и род. ед.), т.-е. пишутъ часто по произношенію эту форму мѣстоименія: Княжнинъ, В. Майковъ, Измайловъ, Хемницеръ, Карамзинъ, Жуковский (и въ прозѣ и въ стихахъ, гдѣ они есть).

5) Пишутъ часто *ѡ* (=ѣ) Княжнинъ, Державинъ (*ѡ* вм. *е* литературно) въ сл. *ремѣнный*: «ремѣнной кнутъ» и «ремѣнной») и Озеровъ.

6) Смѣшиваютъ *е* и *ѣ* почти всѣ: А. Писаревъ, Княжнинъ, В. Майковъ, Измайловъ, Державинъ, Д. Давыдовъ, Карамзинъ, Озеровъ, Жуковский.

7) Смѣшиваютъ *е* и *э* Дмитріевъ и Хемницеръ.

Такимъ образомъ, всѣ эти случаи, свидѣтельствуя о неустойчивости правописанія, служатъ въ то же время матеріаломъ для заключенія о произношеніи нашихъ писателей, кромѣ развѣ случая род. п. ед. ч. на -*ья*, -*ія* (-*оя*, -*ея*), но и это произношеніе могло стать привычнымъ въ устахъ интеллигенціи, державшейся книжныхъ традицій, какъ мы видѣли выше, чтобы не удариться «въ подлость».

Не только *звуковая* сторона русской литературной рѣчи XVIII—XIX вѣка вскрывается до нѣкоторой степени въ орфографіи нашихъ печатныхъ изданій этого времени, но и въ морфологіи, въ словообразованіи, и въ подборѣ словъ и оборотовъ мы отмѣчаемъ такое же состояніе броженія

или колебанія литературнаго языка, какое изслѣдователь наблюдаетъ въ *графическомъ изображеніи* этого языка. Но это не приводитъ насъ въ отчаяніе: языкъ въ это время, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, переживаетъ серьезный переломъ и *подъ перомъ писателей* ищетъ для себя твердой почвы: онъ колебался во всѣхъ отношеніяхъ, и съ того времени, какъ наша *литература* перестаетъ быть *только письменностью*, начинаетъ затрагивать широкій кругъ интересовъ, съ того времени дѣлается возможнымъ *вліяніе отдѣльных писателей съ ихъ складомъ понятій на языкъ литературы*. Каждый писатель находитъ себѣ мѣсто въ исторіи языка, чего мы въ древній періодъ не могли замѣтить, п. ч. *личность* писателя скрывалась подъ общей оболочкой традиціи, и писатель растворялся въ общемъ и однообразномъ типѣ *начетчика* и *грамотея*. Историкъ же языка найдетъ въ этихъ періодахъ перелома и установки языка драгоценныя данныя для сужденія и выводовъ о составѣ русскаго литературнаго языка и о силѣ наибольшаго вліянія составляющихъ его элементовъ: разобратъ въ этомъ исторіку помогутъ *жизня нарѣчія русскаго языка* при ихъ сопоставленіи съ языкомъ литературы въ періодъ его формированія и приспособленія къ тому, чтобы въ письменномъ своемъ отраженіи стать въ послѣдствіи общимъ достояніемъ русскоѣ народности.

Въ языкѣ Ломоносова мы указали въ свое время (Ж. М. Н. Пр. 1898. № 3 и 1899. № 5) цѣлый рядъ діалектическихъ словъ архангельскаго сѣвера, и въ языкѣ каждаго почти писателя, если онъ принадлежитъ времени формированія общерусскаго литературнаго языка, мы находимъ слова родной мѣстности автора, еще не вошедшія въ литературный обиходъ и употребленныя не съ цѣлью выраженія этнографическихъ оттѣнковъ рѣчи даннаго лица или героя, а просто по привычкѣ писателя безсознательно пользоваться въ литературныхъ произведеніяхъ своею собственною и родною ему рѣчью. Такъ, у Дмитріева, въ баснѣ: «Совѣсть», мы находимъ слѣдующее выраженіе: «И началъ въ нихъ *лукать*», хотя съ одинаковымъ успѣхомъ Дмитріевъ могъ здѣсь употребить слово «бросать» вмѣсто «лукать» (Говорится про бросанье каменье въ воробышковѣ). И. И. Дмитріевъ родился въ Симбирскѣ и до 14 лѣтъ провелъ на востокѣ Россіи, въ Симбирскѣ и Казани, гдѣ извѣстно это слово: его мы находимъ въ восточномъ Поволжѣ, въ Вят. губерніи, Оренбургской и проч. (См. Васнецова. Матеріалы для словаря Вятской губ. 8. v. Даль. Словарь. 8. v. «лукъ» и друг.). У Измайлова діалектическій элементъ выразился въ слѣдующемъ стих.: «Въ альбомъ А. М. Лазаревой», по случаю отъѣзда ея изъ Архангельска, гдѣ и Измайловъ вѣроятно слышалъ архангельское слово:

«Что не отправилъ васъ отсель сухимъ путемъ
Иль по архангельски *юрбю*» (8 июля 1828 г. Тетр. IV. 71).

Это напоминаетъ намъ обычное выраженіе на Волгѣ, въ Костром., Вятской и друг. губ.: «мы идѣмъ *юрám*, а п'роходъ бѣжитъ *водбю*». У него же въ баснѣ «Купецъ Брюхаловъ» 1818 г. (I. 154) находимъ слово, значеніе котораго до сихъ поръ извѣстно въ діалектахъ восточной Россіи, глаголь *щечить* — воровать, обирать: «Но въ лавкахъ у него и въ домѣ все *щечили*».

И у Хемницера есть діалектическія слова; именно, «казаться» въ значеніи «нравиться»: «Чтобы тѣ мѣста, которые намъ не *казались*, перемѣнены не были» (Письмо тамъ же подъ № 87). Или: «Вотъ вамъ *басмья* Попугай. Мнѣ она теперь не столько нравится, сколько можетъ быть тогда *покажется*, когда вы мнѣ *ее* слабости откроете» (Пишетъ Хемницеръ къ Державину въ *post scriptum* въ того же письма). Иванъ Ивановичъ Хемницеръ (1745 — 1784 г.) родился въ Астраханской губ. и до 10-лѣтняго возраста жилъ здѣсь. Слово *казаться* = *нравиться* извѣстно на всемъ востокѣ Россіи; поэтому напрасно Д. К. Зеленинъ думаетъ, что лексика «усеньчанъ» (жителей Усень-Ивановскаго завода въ Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи) близка къ лексикѣ героевъ романа Мельникова-Печерскаго «Въ глѣсахъ» потому, что и тѣ и другіе происходятъ изъ Нижегородской губерніи, гдѣ извѣстно слово «казаться» въ значеніи «нравиться» (См. Д. К. Зеленина: «Усень-Ивановскій говоръ». Въ Изв. Отд. р. яз. и слов. 1905 г. Томъ X. Кн. 2. Стр. 105). Это слово извѣстно намъ и въ говорѣ Астраханской губ. (у Хемницера), и въ Казанской губерніи, и въ Уфимской, и въ Нижегородской и др. Это же слово есть и у А. Е. Измайлова (Ркп. Публ. Библ. Тетрадь I. Стр. 161):

«Однимъ княжѣ не *показался*:
Чинъ для нея былъ очень малъ».

Несчастный любовникъ. 1818 г. А. Е. Измайловъ съ этимъ словомъ, очевидно, познакомился во Владимирской губерніи, откуда онъ самъ былъ родомъ. Это слово значится и въ Словарѣ Олонецкаго нарѣчія Куликовскаго. См. в. в. «показаться».

Глаголь *учинить* (-ся) въ смыслѣ сдѣлать у писателей XVIII-го в. еще въ полномъ ходу: «туфли *учинились* пословицею» Покоящ. Трудолюбецъ 1784 г. Ч. I. 210. Несчастіе отъ *туфлей* (Срв. выше: *каплей* — род. п. мн. ч. у Измайлова въ автографахъ). «Естьли бы оное *учинили*» — Веч. Заря. 1782. II. 179. «Драгоценное собраніе знаній *учинилось* жертвою пламени въ Александріи» — Аглая. 1794 г. I. 47. «Не льстись *учинить* презрѣн-

ново (меня)» — Чтенія для вкуса... 1791 г. Ч. IV. 138. Глаголь «чинить» нынѣ тоже употребителенъ, но не съ предпосылкою у- (гл. «у-чинить») сохранился лишь въ полицейскихъ протоколахъ или канцелярской перепискѣ бюрократическихъ учреждений и не въ значеніи «дѣлать», а въ значеніи «поправлять»: «чинить платье», «чинить бѣлье» и под. Въ церковно-книжномъ языкѣ и въ казенныхъ бумагахъ канцелярій: «чинъ (= порядокъ) богослуженія», чинъ — Rang; но въ языкѣ изящной литературы: со-чинить (= написать или сказать литературное, научное произведение и под., а также = соврать), при-чинить (при-чина), по-чинить, за-чинить, о-чинить (заострить карандашъ, прежде — гусиное перо: «перочинный ножикъ») и проч.

Обратимъ еще вниманіе на тѣ слова и обороты, на тѣ новыя словосочетанія, наконецъ на тѣ новыя значенія старыхъ словъ, которые употреблены Карамзинымъ и представляютъ опытъ вліянія на литературный русскій языкъ со стороны отдѣльнаго писателя и его духовной личности, т. е. его міросозерцанія. Въ языкѣ Карамзина прерывается теченіе прежней живой струи подъ вліяніемъ внесеннаго имъ новаго понятія объ «образованномъ человѣкѣ», рѣчь котораго стала нуждаться въ особой лексикѣ, пополнявшейся уже не изъ сокровищницъ стараго русскаго языка и современной ему народной рѣчи, а изъ другихъ источниковъ и изъ самыхъ средствъ русскаго словообразованія. Изобрѣтательность Карамзина въ этомъ отношеніи или, лучше сказать, его *находчивость* составляетъ, по нашему мнѣнію, его заслугу въ исторіи литературнаго русскаго языка. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ до Карамзина и его послѣдователей нѣсколько новыхъ лексическихъ элементовъ въ языкѣ нашихъ литерат. произведеній, чѣмъ въ языкѣ самого Карамзина, хотя въ общемъ языкѣ его сохранилось и много старины.

Карамзинъ, напр., употребляетъ старый оборотъ *въ разсужденіи* въ смыслѣ нынѣшняго «относительно»: «*въ разсужденіи* изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства натуры (Письма р. пут., изъ Парижа 1790 г.): «Я теперь въ *разсужденіи* его спокоенъ» (Къ брату, изъ Москвы 20 авг. 1801 г.), «въ *разсужденіи* государственнаго просвѣщенія» В. Евр. 1803. VIII. 53, «въ *разсужденіи* сего предмета» ib. 1802, № 12, такъ и у Жуковскаго: «но въ душѣ моей сдѣлалась перемѣна въ *разсужденіи* ее» (Журн. 1805 г.) и у Озерова (письмо къ Оленину 25 іюн. 1809 г.): «въ *разсужденіи* моей отставки»; «что бы *въ разсужденіи* сего обезпечить послѣднихъ» Сѣверн. Вѣстн. 1804, II. 233; «Поразительно *въ разсужденіи* пышности и разпорядка» Р. Магаз. 1792. I. 508, «въ *разсужденіи* чистоты» Иппокр. 1799, I. 67. Карамзинъ употреблялъ оборотъ *для моего* вм. нынѣшняго «потому», бывшій уже раньше въ употребленіи. Петръ Вел. писалъ (1712 изъ Гренсвалда): «больше сы-

скалъ не могъ *для того*, что въ Гамбургѣ явился пестъ». Карамзинъ (къ брату): «Первую книгу я *для того* отправилъ къ вамъ, что не успѣлъ тогда внести имена субскрибентовъ въ книгу почты», «около трехъ недѣль лежалъ я на постелѣ и *для того* не писалъ къ вамъ». У Дмитриева: «Что было съ нами, все проѣли, А путь еще далекъ! и *для того* посмѣли зайти къ тебѣ и бить челомъ».

Но рядомъ съ этимъ у Карамзина же читаемъ: «входило *въ составъ бытія* моего» (Письм. р. пут. Тверь 18 мая 1789 г. Москов. Журн. 1791 г. I. 25). Нынѣ мы сказали бы «входило въ содержаніе моей духовной личности» или «въ содержаніе моего нравственнаго облика» и т. п. Но во время Карамзина языкъ отдѣльнаго писателя, такого напр., какъ Карамзинъ, долженъ былъ или обходиться наличнымъ языковымъ матеріаломъ, и тогда писатель рисковалъ не ввести читателя въ кругъ своихъ понятій-мыслей и не поднять понятій самого читателя, или дѣлать опыты введенія новыхъ словъ-понятій и опыты оригинальнаго, самостоятельнаго пользованія наличнымъ языковымъ матеріаломъ, придавая послѣднему новыя формы сочетаній. И въ первомъ и во второмъ случаѣ Карамзинъ рисковалъ быть не вполне и не точно понятымъ, чего каждый писатель, способный вліять на общество, долженъ особенно бояться. Такъ было и съ Карамзинымъ: критика въ лицѣ Шишкова и другихъ старовѣровъ русскаго языка напустилась на языкъ Карамзина, не понимая отношенія этого языка къ духовному міру, раскрываемому Карамзинымъ передъ русскимъ обществомъ въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ. Поэтому надо строго отличать языкъ Карамзина въ его письмахъ и беллетристическихъ произведеніяхъ отъ языка Карамзина въ его исторіи: гдѣ Карамзинъ являлся выразителемъ своего духовнаго существа, своей души, тамъ онъ — творецъ и насадитель новыхъ понятій, возбудитель общественной мысли, а гдѣ Карамзинъ — историкъ, тамъ онъ пишетъ старымъ языкомъ и часто вовсе не лучшимъ, чѣмъ его предшественники, даже искусственно-торжественнымъ и уже нынѣ забытымъ.

Вотъ примѣры его языка: «Я былъ *размяченъ, расстроганъ*» ib. 25, «въ такомъ *трогательномъ видѣ*» — ib. 27, «*сердечнымъ соучастваніемъ* въ его горести» — ib. 28. «*Удобности жизни*» — ib. Моск. Журн. 1791 IV. 51. «Увѣрилъ меня въ *непремѣнности* дружелюбнаго ко мнѣ *расположенія*» ib. 1792 г. V. 16. Нынѣ мы сказали бы въ этомъ смыслѣ: «*неизмѣнностями*». Разница только въ префиксѣ *пре-* (= рус. пере-) и *из-*, а слова изъ-за этого не только *различныя морфологически*, но и *семасіологически и исторически*: слова: «непремѣнность» въ смыслѣ «неизмѣняемости» и «неизмѣнности», а вмѣстѣ съ тѣмъ и «постоянства», *нынѣ въ языкъ нѣтъ*: нынѣ,

какъ и во времена Карамзина, есть и было слово «непремѣнно», откуда Карамзинъ образовалъ сущ. «непремѣнность», придавъ этому существительному этимологическое значеніе русскаго слова * «не-пере-мѣнности» въ смыслѣ «отсутствія *перемѣны*», между тѣмъ какъ нарѣчное слово «непремѣнно», построенное по типу славяно-церковно-книжнаго языка, заключаетъ нынѣ смыслъ не этимологическій, уже забытый и передаваемый русскимъ словомъ «[не]перемѣнно», а привычный, въ силу употребленія, послѣ забвенія стараго, новый смыслъ: «навѣрное», «безусловно», «вѣрно» и т. п.

Во времена Карамзина слово «непремѣнно» имѣло еще значеніе этимологическое, которое нынѣ осталось только за словомъ «не перемѣнно» (срв. обозначеніе на барометрахъ: «перемѣнно» — *veränderlich*). Вотъ почему у Карамзина, съ одной стороны, было основаніе *отъ языка его времени* сохранивъ за новымъ словомъ *этимологическое* значеніе, а съ другой, — вотъ почему съ забвеніемъ этимологическаго значенія и слово «непремѣнность» исчезло изъ языка литературы. На этомъ словѣ мы наблюдаемъ процессъ лингвистической работы мысли Карамзина и основанія для его дѣятельности, заключающіяся въ фактахъ самого языка его времени. Далѣе, Карамзинъ находитъ цѣлесообразнымъ употребленіе слова «тѣснить» въ примѣненіи этого слова къ неодушевленнымъ явленіямъ природы, къ рельефу земной коры, и говоритъ: «Сей городокъ, *стѣсненной* со всѣхъ сторонъ высокими *горами*» — ib. 17. Или возьмемъ этотъ примѣръ: «Надписи *отмѣнно* глупыя и смѣшныя» — ib. 19. Срв. выше: [не]-пре-мѣнно. Слово «от-мѣна» прежде означало «от-личіе», «от-мѣнить» было равно «от-личить», а «отличіе» прежде замѣнялось словомъ «различіе». Нынѣ «отмѣна» значить «упраздненіе», «уничтоженіе»; «отмѣнять» значить «упразднить», «сдѣлать недѣйствительнымъ» и под. «Отличіе» имѣетъ смыслъ болѣе *внѣшняго* «различія», а «различіе» — несходство внутреннихъ признаковъ между похожими, подобными предметами. Срв. въ журн. «Чтеніе для вкуса»... 1791 г. Ч. II. Стр. 3: «Самые *различительные* звонныя слова»... и: «Даетъ намъ *отличительныя* понятія» — стр. 6. Нынѣ мы сказали бы: «самые звуки, которыми *отличается* данное слово отъ другого»... И: «даетъ намъ возможность *различать* понятія». Нынѣ слова «различительный» уже почти нѣтъ, а слово «отличительный» осталось. Вмѣсто «отмѣнно» нынѣ мы говоримъ и пишемъ въ подобныхъ случаяхъ: «особенно». «Особый», «особенный» (= «самъ по себѣ» или — «о себѣ», — «особь», т. е. «единственный въ своемъ родѣ») и есть по смыслу тотъ, который представляетъ «отмѣну» (= отличіе) отъ всѣхъ прочихъ ему подобныхъ.

Рядомъ съ новыми понятіями въ старыхъ словахъ и новыхъ ихъ соче-

таніяхъ или новомъ ихъ образованіи у Карамзина постоянно употребляются и старыя слова въ старомъ ихъ значеніи, въ какомъ они были извѣстны еще въ языкѣ московскихъ приказовъ XIV—XVI в. Нынѣ уже совсѣмъ эти старыя значенія старыхъ словъ исчезли. Такъ, Карамзинъ еще пишетъ къ брату своему изъ Кунцова 22 мая 1800 г.: «Вы знаете этотъ домъ. *Извольте* туда *написывать* (= адресовать) ко мнѣ письма». «Извольте» въ этомъ смыслѣ нынѣ «соблаговолите» и под., а слово «извольте» (срв. «изволити», «поволити») съ неопр. наклоненіемъ нынѣ означаетъ строгое повелѣніе, приказаніе (срв. у Чехова въ разсказѣ «Бракъ по расчету» мѣщанинъ говоритъ: «Позвольте *самъ* выдти вонъ!»). При повел. наклоненіи «изволь», «извольте» = старому «пожалуй», «пожалуйте», т.-е. *жилуй* меня по доброй волѣ своей тѣмъ, что.... Напр., «отвяжись, пожалуй»... «отвяжитесь, пожалуйте»... (= сдѣлай, сдѣлайте одолженіе, соблаговоли, подари меня *добровольно* и т. п.). Старое значеніе слова «предметъ» видно изъ слѣд. письма Карамзина: «Все для меня исчезло, и *въ предметъ* остается одна могила» (Погод. Др. послѣ 1803 г., къ брату, безъ даты)¹). Срв. у Пушкина въ «Полтавѣ» 1828 года: «Одно имѣла я *въ предметъ* — твою любовь». Пѣснь вторая. Соч. III. 123. Подлинное значеніе слова «предметъ» можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста журнала «Чтеніе для вкуса»... 1791 г. Ч. II. Стр. 191—192: «Красныя маргаритки и *цикорейныя* цвѣтки, которыхъ блескъ болѣе *мечется въ глаза*, нежели блескъ золота»...

Старый оборотъ рѣчи у Карамзина сохранялся и въ такихъ случаяхъ, какъ: «Теперь *полагаю васъ* уже въ Оренбургской деревнѣ» (Письмо къ брату изъ Москвы 8 марта 1804 г. *ibid*). Припомнимъ неупотребительный нынѣ оборотъ: «Я *нашелся въ состояніи*» Соб. люб. р. сл. 1784 XIII. 10, и *давать толкъ* (вм. толковать): «Всему *давали* свой *толкъ*» Рос. Магаз. 1792, I. 506. Сл. въ баснѣ Хемпицера «Метафизикъ»: «Неистолкуемымъ *давая толкъ* вещамъ». Во время Карамзина этимологическое значеніе словъ не стѣсняло разговорную рѣчь даже въ салонѣ, какъ нынѣ иногда слово выходитъ изъ употребленія, приобрѣтая спеціальныи смыслъ при забвеніи этимологіи. Напр., Карамзинъ пишетъ брату о своей женѣ: «Катерина Андреевна *брюхата*» (*ib.* 8 марта 1804 г.), но далѣе: «*беременность* милой моей жены» — *ib.* (срв. письмо Пушкина къ женѣ отъ 21 октября 1833 г.: «Радуюсь, что ты не *брюхата*». Соч. VII. Стр. 329. Срв. въ письмѣ къ П. В. Нащокину 1834 г. «Сестра Ольга Сергѣевна выкинула и опять *брю-*

1) Въ журн. «Сѣверный Вѣстникъ» 1804 г. ч. I. Стр. 172: «Первое изъ сихъ словъ *имѣетъ въ предметъ* одинъ только успѣхъ».

хата». VII. 339. Срв. VII. 350 въ письмѣ къ женѣ: «Смирнова ужасно *брюхата*, а родить черезъ мѣсяць» и др.). Нынѣ мы совсѣмъ не употребляемъ этого слова въ этомъ смыслѣ, да и вообще это слово считается теперь грубымъ и вульгарнымъ. Слѣдующія слова, обороты и выраженія связываютъ языкъ Карамзина съ языкомъ XVIII вѣка и нынѣ уже не употребительны: «*Упражненія мои вамъ извѣстны*» (13 сент. 1804 г., нынѣ: занятія, труды). «*Пожалуйте переимите письмо мое*» (29 дек. 1814 г.); «*Живу день за день*» (25 мая 1820 г., нынѣ: «день за днемъ»). «*Въ четвертый на десять вѣкъ*» (6 июня 1808 г.). «Пріятно знать ее (музыку), но можно и безъ того быть *любезною дѣвушкою*» (22 дек. 1802 г. Слово «любезный» — любимое у Карамзина. Нынѣ «дорогой», «пріятный», «милый», смотря по смыслу¹⁾). «*Что принадлежитъ до меня*» (Безъ даты, послѣ 1803 г.)²⁾. Нынѣ: «Что касается меня» («принадлежать кому» — нынѣ). Или: «Не могу имѣть никакой *уверенности къ* медикамъ» (ib.). Нынѣ: увѣренность *въ* чемъ, довѣріе *къ* кому. «Около трехъ недѣль лежалъ я *на постелѣ*»... (7 марта 1800 г. «Постеля» часто и у Пушкина, нынѣ «постель» ж. р.). Срв. въ «Письмахъ р. нут.» (Моск. Журн. 1791 г. I. 29) «Которая одна можетъ *окончатъ* мое мученіе» ib. 28. Нынѣ нѣтъ такого образованія: «окончаты», но есть: «окончательный». Въ смыслѣ «окончаты» нынѣ — «окончить», при которомъ однако нѣтъ: «окончительный». Однако есть: «скончаты» (ся) = умереть, но: «оканчивать». Далѣе, у Карамзина находимъ: «У правой руки *отстрѣли* у него два пальца» — Моск. Журн. 1791. II. 12. Нынѣ есть: «застрѣлить», при-, вы-. Теперь мы сказали бы: «у него выстрѣломъ оторвало два пальца», хотя вообще глаголъ отъ этого корня, съ исчезновеніемъ орудія — стрѣлы, является архаическимъ, пережиткомъ. Срв. «огнестрѣльный» и проч. «*Приблизился къ письменному столу*» — ib. 1792 г. VII. 16. «Приблизилась она къ рѣшеткѣ» Аглая 1794, I. 114. Сл. также у Княжнина (Риторика, F. XV. № 15): мы *приблизились*, и у Майкова: «*Приблизились* они гдѣ гѣствица была», у Измайлова (Тетр. I. 8): «Звѣрь страшной и мохнатой *приблизился къ нему*» (въ баснѣ «Медвѣдь и два охотника» 1810 г.). Въ «Соб. люб. р. слов.» 1783, IV. 11: «Сколько возможно *приблизиться къ свѣту*», въ Пр. и пол. препр. вр. 1794, I. 27: «*приблизила* свои румяныя губы», въ Соб. л. р. сл. 1783, I. 24: «Ко берегу лодка приплывала, *приблизилась* она ко

1) Срв. въ «Письмахъ р. нут.» Моск. Журн. 1792. V. 17. VI. 36. «Любезныя *Швейцары*» = «швейцарцы».

2) То же въ «Письмахъ р. нут.» Моск. Журн. 1791 г. Ч. III. Стр. 49—50. Ч. IV. Стр. 60.

миѣ» ib. I. 58: «*Приблизилось* солнце къ намъ». Это слово часто и у Пушкина (См. нашъ «Опытъ». Вып. III. 165). Нынѣ: «*приблизился*». «Чернилица» — ib. 16. Нынѣ: «чернильница», хотя это образованіе было извѣстно и въ журналахъ XVIII вѣка. Въ «Нат. бояр. дочери» (Моск. Журн. 1792. VIII. Стр. 18): «сокрытъ стыдъ свой отъ *человѣковъ*». Такъ постоянно писали въ XVIII вѣкѣ всѣ лучшіе писатели; нынѣ: «отъ *людей*».

Наконецъ, отмѣтимъ, что «prendre part» у нашихъ писателей начала XIX вѣка, въ томъ числѣ и у Карамзина въ его перепискѣ и сочиненіяхъ, передается постоянно черезъ: «брать участіе», «взять участіе», и лишь въпервые, насколько мы могли замѣтить, Жуковский въ 1818 году употребилъ выраженіе «принимать участіе». Вотъ примѣры: Моск. Журн. 1792 г. Ч. V. Повѣсть: «Вечера». Стр. 117: «и тогда бы *взяла я участіе*». Въ письмѣ Озерова къ Державину (Публ. Библ. Бум. Державина № 22) изъ Дорогобужа въ Петербургъ октября 8-го, 1796 г. (№ 71) читаемъ: «Лобзая строки, въ конхъ ты *береши участіе*». Въ письмахъ Карамзина къ брату (Погод. Древ.) отъ 2 дек. 1803 г. изъ Москвы: «Вы, безъ сомнѣнія, и въ томъ и въ другомъ *возмете братское участіе*»; отъ 8 іюня 1804: «Вы *берете участіе* въ ея успѣхахъ»; отъ 25 март. 1820 г. изъ СПб.: «Все еще *беру участіе* въ происшествіяхъ Европы». Но въ письмѣ изъ СПб. отъ 17 март. 1824 г.: «*принимаете участіе*». Въ бумагахъ Озерова (Ркп. Публ. Библ.) находимъ два письма Жуковскаго къ И. И. Дмитріеву отъ 20 сент. и 22 ноября 1818 г. изъ СПб.—а, и въ первомъ изъ нихъ читаемъ: «За *участіе, принимаемое* вами, въ судьбѣ моей».

Выраженіе *быть присутственнымъ* у Жуковскаго относится къ области опытовъ отдѣльных писателей внести въ языкъ литературы новыя выраженія, новыя слова: тогда это выраженіе было неологизмомъ, нынѣ же мы его уже не знаемъ, ср. être présent (= se trouver), нынѣ «присутствовать», «быть (находиться) на лицѣ». Кромѣ того, нынѣ мы уже различаемъ *присутствующій* (présent), стало быть être présent = быть присутствующимъ, и — *присутственный* (напр., день: jour ouvrier, *неприсутственный* день: jour de fête). У Жуковскаго: «Онъ (ревнивый) хочетъ всякую минуту быть *присутственнымъ*» (Журн. 1805 г. 9 іюля). Мы бы теперь эту мысль Жуковскаго выразили такъ: ревнивый человѣкъ хочетъ всякую минуту *присутствовать*, или совершенно уже перифрастически: «Ревнивецъ ни на минуту не хочетъ отлучаться». Такимъ же архаизмомъ стали слова *упражненія* (въ наукахъ), *упражняться*, въ свое же время они были неологизмами; «называють почтительнѣйшія Петровы *упражненія*» Соб. л. р. сл. 1783, VII. 174; «*упражняться* въ наукахъ» Живописецъ 1772 I. 43, «О важ-

ныхъ *утражненіяхъ* Пр. и пол. пр. вр. 1794, IV. 11. У Жуковского читаемъ: «Жизнь человека *утражняющаяся въ наукахъ*» (Журн. ib. 10 іюля, то же и у Карамзина). Ипокр. 1799, I. 52: «Товарищества *утражняющіяся въ страхованіи*». У Озерова: «Хотя мы всѣ *утражняющіеся въ трагическомъ искусствѣ*» (30 дек. 1808 г.). Въмѣсто нынѣшняго *останавливаться* прежде говорили *остановляться*: у Майкова читаемъ «*Останавливаются*, другъ къ другу несутъ взоръ». У Озерова: «*Остановлялъ* его почти чрезъ каждый шагъ» (25 март. 1809 г.). Въмѣнъ нынѣшняго слова *мстница* прежде употребляли *мстоица* (Майковъ и другіе), ви. нынѣшняго *безстыдный* находимъ у Майкова *безстудный*: «для прекращенія ея *безстудныхъ дѣлъ*» (Майковъ). Нынѣ употребляемъ *обжорство*, прежде употребляли *обжирство* (у Майкова): новая форма стоитъ въ связи съ *обжора*, по аналогіи, не совсѣмъ вѣрной, съ словообразованіями *под-пора* и *под*. Въ письмѣ Д. Давыдова къ Жуковскому 14 янв. 1836 г. читаемъ; «Въ самую ужасную *рѣстополазъ*» (нынѣ *рѣстепелъ*). Въмѣсто нынѣшняго слова *постель* въ старину употребляли чаще *постеля* (см. выше), которое нынѣ только у простого народа; даже еще у Пушкина («Опытъ», вып. I). Сл. у Измайлова (Тетр. I. 2):

«Султанка старой занемогъ
Султанка слегъ въ *постелю*».

(Сл. «утомилю его и поверглю на *постелю*» Пр. и пол. преп. вр. 1794, II. 89.

У В. Майкова читаемъ: «Волки ли стадо *распужали*», у Державина: «*пужаютъ* коней толь покойныхъ» (Гротъ I. 526) и прилагательное *пужливый* (ib. II. 106). Нынѣ «пужать» только у народа, въ литер. же языкѣ «пугать».

Къ числу новообразованій, удачно или неудачно введенныхъ отдѣльными писателями въ литературную рѣчь и представляющихъ собой *опыты писателей*, надъ которыми произнесла свой тотъ или иной судъ дальнѣйшая исторія языка, принадлежатъ такіе слова, какъ *дивности* (у Дмитріева), нынѣ уже забытое и замѣненное словомъ *дивовишки* (*редкости*, чудеса). Сл. у Дмитріева: «Гдѣ бѣ разныхъ *дивностей* соборъ». Къ такимъ словамъ относятся: *роскоши*, *ужасность*. Нынѣ мы говоримъ *невоинный*, у Дмитріева было извѣстно и положительное *воинный* (ви. нынѣшняго *основной*, хотя *повинный* и др.): «И устрица моя ни мало не *винна*» (бас. Орелъ, китъ, ужъ и устрица). Также у Державина: «Незлбно *винныхъ* ты простишь» (Гр. I. 310).

У Озерова въ трагедіи «Поликсена» (V. 5, см. Автогр. Публ. Библ.) царь Пирръ говоритъ: «Не *допускай* народъ до жертвы прикасаться»;

ср. у него же: *не допусая*, чтобъ она въ третій разъ была играна (2 юл. 1809 г.). Нынѣ «пускать» скажетъ только простолюдинъ, мы же употребляемъ въ литер. рѣчи образованіе *пускать, пускаю*.

Иной разъ попадаетъ своеобразное употребленіе слова, представляющаго переводъ съ иностраннаго языка, но сохраняющаго смыслъ оригинала, а не переводнаго значенія. Такъ, въ журналѣ «Чтеніе для вкуса» 1791 г. IV. 125: «Онъ напелъ ее одѣтую съ прелестнымъ *небреженіемъ* (здѣсь въ значеніи *négligé*). Слово «*devoirs*» прежде переводилось всѣми писателями уже со временъ Петра словомъ *должности*, нынѣ въ этомъ значеніи мы употребляемъ слово «*обязанности*», напр.: «Которая заставляетъ тебя нарушать всѣ твои *должности*» *ibid.* 125, «супруга презираетъ сіи *должности*» *ib.* 1792, VIII. 38; ср. еще Соб. л. р. сл. 1784, XIII. 16, Моск. Журн. 1792, V. 117, В. Евр. 1803, VIII. 62, Пр. и пол. препр. вр. 1794, IV. 111. Сл. у Фонвизина въ «Недорослѣ» опредѣленіе понятія «должность» словами Стародума въ д. IV, явл. 2.

Наконецъ, отмѣтимъ общее у писателей XVIII—XIX вѣка спряженіе глагола *дышать*, въ настоящемъ времени постоянно съ *е*: *дышетъ* — *дышетъ* — *дышутъ*.

Эти написанія (у Ломоносова, Державина, Жуковского, Пушкина) настолько часты и даже послѣдовательны, что объ орфографіи въ данномъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ: все дѣло заключается въ томъ, что въ старое время у насъ былъ извѣстенъ глаголъ *дыхать*, притомъ, вѣроятно, съ двойнымъ удареніемъ, какъ до сихъ поръ объ этомъ свидѣлствуютъ народные великорусскіе говоры. Это народное произношеніе принято было и нашимъ литературнымъ языкомъ XVIII вѣка, но потомъ вытѣснено формою *дымать*. Объ этомъ, во-первыхъ, свидѣлствуетъ употребленіе формы неопр. наклоненія *дыхать* въ языкѣ нашихъ писателей XVIII—XIX вѣка; во-вторыхъ, народное *дыхать*, извѣстное и сейчасъ чаще, чѣмъ форма *дымать*; въ-третьихъ, такія образованія нашей литературной рѣчи, какъ: *дыхательный* (семинарское и діалектическое *дыхательный*, при которомъ произношеніе *дыхательный* является *искусственнымъ*, не прикрѣпленнымъ къ народной почвѣ, и извѣстное только у лицъ со *сѣтскимъ*, не *семинарскимъ* образованіемъ), *дыханіе*, *вздыхать*, *отдыхать*, *отдыхаться* и проч. Срв. глаголы: *пыхать* — *пыху* — *пышутъ*; *пахать* — *паху* — *пахутъ*; по аналогіи съ такими образованіями мы имѣемъ въ народѣ (ряз. — скоп.) *чихать* — *чиху* — *чихешъ* — *чихутъ* *вм.* литературнаго = *чихаю* — *чихаютъ*¹⁾. Всѣми этими

1) Въ бумагахъ Державина (№ 22) находимъ стих. Клаушина (№ 70) «Отвѣтъ къ сочинителю Гласа Невинности».

соображеніями и объясняется то обстоятельство, что у нашихъ писателей XVIII—XIX вѣка при *постоянномъ* употребленіи формъ: ды́шешь, ды́шетъ, ды́шутъ, (огне)ды́шущій *вовсе не остерегается* формъ: слы́шешь, слы́шутъ и под. Срв. въ «Свѣтланѣ» Жуковского (Бум. № 14):

«Онъ ко мнѣ не пишетъ!..
Имъ лишь сердце дышетъ».

Это обычная рима «пишетъ — дышетъ» и у Пушкина, хотя въ «Свѣтланѣ» ниже мы видимъ также: «дышетъ — слышитъ» (но не «слышетъ»). Сл. нашъ Опытъ III. 155—158. «*Дышутъ* разсѣянностью» Соб. люб. р. слов. 1794, IV. 112. У Державина (Водопадъ, I. 468) мы имѣемъ «ды́шущи». «Радостью дышущій холмъ» Пріят. и пол. преп. вр. 1794, II. 6, «Благословенну возвѣщаетъ Намъ жатву *дышущій* зефиръ» Соб. люб. р. сл. 1783, II. 58, «огнеды́шущихъ горъ» Пантеонъ р. авт. 1801, ч. I. Въ СПб. Вѣстникъ 1781 г. 1-е полугодіе, ч. VII. 276:

«Всегда дотоль тебя одну лишь обожать
Пока во мнѣ есть духъ, пока могу дышать».

Мы привыкли придавать большое значеніе Карамзину въ исторіи русскаго языка, но въ *строгомъ* смыслъ «карамзинскій слогъ» уже послѣ смерти Карамзина ни у кого не повторяется. Такъ писать, какъ онъ писалъ, могъ только онъ одинъ. Карамзинисты, т.-е. послѣдователи его школы, были болѣе теоретиками, чѣмъ практиками, они сочувствовали идеямъ Карамзина скорѣе *принципіально*, чѣмъ руководствуясь яснымъ представленіемъ будущаго состоянія русскаго литературнаго языка въ томъ случаѣ, если послѣдній потеряетъ подъ собою почву *народнаго* языка: увлекаясь «европейскими» понятіями Карамзина, его послѣдователи раздѣляли вмѣстѣ съ нимъ тогдашнюю «модную» точку зрѣнія на русскій народный языкъ, какъ на языкъ «непросвѣщенной черни», но не могли *практически* повести дѣло Карамзина дальше, п. ч. не имѣли такого широкаго образованія, каковымъ обладалъ Карамзинъ, и не имѣли его *находчивости* въ употребленіи словъ съ новыми значеніями, нерѣдко и при новыхъ суффиксахъ, т.-е. при *новомъ* ихъ соче-

«На лонѣ мира онъ *стонаетъ*
«Смирнѣ крылатого злодѣя»

Нынѣ вм. «стонаетъ» — «стонетъ», прежде были обѣ формы, срв. «двигаетъ» и «движеть», «капаетъ» и «каплетъ» и под. Вообще глаголы этого класса допускали и во времена Пушкина двойное образованіе формъ наст. вр. отъ двухъ основъ безъ явнаго различія въ значеніи (Сл. мой «Опытъ» вып. III, глаголъ). Сл. «погубляетъ того, кто ею (вс. гордостью) *спраждаетъ*» Утр. Часы 1788, II. 84.

танин. Никто во время Карамзина не замѣчалъ того, что «бѣдная Лиза» въ повѣсти вовсе не говоритъ *по-мѣщански*; не замѣчалъ того и самъ Карамзинъ, не забывши однако надѣлать свою мѣщанку Лизу *общечеловѣческой* душой. Отъ языка Карамзина послѣдующая литература взяла все, что въ немъ носило признаки жизнеспособности; къ языку послѣдующихъ писателей и образованнаго общества привились слова Карамзина, обнаруживавшія его находчивость; напр., слова: *трогательный, потребность, переворотъ, развитіе, промышленность, вліяніе* въ широкомъ, отвлеченномъ, смыслѣ и под., но самъ-то языкъ литературы и послѣ Карамзина продолжалъ въ прежнемъ направленіи свое начатое дѣло.

Обратимъ еще вниманіе на иностранныя слова въ ихъ примѣненіи къ потребностямъ русскаго языка у писателей этого времени. Форма заимствованныхъ словъ въ русскомъ литературномъ языкѣ (о передачѣ нѣкоторыхъ звуковъ мы говорили уже выше на стр. 76—77) долгое время не могла установиться: медленнѣе всего шелъ процессъ ассоціаціи иностранныхъ (французскихъ) словъ съ русскими по сходству слухового впечатлѣнія отъ окончаній словъ французскаго и русскаго при различіи ихъ грамматическаго рода въ обоихъ языкахъ, а отъ этого зависѣли и формы склоненія по падежамъ. Нынѣ слово «мадамъ» не склоняется, но у Карамзина мы читаемъ: «За семь или восемь сотъ рублей можно имѣть порядочную *мадому*» (22 дек. 1802 г.). Еще у Пушкина въ 1834 г. «великолѣпный бель-этажъ нанятъ *мадомою* для пенсіона» (Мысли на дорогѣ, III. 218). «Да не въ *мадамъ* сила», говоритъ Фамусовъ въ ком. Грибоѣдова. Еще Гоголь склоняетъ слово «бюро» какъ «окно» (Ср. мою статью въ Ж. М. Н. Пр. 1902. №№ 7, 9 и слѣд.), онъ пишетъ «въ бюрѣ», какъ нынѣ у народа «въ депѣ», «въ пальтѣ» и проч., хотя послѣдняя форма, какъ наиболѣе употребительное иностранное слово, уже часто слышится теперь и у интеллигенціи въ силу демократизаціи языка литературы. Въ XVIII вѣкѣ было слово «атома» женскаго рода и съ женскимъ родовымъ окончаніемъ вмѣсто современнаго намъ муж. *«атомъ»*: франц. l'atome муж. р., нѣм. das atom. Въ «Моск. Журналѣ» 1792 г. ч. VI. Стр. 172 (О досугѣ) читаемъ: «Вихрю подобное движеніе *атомы* есть образъ безпокойной дѣятельности». Слово «доминѣ» склонялось, какъ «окно»: въ «Соб. люб. рос. слов.» 1784 г. Ч. XI. 169 («Маскерадъ». Вѣроятно, съ нѣмецкаго: Maskerade, фр. mascarade, нынѣ у насъ тоже «маскарадъ») читаемъ: «мужчина въ *розовой доминѣ*»; нынѣ мы говоримъ: «мужчина въ *розовомъ доминѣ*».

Илл: «Хромоногий больной старикъ, одѣтой въ *темную домину*» — *ib.* стр. 171. Прежде было слово «картеча» ж. р., нынѣ «картечь» — ж. р.: въ «Моск. Журналѣ» 1791 г. Ч. II. Стр. 12, въ «Письмахъ р. путешественника» Карамзинъ пишетъ изъ Берлина: «*Картеча* раздробила». Нѣм. *die Kartätsche*. Слово «дуэль» прежде было муж. рода, даже и у Пушкина (см. мой «Опытъ грамматики»... Вып. I Стр. 58); въ журналѣ: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій», Мскв., 1791 г. Ч. IV. Стр. 131 находимъ: «*И этотъ дуэль!* какая ужасная цѣль». Прежде употреблялось слово «дуо» *vm.* нынѣшняго «дуэтъ» — въ «Моск. Меркуріи» 1803 г. III. Стр. 14: «*всегда акомпанировалъ наши дуо*». Это чисто французское управленіе глагола *accompagner*, нѣм. *accompagnieren*; по-русски нынѣ большею частью уже съ *дат.* падежомъ: «аккомпанировать чему и кому». Карамзинъ пишетъ и говоритъ: «ярманка» (Письма р. пут. Моск. Жур. 1791. III Стр. 43)¹⁾; «куртизируютъ» (франц. *courtiser*): «Молодые щеголи изъ студентовъ... танцуютъ, *куртизируютъ*»... *ib.* Письмо 16 іюля; «постиліонъ» — Моск. Жур. 1791 г. IV. Стр. 52. Стразбургъ. «Нашъ *постиліонъ*» (фр. *le postillon*, нѣм. *postillion*); «батерея», «комманда», «баталліонъ» — Моск. Журн. 1791. II. Стр. 12. Берлинъ: «*Коммандовалъ онъ баталліономъ*, взялъ три *батереи*, повелъ свою *комманду*». Все это буквальные переносы франц. *commander*, *la commande*, *le bataillon*, *la batterie* частью черезъ нѣмецкую почву (баталліонъ срв. постиліонъ). Нынѣ мы говоримъ и пишемъ эти слова въ томъ ихъ видѣ, какой усвоены *простымъ народомъ* (солдатами): командовать, батальёнъ, батарёя, команда.

Карамзинъ въ перепискѣ съ братомъ въ самомъ началѣ XIX вѣка, въ эпоху изданія «Вѣстника Европы», употреблялъ слово «субскрибенты» (= подписчики). Онъ же пишетъ изъ Твери 18 мая 1789 г. (Моск. Журн. 1796 г. Ч. I. Стр. 25): «меланхолія», не согласно съ произношеніемъ этого слова въ нѣмецк. языкѣ (срв. *карактёръ* въ Соб. люб. рос. слов. 1784. Ч. XIII. Стр. 10 «особыи *карактеры*»); но въ это же время другіе журналы пишутъ и «меланколія» — Соб. люб. рос. слов. 1784 г. Ч. XIII. Стр. 9: «произвелъ самую глубокую *меланколію*». Этотъ журналъ — органъ Академіи Наукъ. «Почта Духовъ» 1789 г. Ч. II. Стр. 1: «*впадаютъ... въ нѣкоторую болѣзнь, подобную меланколіи*». Но въ журналѣ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1794 г. Ч. II. Стр. 8: «*тишина дружила меня съ прелестною меланколіею*». Карамзинъ употреблялъ еще слово «картофель»

1) Измайловъ — тоже: басня «Обманъ за обманъ» 1812 г.: «А самъ на *армоку* повезъ другой товаръ» (Ркп. Публ. Библ. Тетрадь I. Стр. 34).

во множ. числѣ въ Моск. Журн. 1792 г. Ч VII, въ письмѣ изъ Женева, на стр. 14 читаемъ: «просилъ меня отвѣдать *картофелей*, сваренныхъ его женою» (Нѣм. die Kartoffeln). См. мою статью о языкѣ Гоголя въ Ж. М. Н. Пр. 1902. № 7. Стр. 6. Нѣмецкое слово der Schlafrock передается въ старомъ литературномъ языкѣ то буквально: *шлагрокъ* — Моск. Журн. 1792 г. Ч. VIII. Картина. Стр. 10: «Князь вышелъ въ *шлагрокъ*, *нахлобученъ*¹⁾ колпакомъ»; то *шлагоркъ*: въ автографѣ Измайлова (Ркп. Публ. Б. Тетрадь I. Стр. 160, 1818 г.): «Явился въ *шлагоркъ* предъ ней ея супругъ» (басня). Такие варианты можно объяснить переходомъ звука *р* въ слоогообразующій въ скороговоркѣ при удареніи на первомъ слогѣ. Безъ всякаго приспособленія къ средѣ долгое время оставались слова: *музеумъ* еще съ Петра (см. въ текстѣ) и въ Моск. Меркуріи 1803 г. I. Стр. 8: Ст. «Нѣкоторыя мысли издателей Меркурія»: «смотреть *музеумъ*» и III. 8; *морморъ* (у Кантемира въ сатирѣ 1729 г. «Къ уму своему»), въ ж. «Утренніе Часы» 1788 г. Ч. II. Стр. 39: «при разсматриваніи *мормора*». Нынѣ: «мраморъ». Относительно слова и формы *мѣбели* во множ. числѣ мы говорили въ статьѣ о языкѣ Гоголя (Ж. М. Н. Пр. 1902. № 7. Стр. 5), который употребляетъ формы множ. числа этого слова, и въ «Опытѣ грамматики языка Пушкина». Вып. I. Стр. 26, т. к. Пушкинъ тоже употребляетъ эти формы франц. les meubles. Эти формы множ. числа, нынѣ уже неизвѣстныя языку, идутъ изъ XVIII-го вѣка, какъ показываетъ исторія языка: въ ж. «Моск. Меркурій» 1803 г. Ч. III. Стр. 6: «*Мѣбели* греческія, римскія, турецкія»....

Въ иностранной же оболочкѣ долгое время (до Пушкина включительно) было у насъ слово «*булеваръ*» — boulevard (t): у Измайлова въ баснѣ: «Калмыкъ ораторъ» 1811 г. находимъ:

«Калмыкъ, который былъ уже довольно старъ,
Довольно и сердитъ, пришедъ на *булеваръ*» ... Тетр. I. Стр. 121.

У Пушкина въ «Евг. Он.» I. XV. 1822 г. уже какъ нынѣ: «*бульваръ*». Далѣе, у Карамзина находимъ «*фореитеръ*» въ письмѣ къ брату отъ 7 марта 1800 г.: «Мальчикъ *фореитеръ*». Срв. нѣм. Vogteiter. Слово «*симпатія*» у Дмитріева сохранило удареніе франц. и нѣм. языка: «Что у него должна быть *симпатія* съ нами» (Б. «Пѣтухъ, котъ и мышенокъ». Ркп. Имп. Публ. Б. Ф. XIV. № 51). Иностранное произношеніе сохранялось долгое время (съ Петра. См. Морской Уставъ — выше) въ словѣ «*матрѣзъ*»: у Карамзина

1) Это слово и въ журналѣ «Чтеніе для вкуса» ... 1792. VI. Стр. 204: «Садился на софу ... *нахлобучилъ шляпу*». У Дала в. в. — раз., сиб.

въ соч. «Островъ Борнгольмъ» (Аггала, 1794 г. I): «ѣхать на островъ съ двумя или тремя *матрозами*» — стр. 101. Срв. стр. 102 и 118. Нынѣ: «*матросами*». Многія иностранныя слова какъ бы ошупываютъ еще подходящее для себя произношеніе въ русской средѣ; такъ: *контрадансъ*, *контратансъ* — Рос. Магазинъ 1792 г. I. Стр. 509. Описаніе Кусковск. праздника¹⁾; *воксальный* и *воксаль* — Рос. Магаз. 1792. I. Стр. 512. *иб. препорція* — Рос. Магаз. 1793 г. II. Стр. 1; 351, «по разнымъ *препорціямъ*»²⁾; *лаубвахта* — у Измайлова въ автографѣ (Ркп. Публ. Библ. Тетр. III. Стр. 27). «Собака и секретарь»: «На *лаубвахтѣ* тутъ съ погода просидѣлъ». Срв. народное, солдатское: *лаубвахтъ*, *лабахтъ*. Нѣм. Hauptwache. Вышеприведенныя слова въ нѣм. и франц. имѣютъ видъ: la cadence (см. примѣч.), la contredanse, la proportion, le vauxhall, voxal. Нынѣ мы усвоили себѣ манеру передавать на письмѣ произношеніе иностраннаго слова въ томъ языкѣ, изъ котораго слово взято.

Европейское *l* передъ гласными задняго ряда затрудняло очень нашу орфографію, писать *ll* или *ll*. Мы видимъ написаніе *ирланда* — Рос. Магаз. 1792, ч. I. 510: «висячіе отъ потолка *ирланды* изъ цвѣтовъ при множествѣ свѣчъ занимали зрѣніе». Въ журналѣ «Пріятн. и полезн. препр. вр.» 1794 г. ч. I. 29 — «они размахивали *ирландою* изъ розъ». Въ СПб. Вѣстникѣ 1779 г. ч. IV, 2-ое полуг. стр. 261: «около *полусовъ* уже совершенно исчезаетъ». Нынѣ «гирлянда», «полосъ», хотя до сихъ поръ нѣкоторые затрудняютъ писать «палатальный» или «спалатальный». Нельзя не поставить этого колеблющагося правописанія въ связь съ разнообразіемъ и произношенія, замѣчаемымъ доннынѣ въ интеллигентной средѣ по отношенію къ европейскому *l* передъ гласными задняго ряда.

Нѣкоторые иностранныя слова принимаютъ только на письмѣ, вслѣдствіе акающаго литературнаго произношенія, несоответствующій ихъ происхожденію видъ, но въ разговорѣ они могутъ совпадать съ своими оригиналами. Такъ, *корнизъ* Моск. Журн. 1791, ч. IV. 53 («Барельефы корнизовъ и колоннъ» у Карамзина). Сл. въ акающихъ говорахъ *корета*, *моляръ*, *торета* (Казан., Вят. губ.). Припомнимъ также слово *милія*, которое во время Жуковскаго еще боролось за существованіе съ формой *милей*, у писателей этого

1) «Прелестныя дѣвицы и молодые кавалеры какъ зефиры летали въ кадансъ по алыми-скимъ *контрадансамъ*». «*Контратансъ*» — *иб.* стр. 512.

2) Прежнее «*препорція*» нынѣ перешло въ народъ, гдѣ приняло форму «*примѣрница*» или «*сплѣтница*». Срв. что выше было сказано о такихъ словахъ, какъ «*кортѣра*» — прежде у писателей, а нынѣ у народа. Нынѣ «*препорція*» только въ путливомъ или пародирующемъ значеніи; обычное: «*пропорція*».

времени и въ журналахъ мы находимъ большею частью *милѣя*, *милѣйный*: «съ *милейною* вѣткою» (Моя богиня, бум. Жук. № 14), но тамъ же «на ландышъ на *милію*», «*милея* и роза любятся» Пр. и пол. пр. вр. 1794, II. 10, «стугъ *милѣи* имъ милѣе Розы Лизаньки моеѣ» ib. 66.

Произношеніе и склоненіе иностранныхъ *собственныхъ* именъ тоже представляло въ русскомъ литературномъ языкѣ XVIII—XIX вѣка большое разнообразіе и неустойчивость. Montesquieu склонялось, напр.: «Хотятъ казаться — *Монтескіями* (Моск. Меркур. 1803 г. I. 9). Нынѣ у семинаристовъ эта фамилія звучитъ «мѡнтѣскѣѣ». Сл. тамъ же на стр. 16 Лафѣйеты (Lafayette). До сихъ поръ у иныхъ слышится произношеніе *рѣйбны* вм. райбны.

VI.

(Обзорніе оснѣхъ особенностей литер. языка, какъ онѣ сложились въ теченіе XVIII и XIX в.)

Болѣе или менѣе близкое къ истинѣ представленіе о внутреннемъ движеніи русскаго литературнаго языка за время отъ Петра Великаго до настоящихъ дней можемъ мы составить изъ разсмотрѣннаго въ предыдущихъ главахъ нашего разсужденія матеріала, подобравъ его въ слѣдующей картинѣ съ нѣкоторыми дополненіями.

А) Церковно-славянскіе элементы, сохранившіеся донинѣ.

Въ области фонетики:

- 1) Сочетанія *жд* и *ш* изъ *дж* и *тј*: вождь, осуждать, завѣщать... — изъ заднебнаго согл. — *тј*: помощь... (См. стр. 14—16).
- 2) Неполногласныя сочетанія: храмъ, ограда, главный, вредъ, плѣтъ... (См. стр. 29).
- 3) Префиксъ *раз-* и слогъ *ра-* въ начальномъ положеніи подъ удареніемъ: распря, равный... (См. стр. 33—35).
- 4) Звуки *о*, *е* изъ *з*, *ѣ* въ извѣстномъ фонетическомъ положеніи: совѣтъ, соборъ, купеческій.... (См. стр. 30—32).
- 5) Звукъ *у* въ немногихъ книжныхъ и церковныхъ словахъ: боуа, блауо... (стр. 37).

Въ области морфологій:

- 6) Префиксъ *из-* въ значеніи *вы-*: излѣтъ, исходить.... (См. стр. 37—38).

- 7) Причастныя формы на *-иий*: горящий, пишущий. (См. стр. 16).
- 8) Отглагол. существительныя на *-ие* съ известнымъ ударениемъ: осужденіе, завѣщаніе, подаеніе.... (См. стр. 25—26).

Б) Древнерусскіе элементы, сохранившіеся донынѣ.

Въ области фонетики сохранились всѣ особенности звуковъ русскаго языка, отличавшія его отъ другихъ слав. нарѣчій въ теченіе его исторіи.

Въ области морфологій:

- 1) Окончаніе твор. п. мн. ч. *-ми* отъ основъ на *-ъ* жен. рода: сл. на стр. 42.
- 2) Род. п. мн. ч. именъ сущ. на *ја* ж. р. и ср. р. на *-ю* съ окончаніемъ *-з* (*ъ*): сл. стр. 42.

Эти оба элемента уже вымираютъ въ современномъ языкѣ.

- 3) Остатки двойств. числа (сл. на стр. 43).

В) Церковно-славянскіе элементы, исчезнувшіе изъ литературнаго языка.

Въ области фонетики:

Произношеніе звука *ѣ* (не *-'о*) въ глагольныхъ и именныхъ образованіяхъ: идѣтъ, мѣртваѣ, предпочѣтъ, побѣждѣнъ, побѣждѣнный, весѣлый, житьѣ.... (Сл. стр. 16—22).

Въ области морфологій:

- 1) Формы род. ед. ж. р. мѣстоименій и прилагательныхъ на: *-ия*, *-ія*, *-ся* и форма мѣст. ея (осталась только на *письмѣ*): добрыя-доброй, синія-синей, моя-моей, ея-еѣ.... (Сл. стр. 27—29).
- 2) Формы аориста и имперфекта: бысть (Державинъ), не имѣяху, пропзыде, показа (Θ. Прокоповичъ, Слово въ день рожд. Петра Петр. 1716); положи, нача, несяше, отвѣща, видяше, внидоша.... Басни Езопа 1700 г.
- 3) Формы неопр. накл. на *-ти*, нынѣ только при ударяемомъ окончаніи въ литер. яз.: (сл. на стр. 43).
- 4) 2-ое л. ед. ч. на *-ши* (сл. стр. 43).
- 5) Дат. п. мн. ч. именъ сущ. муж.-ср. р. на *-омъ* (сл. стр. 42).
- 6) Твор. п. мн. ч. именъ сущ. муж.-ср. р. на *-ы* (*и*). См. стр. 42.
- 7) Мѣстн. пад. мн. ч. именъ сущ. муж.-ср. р. на *-ыхъ* (См. стр. 42).

- 8) Мѣстн. п. ед. ч. именъ сущ.-прил. на: *сь, нь, зь* («Вкратцѣ». См. выше на стр. 50 и дальше на стр. 95).

Элементы подъ №№ 2—8 въ литературномъ русскомъ языкѣ нужно считать занесенными изъ книжнаго языка, чѣмъ и объясняется то, что они дожили въ литературномъ русскомъ языкѣ до XVIII—XIX вѣка, несмотря на то, что изъ разговорнаго русскаго языка они уже исчезли задолго до этого времени. Прежде же эти элементы принадлежали одинаково и церковно-славянскому и древнему русскому языку, но изъ послѣдняго они исчезли на практикѣ гораздо раньше, чѣмъ изъ языка смѣшаннаго-письменнаго.

Г) Элементы русскіе *диалектическіе* (сѣв.-вкр. и ю.-вкр.), общіе литературному языку и современнымъ народнымъ говорамъ.

Въ области фонетики:

- 1) Аканье (въ ореографіи *не изображается*; однако: *калать, крапива, стаканъ, работа, завтракъ, парбѣмъ, качанъ, табакъ* (прежде *тобакъ* — СПб. Меркурій 1793, ч. II. стр. 91: «Лунатикъ по неволѣ». Срв. также II. 28. Такъ, вѣроятно, прежде и говорили у насъ. Срв. эстл. *Tõbak*). Но въ «Зрителѣ» 1792, Май, 67: «*табакъ*» и производн. Срв. также: нынѣ — карета, каретникъ въ ореографіи и произношеніи, а раньше: «*коретника*» — Зритель. 1792, Май, стр. 44. Изъ этихъ и подобныхъ написаній нашей современной ореографіи ясно, что литературное произношеніе образовалось на почвѣ южно-великорусскаго народнаго *аканющаго* говора. Во всѣхъ этихъ словахъ въ древности мы находимъ правописание черезъ *о* въ слогѣ передъ удареніемъ (и «завтрокъ»), которое (*о*) произносили здѣсь до развившагося и проникшаго въ письменность *аканья*. О томъ же свидѣлствуютъ современные ореографическія написанія географическихъ и личныхъ именъ: Кашира, Алѣна, Авдотья, Анучинъ. Можно даже болѣе точно опредѣлить *степень аканья*, вошедшаго въ литературное произношеніе изъ живыхъ народныхъ говоровъ: это—умѣренное (неполное) аканье московскаго говора и его области, какъ видно изъ написанія: *тетѣва*... Гласный звукъ этого слова, находясь въ слогѣ передъ удареніемъ, произносится, очевидно, какъ *eⁱ*, т.-е. узкое, закрытое *e*, слившееся въ своемъ качествѣ со звукомъ *eⁱ* (почти *и*) изъ др.-рус. *ѣ* въ такомъ же фонетическомъ положеніи. Срв.

снигирь, свирѣль, мизинецъ, свидѣтель; но: тѣмъ, дѣверь. Здѣсь ясенъ другой признакъ умѣренно-акающаго московскаго говора: звуковое тождество *ударяемаго е* и *ѣ*. Наконецъ, правописаніе словъ: *ястребъ, колѣдезь, колѣни, дѣйстви...* обнаруживаетъ литературное произношеніе звуковъ *я* (*а*) и *ѣ* (*е*) въ слогѣ (закрытомъ и открытомъ) *послѣ* ударенія. Всѣ эти признаки вмѣстѣ составляютъ особенность фонетики умѣренно-акающихъ южно-великорусскихъ говоровъ русскаго народа и могутъ быть опредѣлены по даннымъ современной орфографіи, не говоря уже о данныхъ произношенія. Здѣсь можно еще припомнить почти послѣдовательное написаніе *цалуеъ*. Такъ пишетъ жена Карамзина ¹⁾ (Письма въ П. Библ.), такъ пишетъ Измайловъ (Тетр. I. 160) 1818 г. «*Цалуеъ* онъ ее — и вдругъ, она его сама, краснѣя, *цаловала*» (Тетр. I. 16, 1810 г.). Въ журн. «Чтеніе для вкуса» 1791 г. ч. IV. 138: *поцалуи*.

- 2) Древне-русскій звукъ *h* (*γ*) въ южно-великорусскомъ нарѣчій не обратился въ звукъ *с* въ положеніи передъ гласнымъ или передъ звонкимъ мгновеннымъ согласнымъ: здѣсь онъ оставался звукомъ звонкимъ фрикативнымъ *h* (*γ*). Въ положеніи передъ глухимъ мгновеннымъ онъ дѣлался самъ глухимъ *ф* въ с.-вр. нарѣчій. Поэтому литературное произношеніе: *мѣнок, лѣнок, дѣнок, нѣнок...* *когда, тогда, всегда...* (въ этихъ написаніяхъ обращаемъ вниманіе читателя только на звукъ *h*, не передавая фонетически прочихъ звуковъ) указываетъ на вліяніе южно-великорусскаго народнаго говора (срв. сѣв.-вкр.: *когда, тогда, ряз.-касмов.: мѣнок, мѣфкѣй...*). Въ правописаніи это произношеніе также не выражается. Но современное литературное произношеніе: *моево, худово, доброво, синево...* бывшее такимъ же и въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ началѣ XIX-го, какъ показываетъ тогдашняя орфографія въ книгахъ, ведетъ насъ къ заключенію о скрещеніи двухъ вліяній на литературный русскій языкъ и его произ-

1) Она же пишетъ *стаитъ* (= стоитъ) и под. А отецъ ея, кн. А. И. Вяземскій, писалъ (ib.) *здоровье, я мучался, теперь, моей семьи, а томъ искренномъ почтеніи* и под. Срв. у Княгинина (Е. XV. № 15) слѣды акающаго говора: «Ораторъ началъ описывать» 81 и др. Сл. у Державина (Бум. № 22, а въ нихъ № 27): *медитъ*, и др. Въ Соб. люб. р. сл. 1784, ч. XI. 171: *ахъ, жизнь мая, говорила она ему* (часто).

ношеніе: со стороны ю.-вр. народнаго говора, раздававшася къ югу отъ Москвы, и со стороны с.-вр. народнаго говора, шедшаго съ сѣвера; мы считаемъ -*во* въ род. п. ед. ч. прил.-мѣстоименій въ литературномъ произношеніи чертою сѣверно-великорусской фонетики. Срв. орфографію: *моднова, одново, тово, вачева* — Зритель 1792, II. Май, 47.... Звукъ же *ѣ* звонкій мгновенный во всѣхъ прочихъ случаяхъ литер. произношенія, напр., *годъ, гора...*, обязанъ вліянію тоже сѣв.-вкр. нарѣчія. Въ современной орфографіи въ этихъ случаяхъ мы уже не держимся произношенія, а традиционно пишемъ: *одною, модною* и под., согласно историко-этимологическому принципу.

- 3) Звукъ *ѣ* (*ѣ*) въ словѣ *заетра* — «Да, чу! и къ *заетренъ* звонять» — Жуковский, Утренняя звѣзда 1818 г., указываетъ, по моему мнѣнію, тоже на вліяніе сѣверно-великорусскаго говора.
- 4) Звукъ *ѣ* изъ *х* въ словахъ: *финифть, кафель, кувшинъ* (пропзн. «кушѣйнъ», чаще: «кушѣйнъ») и нѣкр. друг. ведетъ насъ также къ заключенію объ участіи сѣверно-великорусскаго народнаго говора въ образованіи литературнаго произношенія, отраженнаго и современной орфографіей. Чертой ю.-вр. нарѣчія былъ бы звукъ *х* вм. *ѣ*: *хаерамъ, хунтъ*, или *хѣ: хвар-тукъ, хабрика, хвамилиа, хершалъ, хвортка, храниуъ, Хролъ, Хлоръ* (соб. имя), *кухвайка* (фуфайка), *хворма* и под.
- 5) Звукъ *ц* въ немногихъ словахъ: *цльъ, цанля...* и производныхъ отъ нихъ ведетъ насъ къ тому же заключенію о вліяніи цокающихъ говоровъ на образованіе литературнаго говора Москвы.
- 6) Твердый звукъ *т* въ 3 л. ед. и мн. ч. глагольных формъ наст.-буд. времени — тоже результатъ сѣверно-великорусскаго вліянія: *идѣтъ, идутъ, дасть, дадутъ...* Осталось съ -*тъ: есть* и «*Богъ есть*».
- 7) Твердый звукъ *н* въ суффиксѣ именъ прилагательныхъ: -*ный, -ная, -ное* занесенъ также съ сѣвера: *бѣлочная, искренно, искренный, дальнотойный, дальнотойный...*; «*дачный*» въ русскихъ интерлюдіяхъ XVIII-го вѣка (Лѣт. р. лут. и др. 1859, кн. III, стр. 55). У Дмитріева (F. XIV. № 51): «Здѣсь бригадиръ лежитъ умершій въ *моздныхъ* лѣтахъ»; у

Карамзина въ «Письм. р. пут.»: «о моемъ *поздномъ* раскаяніи» (Моск. ж. 1792, ч. VIII. 91). У Державина (Бум. № 22 и здѣсь № 88): «Потомки скажутъ въ *поздны* роды» (въ письмѣ Хемницера). Въ «Видѣніи Мурзы»: «Какъ будто изъ улусовъ *дальныхъ*» (Моск. ж. 1791, ч. I. 10). У Озерова (автогр., Поликсена V. 3): «И *дальный* нашъ раздоръ сраженіемъ пресѣчь», «скатился *дальный* громъ, изторгся вѣтръ бурливый», «И боги въ *поздний* родъ предливъ ходъ вашихъ стопъ» (ib. V. 6). То же самое мы находимъ и въ печатныхъ журналахъ того времени: «въ *поздныя* времена» (Чтеніе для вкуса 1791, ч. I. 240). При *поздныи* существовала также форма *позднѣи* («Чт. для вкуса» 1793, ч. X. 3: «что *поздые* потомки» (сл. но уже *поздо*. Пр. и пол. препр. вр. 1794, ч. IV, 112, также въ СПб. Вѣстн. 1778 г., 2-ое полуг., ч. II. 248, въ Моск. Меркур. 1803, ч. I. 23: «Рѣдкой домъ найдешь, гдѣ бы вставали прежде, ремесленники даже начинаютъ работать очень *поздо*» — первая форма діалектическая сѣверно-великор., вторая — древнерусская, нынѣ вымершая, иного образованія. Въ журналѣ «Пок. Трудолюбецъ» 1784, ч. I. 3: «кромѣ *оутренней* пользы», «*Здѣшняго* университета» 6. Въ СПб. Вѣстникѣ 1778 г., 1-се полуг. ч. I. 227: «Во время долгихъ *зимнихъ* вечеровъ», въ 1779 г. 2-ое полуг. ч. IV. 259: «какъ *оутренняя* страсти», въ 1780 г. 1-ое полуг. ч. V. 111: «безъ *дальныхъ* справокъ». Въ журн. «Аглая» 1794, ч. I. 50: будемъ *искренны*. Въ наше время сильно замѣтно въ несложныхъ пменахъ преобладаніе южно-великорусскаго произношенія: *даьный*, *пскренный*, *блѣжнѣи*, *спальня*... У Ломоносова и даже у Пушкина еще часто *-ный* и проч. (См. мой «Опытъ грам. языка А. С. Пушкина». Вып. II). Срв. «на *набережнѣ*» — Цвѣтникъ 1810, ч. V, стр. 93. Но: «Тогда какъ просвѣщеніе возшло у насъ на *вышнюю* степень»... — Зритель 1792, Май, 43, срв. 47: «*вышнюю*».

- 8) Параллельныя формы именъ прилагательныхъ съ *ударяемымъ* окончаніемъ *-ой* въ пм. ед. муж. род. при неударяемомъ окончаніи указываютъ, по нашему мнѣнію, также на сѣверно-великорусское вліяніе, отразившееся въ сообщеніи литературному языку *ударяемыхъ* окончаній: Толстой при

то́лстый, Хитровѣ, Дурновѣ, пѣшѣй (А. Толстой «Вас. Шибановъ») и др.

- 9) Твердые звуки *ж, ш, ц* при очень мягкомъ *ч* ведутъ насъ, наоборотъ, къ заключенію о вліяніи южно-великорусскаго народнаго говора. Въ орфографіи эта особенность литературнаго произношенія передается крайне непослѣдовательно: *жаба, жукъ, жель, жить, жорновъ; шалость, шуба, шить, шесть, шогъ и шелъ... Цыпленокъ, царство, отцу, церковъ, отцомъ; часть, чудо, честь, чинъ, челнъ, черный...* Это вліяніе *старой* церковной графіки. Срв. выше на стр. 56—7, 60: *мечь, бичъ* — СПб. Меркурій 1793, III. 29. *Ключъ* — Зрпт. 1792, Май 44. *Лучъ* — СПб. Мерк. 1793, I. 11.
- 10) Твердый звукъ *р* въ словахъ: *крыло, скрипѣть, корысть, ырыбъ* (въ орфографіи чаще *ырыбъ*) и нѣкр. др. — черта тоже южно-великорусская (См. примѣры на стр. 58—9). То же мы имѣемъ въ русскихъ интерлюдіяхъ первой половины XVIII-го столѣтія, напечатанныхъ Тихонравовымъ въ Лѣт. р. лит. и древн. 1859, кн. III, стр. 39: «*крылз*». Эти интерлюдіи замѣчательны по языку: онѣ заключаютъ въ себѣ явные признаки сѣв.-вѣкр. говора. Срв. *скрыпз* у Карамзина въ Ист. Госуд. Рос. Т. IV. гл. I. стр. 9. Изд. Эйнерлинга 1842 г.
- 11) Мягкій звукъ *р* въ сочетаніи *ер* изъ *ыр* не передъ твердой зубной — черта тоже южно-великорусская: *первыи, сверхъ* и проч. — См. на стр. 32—33.
- 12) Сочетаніе звуковъ *-чи-* дало въ литературномъ произношеніи *-ши-* согласно южно-великорусскому народному говору. Это *-ши-* прежде даже было въ орфографіи: *лавошники, табашникамъ, табашниковъ, «стнишний листъ»* (отъ слова: «вѣтникъ») и под. См. Зритель 1792 г. Май, стр. 67. «Выходитъ изъ сего адскаго картошинаго долгу» 130 въ журн. «Чтеніе для вкуса» 1791, ч. IV, *проселешной* — Соб. люб. р. слов. 1783, X. 165, Багдадскіе *башмашники* — Покоящ. Трудолюб. 1784, I. 210. Нынѣ уже такъ не пишутъ.
- 13) Сюда можно причислить слѣдующій фонетическій процессъ — подчиненіе орфографіи произношенію, поскольку послѣднее обнаруживается въ производныхъ словахъ отъ словъ съ общевеликорусскимъ измѣненіемъ звонкаго согласнаго въ

глухой, — именно, въ современной области южно-великорусскаго говора:

Въ стихѣ Измайлова «Наводненіе» (III тетр. 56) читаемъ:

«Большія лодки тамъ плывутъ,
Гдѣ прежде всѣ пѣшкомъ ходили,
Гдѣ тротуаръ — по горло тутъ!
Колоды, бумки, дома плыви!» ...

(Тамъ же III. 21):

«Вотъ бумка ѣдетъ на боку —
И воинъ въ ней, въ бронѣ сермяжной,
Какой нѣтъ ни въ одномъ полку,
Гребетъ сѣкирой съ миной важной» ...
«Такой бы не было бѣды
И съ буточникомъ безъ воды».

Въ мои молодые годы въ Москвѣ простой народъ (прислуга) говорилъ, дѣйствительно: *бѣтшникъ*, отъ слова *бутка* съ *т*. Нынѣ слово «будочникъ» уже анахронизмъ, т. к. городскіе полицейскіе уже не живутъ почти нигдѣ въ «будкахъ», вмѣсто этого слова и въ Москвѣ теперь чаще «городовой», хотя еще всѣ простые люди понимали меня, когда я умышленно говорилъ: *бѣтшникъ*.

Таіе же факты языка видны въ слѣдующихъ примѣрахъ: у Жуковского въ бумагахъ (№ 1 журналъ 1805 г. подъ 9 іюля): «Присмотръ и подозрѣніе *тягосны*». Въ «Чтеніи для вкуса» 1793, ч. X. 171—2: *прозбу, здѣлазъ*, въ Соб. люб. р. слов. 1784 ч. XIII. 5 «*перушко* его какъ говорится какъ по маслу», Пріят. и пол. пр. ѣр. 1794 ч. II. 10: *кры-мишками*. Вездѣ, по всѣмъ журналамъ, проходитъ написаніе: *сумнѣваюсь, сумнѣніе, сумнительный* (Соб. 1783, IV. 11—12 и др. Этотъ журналъ былъ органъ Акад. Наукъ — Россійской Академіи, или Веч. Заря 1782 ч. I. 2). Это — древнерусскія формы, принятыя въ новый литер. языкъ, бывшія въ древности и разговорными и книжными и народными, но нынѣ въ литер. языкѣ уже вымершія. Ср. еще въ Соб. люб. р. слов. 1783 ч. I. 33: *тетратъ* (род. п. *тетрати*) или «на *клавикортахъ*» ib. II. 160 (франц. le clavicorde). Старинная форма слова сохранилась въ «Рос. Магазинѣ» 1793 г., ч. II. 394: «я ходилъ къ *боярину*», стр. 395: «съ *бояриномъ*», въ ч. III, 1794 г. 335: «*бояринъ* около 12 часу прислагъ», нынѣ *бояринъ* и *баринъ*, но: *боі-*

рыня и *барыня*, *боѣрыня* и *барыня*. Въ виду указаній древнерусск. памятниковъ на слова *боѣрыни* (-ны) при *боѣрыня* надо думать, что *боѣрыня* XVIII-го вѣка образовано по аналогіи ж. р. *боѣрыня*.

Въ области морфологіи:

- 14) Формы именъ сущ. средняго рода им. пад. множ. числа на *неударяемое ы* (по аналогіи съ именами муж. рода) им. неударяемаго *а*, которое въ произношеніи акающаго говора слышится неясвенно, отъ словъ на -*о* ударяемое и неударяемое въ формѣ им. п. ед. числа. Это черта южно-великорусскаго говора. Нынѣ въ орфографіи пишутъ согласно этимологіи: *а* (и послѣ *ж, ч, ш, щ, ц*). Но прежде печатали согласно выговору: *лѣты*: «На вѣчность премѣнивши *лѣты*» — Иппокрена 1880, I. стр. 16. «Желаю Вамъ многіе будущіе *лѣты*» проводить», — Озеровъ къ Оленину 30 дек. 1808. У Дмитриева: «Исполнены мои обѣты... Еще въ младенческія *лѣты* (Къ Волгѣ), у Жуковскаго *лѣты* въ «Свѣтланѣ». «*Полотенцы*» — Иппокр. 1799, I. стр. 56; «*креслы*» — СПб. Меркурій 1793, ч. I. стр. 211; «*лицы*» — Зритель 1792, Май, стр. 25. У Измайлова (Ркн. Публ. Библ. тетр. IV. 16) находимъ: «Въ твои сегодня именины, хорошія мы пили *вины*», такъ и у Карамзина: «Пиво заказано, а *вины* я самъ выберу» (Къ брату 4 марта 1803 г.), «крымски вкусны *вины*» (Моск. журн. 1792, VIII. 16). «Очи твои сіяютъ какъ *солнцы*» (Нат. бояр. дочь, ib.). Даже еще у Пушкина: *копыты, лѣнты, желѣзы, стойлы, жалы, крылы, чернылы, чѣлы, вѣслы* (см. мой «Опытъ Грамматики яз. А. С. Пушкина». Вып. I. СПб. 1901, стр. 73—76), *румяны, бѣлылы* — у Сумарокова, Хоръ къ превр. свѣту, 1763 и у Карамзина: «нѣкогда она приказала мнѣ принести *румяны*» (1792, Чт. для вкуса VI. 283), «Онъ сажаетъ ее въ *креслы*» ib. 1791, ч. IV. 126. Даже у Гоголя — *гумны, сукны, креслы, солнцы*... См. мою ст. о Гоголѣ въ Ж. М. Н. Пр. 1902, № 7. стр. 12. Нынѣ въ орфографіи главнымъ образомъ въ словахъ на -*ко*: *лѣки, яблочки, облаки, войски, окошки*, напр. у Державина: «какъ царь на гордосѣ двигла *войски*» (Изобр. Фелицы), «ея безстрашны *войски*» ib., и на -*ю*: за какія *блати* — Тург. Зап. Охот.

Однодворецъ Овсяниковъ и проч. Въ прочихъ случаяхъ мы имѣемъ въ ореографіи -а, хотя произносимъ почти -ы: *яйцы, бжны...* Формы *плечи*, какъ и *колѣни, очи, уши* — остатки двойств. числа, но мы находимъ также *плеча*: «Рубищемъ бѣднымъ покрывши *плеча*, какъ невольникъ вошелъ онъ» (Бум. Жуковского, Публ. библ. № 45/1 и 45/2, Одиссея), «Критонъ имѣлъ широкія *плеча*» (Чт. для вкуса 1792, VI. 203).

- 15) Переведенныя такимъ образомъ въ мужское склоненіе имена сущ. средняго рода не только въ формѣ им. п. множ. числа, но и въ формѣ род. п. мн. числа получили окончаніе муж. рода, именно: -овъ, -евъ въ южно-великорусскомъ, умѣренно-акающемъ говорѣ. Нынѣ постоянно мы слышимъ въ Москвѣ «мѣсто^{въ}», «дѣло^{въ}», нерѣдко даже у интеллигенціи, хотя въ письменный языкъ эти формы не перешли: ихъ не допускаетъ школьная грамматика нашего времени. Но прежняя грамматика и прежняя ореографія допускала подобныя формы: между тѣмъ какъ нынѣ осталось въ литературномъ языкѣ *облако^{въ}* (при им. ед. *облако*, хотя у Державина, Пушкина и др. есть и *облакъ*), *яблоко^{въ}* (при *яблокѣ*), *плѣчи^{въ}* (*плѣчи^{ко}*, ум. отъ *плечо*), *платье^{въ}*, *кушанье^{въ}* и др.; прежде говорили и писали: *солнце^{въ}* — Иппокрена 1800, I. стр. 4, *кушанье^{въ}* — «чтожъ касается до прочихъ аглинскихъ *кушанье^{въ}*» — Иппокрена 1799, I. стр. 59 (Срв. въ муж. р. «отъ чesки собственныхъ *волос^{въ}*» — *ibid.* стр. 69, «развѣвающихся ея *волос^{въ}*» — Утр. часы 1788, II. 26. Сл. Опытъ I. Также у Каменева въ письмѣ 1800 г. октября 10-го. Нынѣ только: «*волос^{въ}*»), *подозрѣніе^{въ}* — Сумароковъ, Хоревъ 1747, *странствоіе^{въ}* — Державинъ, Фонарь 1804. Срв. у Крылова: «Изъ дальнихъ *странствоі* возвратясь», въ баснѣ «Лжець» 1812 г. У Державина также *зданіе^{въ}*: «И какъ между столпо^{въ} и *зданіе^{въ}* Ѳемиды»... Прогулка въ Сар. селѣ 1791 г. Соч. I. 424. Въ Моск. журн. 1791 г. I. 8: «когда многи *зданіе^{въ}* громады изглажены его рукой». Въ письмѣ кн. Вяземскаго къ брату Карамзина 8 июня 1804 г. мы находимъ форму *занятіе^{въ}*: «по среди разнообразныхъ *занятіе^{въ}* моей семьи». У Державина (въ «Водопадѣ»): «одно *стихіе^{въ}* ду-

новень» (I. 483), въ то время было въ языкѣ еще колебаніе между *стихій* и *стихія*; сл. «сквозь бурные *стихіеѣ* споры» (Соб. люб. р. слов. 1783, I. 24), но также ж. рода: «среди пучинъ *стихій* влажной» — Аглая 1794, I. 24, ib. 101. Кажется, Карамзинъ попробовалъ ввести слово въ жен. формѣ. Срв. *человѣковѣ* — Сумароковъ, Епистола о р. яз. 1748. Прежде им. п. мн. ч. употреблялось *человѣки* и риновалось со словомъ *ѣки* — им. мн. ч. отъ сл. *ѣкъ*: нынѣ *ѣкъ* и под. Напр. «когда новые *человѣки* вошли въ райскія селенія». СПб. Вѣстн. 1779, 2-ое полуг. IV. 5, «*человѣки* не прощаютъ никогда» Утр. часы 1788, II. 38. Срв. также: «среди *облакъ*» и «съ высокихъ *облаковѣ*» — у Богдановича, Душенька 1775 г. Отъ существительнаго *воинѣ* читаемъ род. мн. ч. «кто среди російскихъ *воинѣ*». СПб. В. 1804, II. 208, сл. Пол. Зв. 1823, 333 (смерть Ипполита, М. Лобанова). Хотя *воинѣ* — форма род. п. мн. ч. отъ стараго слова *вой*, которое было извѣстно и безъ суффикса *-им-*.

- 16) Формы им. п. мн. ч. на ударяемое *-а*, *-я* отъ именъ муж. рода на *-ъ*, *-ѣ* въ им. п. ед. ч. обязаны своимъ появленіемъ въ литературномъ русскомъ языкѣ тоже влиянію на него южно-великорусскаго народнаго говора. Нынѣ такихъ формъ становится все болѣе и болѣе, но прежде, при болѣе близости языка литературы къ языку книгъ, тѣмъ къ языку разговора, такихъ формъ было меньше: *мастеры* — им. мн. — О. Прокон. Слово въ день рожд. П. П. 1716, *мсы*, *островы*, *ѣки* — *ibid.*, «въ наши *ѣки*» — Кантемиръ, Фил. и Евг. 1729, «золотые *ѣки* возвратились» Моск. Мерк. 1803, I. 7. 14. «За моремъ бездѣльникъ не входитъ въ *дѣмы*, гдѣ добрые люди»... Сумароковъ, Хоръ къ превр. свѣту 1763. «И *дѣмы* Божіи въ Москвѣ опустошались» — Сумароковъ, Дм. Самозв. 1771. «Что *домы* ихъ учинились бы добычею пламени», Прилг. и пол. пр. вр. 1794, ч. III, 187. «Въ такіе только *домы*» Утр. часы 1788, ч. II, 37; «любятъ расписывать свои *домы*» Моск. ж. 1792, V. 20. 22. 25; «приглашаемы въ хороше *домы*». СПб. В. 1804, IV. 297. Въ письмѣ Гоголя къ Жуковскому изъ-за грашницы мы читаемъ: «Мнѣ тогда представился Петербургъ,

наши теплыя *домы*. Нынѣ у насъ пользуются одинаковымъ правомъ *юды* и *юда*. Прже чаше *юды*: «Текущїе въ блаженствѣ *юды*» — Иппокрена 1799, I. стр. 6. «Для того то находятся тамъ кофейныя *домы* для всякаго роду людей» — Иппокр. 1799, I. 49. «Мачты *парусы* сжигаютъ» *ib.* I. 221. У Карамзина: «распуская *парусы*» Аглая 1794, I. 98. 118. «Сочтено за нужное — подобрать *парусы*» Чт. для вкуса 1792, ч. VI. 85 (но у Дмитріева «спускайте други *паруса*»). «Получить вексели» Письм. р. пут. Моск. ж. 1791, I. 29, «почта всегда задерживаетъ первыя *нумеры*» (Кар. брату 12 февр. 1802 г.). У Пушкина: *рѣи* и *роа*, *снѣги* и *снѣга*, *юды* и *юда*, *волосы* и *волоса*, *ирѣи* и *ирѣа*, *дѣи* и *дѣа*, но уже: *паруса*, *лѣса*, *острова*, *мастера*. (Сл. мой Опытъ, Вып. I. 46—48. 51). У Крылова: «Что тамъ за *домы*?» (Басня «Лжецъ» 1812 г.); у Богдановича: «И еже ли то такъ, что онъ имѣетъ *рѣи*» (Душ. 1775). У Дмитріева «Причудница» 1795: «Тамъ глѣшій выставилъ изъ за деревьевъ *рѣи*». У Измайлова (Тетр. I. 35): «Изволь—и съ словомъ симъ мнѣ подставилъ *рѣи*».

- 17) Форма род. п. ед. ч. па -у, проникающая въ литературный языкъ изъ народнаго, отъ именъ сущ. муж. рода съ основой на -о (напр. «указъ»...), стала быстро распространяться еще въ старомъ дѣловомъ русскомъ языкѣ, затѣмъ нѣкоторое время въ періодъ XVII-го вѣка стала употребляться рѣже, но потомъ опять, въ XVIII и началѣ XIX-го вѣка, становится ходячей; нынѣ же употребленіе этой формы опять значительно менѣе распространено отъ выше указанныхъ именъ сущ. въ литературномъ языкѣ, чѣмъ прежде. Напр., «до *указу* не ходить» — Письмо Петра графу Б. П. Шереметеву 14 февр. 1705 г. «*Смѣху* есть достойный» — Воин. Уставъ 1716. «Подъ штрафомъ *вычету*» — Морск. Уставъ 1720 г., «...кофейныя *домы* для всякаго *роду* людей...» Иппокрена 1799, I. 49. «Товарищество *ассекурантовъ* не есть *роду* купческаго»... *ib.* 52. ...«во время голоднаго *юду*» — *ib.* 63, *доходу* В. Е. 1803, VIII. 64, «по пятидесяти тысячъ рублей *капиталу*» Карамз. Письм. р. пут. Моск. Ж. 1792, V. 23, *кладу* Пок. Трудолюб. 1784, I. 214, «отъ *подрыву канторы*» Живоп. 1772, ч. II. 406, «укрываются *отъ зною*»,

Пр. и пол. препр. вр. 1794, ч. II. 9, «не сыпни излишняго *виіііаму*», СПб. В. 1780, 2-е полуг., ч. VI. 185, «что я не *такова дурнова нраву* какъ ты» Соб. люб. 1783, II. 161, для *покою* ів. I. 31. Въ «Чтеніи для вкуса» 1791, ч. IV. 120: «какого *цѣтту* его деньги», ів. 127: «Они удивительнаго *вкусу*», ів. 1792, ч. VI. 204: «вмѣсто *порошкѣ* отъ блохъ», ів. 1793, ч. IX. (Павелъ и Вирг.) 8: «изъ сего *выходу*», ів. 4: «неслышно уже никакого *шуму*». У Измайлова (Тетр. IV. 73) въ баснѣ «Собачья зависть»: «Ретироваться онъ хотѣлъ бы прежде *бою*». Въ тетр. III. 59 обр.: «Я съ кавалерскаго *обиду* къ пяти часамъ домой пріѣду», «для *примѣру*» ів. II. 22. Въ баснѣ «Гора въ родахъ» 1815 г. «Не читывали вы такого *переводу*», ів. I. 118. У Державина «Водопадъ»: «Важна безъ нѣны, безъ *порыву*, полна, велика безъ *разливу*» (Гр. I. 487). У Пушкина: *блеску, броду, виду, возу, воску, тѣсу, юду, юмоду, дому, доходу, духу, изюму, съ испугу, крику, лѣсу, луку, мозгу, мѣду, мосту, народу, налѣту, носу, парѣ, песку, порогу, пороху, пробѣгу, поту, перцу, приговору, размаху, роду, разу, росту, рому, рейнвейну, снѣгу, сроку, соку, смѣху, слуху, страху, слѣду, свѣту, спорѣ, сборѣ, табаку, тѣмѣ, товарѣ, уговорѣ, ушибѣ, умыслу, ходу, часу, черносливу, шагу, шоколадѣ, шумѣ, яду, вздорѣ* и нѣкр. др. въ формѣ и значеніи *нарѣчій* (См. мой «Опытъ граммат. яз. Пушкина». Вып. I. СПб. 1901, стр. 36 и слѣд.). Надо замѣтить, что изъ всѣхъ перечисленныхъ формъ Пушкинъ лишь нѣкоторыя употребляетъ въ значеніи род. *раздѣлительнаго* (gen. partitivus); большинство же формъ не имѣетъ этого значенія (См. мой «Опытъ» ів. стр. 41). У Крылова также: безъ *шуму*, отъ *страху*, безъ *умѣлку*, мало *толку* (б. «Двѣ бочки»), «отъ *роду* нѣтъ *юду*», «изъ вашего *роду*» (б. «Волкъ и Ягненокъ»), «ни *отдыху* ни *сроку*» (б. «Демьянова уха»), безъ *счету*, съ *виду*, нѣтъ *спору*, *броду* (б. «Лжецъ»), мало *проку* (б. «Свинья подъ дубомъ»), съ *часу*, *разу*, *вѣкъ-бѣтъ-вѣку*, («Сочин. п. разбойникъ»), «*вѣзѣ* несмѣтное число» (б. «Трудол. медвѣдь») и мн. др. Ср. у Сумарокова: «съ *навозу*»—Еп. о р. лз. 1748 г. Ср. въ «Зрителѣ» 1792 г. Май, стр. 67: «для крѣпости и лучшаго *запаху* мѣшали»... Или: «А третій вмѣсто бы траги-

ческаго *тону* удачно бѣ подражалъ баяснику Скарону»...
ib. стр. 41.

- 18) Чисто *народныя* формы, принятыя нашимъ старымъ литер. языкомъ, теперь уже не употребляемыя, были такія, какъ: «Нѣтъ, князь, не *итить* на брань, не ту вину имѣешь» Сумароковъ, Хоревъ 1747. Записки кн. Нат. Бор. Долгорукой, 1767 г. «Я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти *пройтить*», «да въ комъ и *найтить*?» «*найтить*» Соб. 1783, IV. 12, Крыловъ (Сон. порош.) часто, *произоитить* ib. 21, *перейтить* Сѣв. Вѣстн. 1804 II. 228, «стремилась *выйтить* изъ пеленъ», Идил. веч. 1780 г. (Соб. Люб. р. слов. 1783, I. 31). И у Пушкина встрѣчаемъ: «не *разойтиться* ль полюбовно» (III. 351, Евг. Оя. гл. VI).
- 19) Въ виду постоянного употребленія писателями (отъ Державина до Пушкина включительно) формы род. п. ед. ч. *любви* (вм. нынѣшней *любви*) мы должны допустить, что эта форма не была только книжною, но вѣроятно и разговорною. Нынѣ мы употребляемъ эту форму *Любви* только въ значеніи личнаго женск. имени — Любѣвь. Судя по аналогіи *морковъ*—*моркови*, *свекровъ*—*свекрови*, но *цѣрковъ*—*цѣркѣи*, надо думать, что въ такихъ образованіяхъ играло роль и удареніе. У Державина: «Ты въ мирѣ будешь богъ *любви*» (Гротъ I. 310. 483), но также *любви* (ib. I. 331). У Озерова: «И пламенемъ тонимъ отмищенья и *любви*». Въ письмѣ къ Оленину 23 нояб. 1808 г.:

«Когда плодомъ *любви* прежде нѣжной
Свой воспріялъ полезный вѣкъ
Зонловъ врагъ, талантовъ другъ надежной
И строго честный человѣкъ».

Аонида 1797 г. II. (На кончину благотворителя): «Ты милосердья полнъ, *любви*»; у Пушкина: «Я отдалась любви страстной» (Русл. и Л. II. 216), «И подѣлуй *любви* нѣжной» (ib. II. 246), «Дай Богъ вамъ жить въ *любви* да совѣтъ» (Русал. III. 466). Въ прозѣ: «есть нѣсколько родовъ *любвей*» Пов. Бѣлкина IV. 67. Въ письмѣ 1824 г.: «мнительность, простительную старости и нѣжной *любви* его къ прочимъ дѣтямъ» (VII. 89).

Д) Древнерусскіе элементы, исчезнувшіе изъ литературнаго языка.

Въ области морфологiи:

- 1) Въ первой половинѣ XVIII-го вѣка мало-по-малу исчезли изъ литературнаго языка тѣ формы, которыя перечислены нами подъ рубрикой *В* выше, въ пунктахъ: 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8. Само собою разумѣется, что эти элементы языка держались въ области склоненій и спряженій такъ долго лишь въ языкѣ нисъменности, благодаря связи послѣдняго съ языкомъ церковныхъ книгъ и языкомъ письменной традиціи; этотъ языкъ, какъ мы видѣли, отставалъ всегда отъ языка разговорнаго, въ которомъ уже гораздо раньше проявилось могучее начало униформирующей аналогiи. Припомнимъ предисловіе къ грамматикѣ Максимова 1723 года, гдѣ встрѣчается и *аористъ*: «наста», и неопр. п. на *-ти* безъ ударенія: «собрати», и мѣстн. п. ед. ч. на *-иѣ*: «въ грамматикѣ» и проч. (См. выше).
- 2) Исчезла форма мѣстнаго п. ед. ч. именъ ж. рода съ основой на *-ја*, оканчивающаяся на *-и*, напр. *на земли*. Между тѣмъ еще въ XVIII вѣкѣ: «се уже единою ногою *на земли*, другою же стоитъ *на морѣ*» — Ѳ. Прокоп. Слово въ день рожденія Петра Петровича 1716 г., «Въ чужой *земли*» — Басни Езопы, 1700 г. Даже еще у Жуковского въ 1814 и въ 1834 гг.: «славному долги дни дай *на земли*»... То же въ «Вадимѣ» 1817 г. и «На кончину кор. Виртемб.» 1819 года. У Дмитріева въ бас. «Дубъ и трость»: «И гнетъ тебя къ *земли*», у Измайлова (Тетр. I. 40): «Сей хвостъ который по *земли* за нами тащится въ грязи или пыли». Въ Моск. Журн. 1791, I. 12: «которымъ стихотворцы страстны едва ли вѣрятъ на *земли*». Даже у Гоголя: «летитъ мимо все, что ни есть, *на земли*» — III. 249. (10-е изд. ред. Тихонова. См. мою статью о языкѣ Гоголя въ Ж. М. Н. Пр. 1902 г. № 7, стр. 13). Но зато въ томъ же падежѣ употребляется у другихъ писателей и еще у Пушкина окончаніе на *-ѣ*, гдѣ мы теперь знаемъ только окончаніе на *-ѣ*:

«Ты бывшій столько лѣтъ въ малороссійскомъ краѣ
Играющимъ злымъ вѣдьмѣ» (Дмитріевъ).
- 3) Исчезъ зват. п. ед. ч. именъ муж. р. на *-е*: *граде, юсподине* и проч.: «А ты, новый... *граде* Петровъ»... — Ѳ. Прокоп. Слово въ день рожд. П. П. 1716. Здѣсь форма не русская,

а церковно-славянская, но форма зват. п. вообще держалась довольно долго въ нашемъ литературномъ языкѣ, даже и отъ чисто русскихъ словъ. «Мой *господине*» — Приклады како пишутся комплименты, 1708 года; «Чуръ меня, говорить, *человѣче*! Потокъ - Богатырь, Баллада А. Толстого 1871 г. До сихъ поръ осталось «*Боже*! Другія формы: *Владыко, Господи*... нельзя считать сохранившимися въ *народномъ* языкѣ¹⁾).

- 4) Исчезли формы вин. ед., сходныя съ формами им. ед., въ именахъ сущ. муж. р. съ основами на —о, —*ю* (*рабъ, конь*), одушевленныхъ: нынѣ мы имѣемъ скудные остатки: «*зѣмужъ*», «*на конь*» (Пушкинъ. См. мой «Опытъ». Вып. I).
- 5) Исчезли формы род. п. мн. ч., сходныя съ формами им. п. ед. ч. отъ именъ сущ. муж. рода: нынѣ мы имѣемъ скудные остатки: *лазъ, разъ* (См. мой «Опытъ» Вып. I). Срв. прежде: *волосовъ* — Иппокрена 1799, I. стр. 69: «отъ чески собственныхъ *волосовъ*». Теперь *волосъ* съ другимъ удареніемъ. Вообще теперь большею частью форма этого падежа имѣетъ окончаніе —*овъ*, —*овъ* по другому склоненію. Срв. однако выше: не только *волосовъ*, но и *зданіевъ, подозрѣніевъ*... У Пушкина: *роизъ* и *роговъ*, у Крылова: *зубъ* и *зубовъ*. Срв. народную пословицу: «Бодливой коровѣ богъ *роизъ* не даетъ» (См. мой «Опытъ». I). У Богдановича въ «Душенькѣ» 1775 г. тоже: «другимъ по парѣ *роизъ*» — I. ст. 91. Однако въ другомъ мѣстѣ «Душеньки» читаемъ: «И семь головъ, и семь *роговъ*»... *ibid.* I книга.
- 6) Исчезли формы вин. п. мн. ч. отъ именъ сущ. одушевленныхъ, сходныя съ формами им. п. мн. ч. Нынѣ — скудные остатки: *въ купцы, въ дураки, въ солдаты* (записался, поступилъ...). Срв. прежде: «Ибо я за мое отечество и *люди* живота своего не жалѣлъ» — нисѣмо Петра царевичу Алексѣю 11 окт. 1715 г. У Кантемира: «Разогналъ ли предъ собой *орати* устрашенны?» — Фил. и Евг. 1729 г.

1) Исчезли также формы средн. рода въ падежахъ ед. числ. съ тематическимъ окончаніемъ на —*ес*, въ родѣ слѣдующаго примѣра: «Для освященія сего *чудеса*» Чт. для вкуса 1791 г. II. 6. Сл. также у Державина: «Ижезла движеніемъ, устъ, *очесъ*» (Фонарь), или у Жуковского: «Какъ звѣзды блещутъ *очеса*» (Вадимъ). Формы эти, конечно, не принадлежали др. русскому языку, но принадлежали русской книжности.

- 7) Исчезли формы им. п. мн. ч. именъ сущ. съ основой на—*jo* и именъ, вовлеченныхъ въ это склоненіе по аналогіи, при числит. *три*, *четыре*, а также *два*. Нынѣ мы говоримъ: два, три, четыре *дня*, три *рубля* и под., принимая въ своемъ сознаніи формы *дня*, *рубля*... за род. п. ед. ч., хотя въ дѣйствительности при числит. *два* это были формы им. п. *двоиств.* числа, которыя лишь по созвучію во многихъ случаяхъ, гдѣ не препятствовало тому удареніе, отождествились съ формами род. п. ед. числа и стали сознаться мало-помалу таковыми; прежде же говорили и писали: *три дни*—Иппокрена 1800 г. I. стр. 23, *два рубли*—Иппокр. 1799, I. 61; *два дни*—СПБ. Меркурій 1793, I. стр. 201. 202. Еще и у Гоголя мы имѣемъ: *два рубли*—III. 99. 102, IV. 375 (10-е изданіе, Ред. Тихонравова): *два три дни*—IV. 371, III. 235. 316 (См. мою статью: «Значеніе Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка» Ж. М. Н. Пр. 1902 г. № 7. стр. 12). «Чрезъ три, четыре *дни*», «И въ три *дни* дописалъ» (Моск. Ж. 1792, VIII. 7. 9), «три *дни* сряду» СПб. В. 1778, 2-ое полуг. ч. II. 247, ib. 1779, 2-е полуг. ч. IV. 7, Моск. Мерк. 1803, I. 27, «два *дни*» Аглая 1794, I. 19; у Карамзина въ Пис. р. пут. «*дни* черезъ три» (Моск. Ж. 1792 V. 26). У Измайлова въ баснѣ «Козель и лисица» 1812 г. (Тетр. I. 32): «да мнѣ бы этого не выдумать *дни* въ два». Срв. старое склоненіе еще въ XVIII вѣкѣ: «при объявившемся нынѣ *дни* моего рожденія»—Приклады, како пишутся... 1708; «третьяго *дни*»—Письмо Петра имп. Екатеринѣ I-ой, 2-го октября 1712 г., у Гоголя: «съ завтрашняго *дни*»—IV. 364, «къ вечеру того же *дни*»—IV. 364, III. 362. «Онъ не оставался и одного *дни*»—IV. 362, «полтора *дни*»—III. 225, «съ другого же *дни*»—III. 216 (См. мою ст. о Гоголѣ ibid). Сл. еще слѣдующіе примѣры: «Прошла половина *дни*»—Пр. и пол. препр. вр. 1794, ч. II. 90, «съ перваго *дни*»—Чт. для вкуса 1791, IV. 137. У Измайлова (тетр. I. 35): «Сосѣдъ, я видѣлъ самъ, *третью* *дни* сова ребенка унесла». Въ баснѣ «Обманъ за обманъ» 1812 г. (ib. 92): «съ *полудни* до утра». У Дмитриева находимъ слово *пѣлдни* по народному вм. нынѣшняго *пѣлденъ*, по *полъ дня* (полднѣ) въ литер. парѣчии: «Къ *полднѣмъ* уже

за треть дороги перебраться» (Путешествіе, Г. XIV. № 51), форма *мѡлѡди* стала сознаваться какъ множ. ч. Сл. *бѣдни*, *бѣдней*, *бѣднямъ*. Нынѣ это осталось только въ говорѣ простого народа; въ литературномъ же произношеніи сохранились: *«третьево-дни»* (на югѣ Россіи: *«по-за-вчера»*) и *«ономѣдни»* (= ономъ-дни), которое взято у народа. Въ интерлюдіяхъ XVIII-го вѣка (Лѣт. р. лѣт. 1859, кн. III. стр. 58) читаемъ: *«третьево дни»*. Прежде всѣ эти формы были пзвѣстны и народу и литературно-образованной интеллигенціи, при чемъ отъ им. мн. *рублѣ* род. мн. было чаще *рублѣвъ*, чѣмъ *рублей*: *«рублѣвъ на сто торговать»*—Посошковъ, О скудости и богат. 1724 г.

- 8) Исчезли формы именъ прил. им. II. мн. числа муж. р. безчленного типа на —и, между тѣмъ какъ прежде были: «вы еще *молоди»*—СПБ. Меркурій 1793, ч. I. стр. 205. Или: «вы *ради* изъ одного снисхожденія взять въ руки такую бездѣлицу»—Зритель 1792, Май, стр. 24. Соболевскій (Лекціи по исторіи р. яз. Изд. 3-е. М. 1903) указываетъ *пьяни* у В. Майкова (Лекціи, стр. 194). Нынѣ въ южно-великорусскомъ народномъ говорѣ пзвѣстны: *молоди*, *сыти*, *богати*, *ради*, *пьяни*, *голодни* (Ряз., Тул., Орл.). Въ литературномъ произношеніи съ такимъ окончаніемъ сохранились формы именъ сущ.: *сосѣди*, *чѣрти*; такъ это и въ орфографіи. Но прежде часто и *сосѣды*, *сосѣдовъ*—Зритель 1792, Май, стр. 11. Срв. у Пушкина: *сосѣды* и проч. («Опытъ Грамматики». Вып. I. стр. 45). Нынѣ въ литературномъ языкѣ только: *сыты*, *мѡлоды*, *рады*, *пьяны*, *богаты*, *мѡлодны*. Въ пословицѣ: «чѣмъ *богати*, тѣмъ и *ради*»: такъ произносятъ многіе и образованные люди.
- 9) Исчезла безчленная форма прилагательнаго-мѣстоименія въ роли опредѣленія, по крайней мѣрѣ, изъ языка литературной прозы; но, конечно, скоро исчезнетъ и изъ языка стиховъ, какъ только послѣдній почувствуетъ свою свободу отъ старыхъ рифмъ, традиціонныхъ выраженій, и найдетъ новые способы приблизиться къ языку разговора образованнаго общества. Много примѣровъ приведено выше на стр. 43—44. Укажемъ еще на слѣдующіе: у Богдановича въ «Душенькѣ» 1775 года, гдѣ мы вообще имѣемъ языкъ довольно близкій

къ тогдашнему разговорному, можно встрѣтить, кромѣ упомянутыхъ уже выше: «*отъчю* память», «*алчю* злобу», «*нова* власть», «героевъ *которы*», «*зепрски* души», также: «Отъ ѣдкой древности, *котора* была глотаеть», «*царска* дочь», «*прекрасно* божество», «*небесны* бѣги», «*должну* вѣру», «*осяку* небылицу», «*воздушина* колесница», «*рѣзвы* волны», «*тишенично* сѣмя», «*прежню* честь», «*вышню* мѣсть», «боговъ, *которы* видимо противу согласились», «и кон знали *осяки* сказки», «*цѣтцуци* чни» — книга I. и мн. др. О такихъ же примѣрахъ у Пушкина сказано выше на стр. 44.

- 10) Исчезли несклоняемыя формы сравнит. степени на -ая, *аь*, -ае, -яе, которыя въ нашемъ литературномъ языкѣ были наслѣдіемъ *сѣверно-великорусскаго* нарѣчія, въ районѣ котораго и съ помощью котораго складывалось наше московское литературное произношеніе (См. на стр. 50—51). Прежде мы часто встрѣчали: *простѣе* (Указъ Петра Сенату 1724 г. Пекарскій, Наука и лит. I. 281), «*скорѣя*» — Рус. интерлюдіи первой половины XVIII-го столѣтія (Лѣтописи р. лит. и др. 1859, кн. III, стр. 49. Срв. мое замѣчаніе о языкѣ этихъ интерлюдій выше на стр. 87 въ пунктѣ 10-мъ). «*Жестокае* чинить наказаніе» — Посошковъ, О скуд. и бог. 1724 г., «*нужняй* тѣ ему» — Каптемиръ, Фил. и Евг. 1729, *милые*, *сгорые* — Сумар. Хоревъ 1747, *нышние* — Сумарок. Еп. о р. яз. 1748, *удобные*, *почтенные* — Сумароковъ, Письмо 1759, *почтенный* — Сумар. Хоръ къ превр. свѣту 1763, *темные* — Сумар. Дм. Самозв. 1771, *сѣпжскій* — *ibid.*, *тромчатъ* — Богдановичъ, Душенька 1775 (Какъ въ рукописи? ¹⁾). Въ бумагахъ Державина (Имп. П. библ. № 22) подъ № 88 находится письмо Хемницера къ Державину съ одой на новый годъ Державина. Хемницеръ пишетъ:

Еще вельможа возвышаться

Еще *силыи*ае хотеть быть.....

Милые въ жизни мнѣ всего..... (Бум. Держ. № 22, *ib.* 88).

Мы собственно не знаемъ, принадлежать ли эти формы языку

1) Рукописи «Душеньки» Богдановича нѣтъ ни въ Академіи Наукъ, ни въ Имп. Публ. Библиотекѣ, ни въ Рум. Музеѣ. По сообщенію В. Срезневскаго, въ Академіи Наукъ есть только одно письмо Богдановича и кое-что (?) въ бывшемъ архивѣ Рос. Академіи.

Державина или Хемницера¹⁾). Въ академическомъ изданіи сочиненій Державина подъ редакціей Я. К. Грота редакторъ, кажется, значительно въ общемъ измѣнилъ правописаніе

1) Вопросъ еще болѣе усложняется тѣмъ, что въ изданіи Акад. Наукъ у Грота «Ода на новый годъ» 1781 (I. 116—119) напечатана не такъ, какъ ее переписалъ Хемницеръ въ письмѣ къ Державину отъ 5 марта 1781 г. (сл. Бум. Держ. № 22, а здѣсь № 88). У Грота находимъ:

«Еще вельможа возвышаться
Еще сильнѣе хотеть быть»,

а дальше совсѣмъ иначе—все это безъ оговорокъ. Кому принадлежитъ форма *милые*, мы такимъ образомъ не знаемъ. Хемницеръ прибавилъ къ письму свою басню «Попугай», желая знати мнѣніе Державина и видѣть его поправки. Въ баснѣ читаемъ: «И какъ на выдумки *хитрый* ево была» и т. д. Отсюда очевидно, что Хемницеръ употреблялъ сравн. степень на -ий (не послѣ шипящихъ). Относительно же употребленія этихъ формъ у Державина я склоненъ думать, что Гротъ не внушаетъ особаго довѣрія къ своему изданію сочиненій Державина въ лингвистическомъ отношеніи. Это недоувѣріе мое, во-первыхъ, основывается на выше указанныхъ фактахъ, а во-вторыхъ, на слѣдующемъ заявленіи самого Грота: «Впрочемъ, точность наша не простиралась ни на правописаніе, ни на знаки препинанія, потому что то и другое въ сдѣланныхъ при жизни Державина изданіяхъ не принадлежитъ вполнѣ ему самому; *въ рукописяхъ же его нельзя отыскать какихъ-либо постоянныхъ основаній орфографіи*. Извѣстно, что *онъ въ теоріи языка не имѣлъ твердыхъ знаній, и потому не можетъ быть Державинской орфографіи*, какъ есть орфографія Ломоносовская и отчасти Сумароковская. Въ отношеніи къ правописанію и пунктуациі намъ оставалось, *держаться принятыя въ настоящее время общія начала, допуская некоторое отступленіе отъ этого правила только тамъ, гдѣ того требовали особенныя соображенія*» (Соч. Державина, Я. Грота. СПб. 1864. Томъ I. Предисловіе, стр. XXXVIII. Курсивъ вездѣ мой). Съ этимъ заключеніемъ Грота никакъ нельзя согласиться: ему оставалось, именно, передавать орфографію Державина *по подлиннымъ рукописямъ писателя*, и это тѣмъ болѣе обязательно въ ученомъ изданіи, что постоянныхъ основаній орфографіи у Державина не было, какъ не было въ его время такихъ основаній и у другихъ его современниковъ. Выводить отсюда заключеніе, что *оставалось держаться принятыя во времена Грота общія начала орфографіи*, значитъ губить для потомства и тѣ *особенности языка*, которые обнаруживались, именно, благодаря отсутствію постоянныхъ основаній орфографіи, и *самый матеріалъ* для исторіи нашего правописанія. Вся наша эта работа не имѣла бы почти никакой цѣны для исторіи нашего литературнаго языка, если бы данныя для такой исторіи не заключались отчасти въ самой орфографіи прежняго времени. Переодѣвать непосредственную и неустойчивую орфографію Державина въ костюмъ современной намъ однородной орфографіи значитъ сознательно устранять изъ задачъ научнаго изученія писателя важную задачу такого изученія—опредѣлить отношеніе даннаго писателя къ литературному языку въ его исторіи. Выше мы уже видѣли, какое громадное значеніе имѣетъ неустановившаяся орфографія нашихъ писателей и печатныхъ журналовъ XVIII—XIX вѣка для изученія языка: вся наша работа построена на данныхъ такого рода въ связи съ данными современнаго намъ живого литературнаго и народнаго языка. Въ другихъ трудахъ своихъ мы старались показать, что и «Ломоносовская орфографія» черпаетъ для себя основанія въ самомъ языкѣ его времени и въ діалектическомъ разнообразіи языка; даже орфографія Пушкина, писателя болѣе поздняго, и та, въ интересахъ исторіи языка, должна служить предметомъ особаго вниманія ученыхъ въ *ученомъ изданіи* (См. наши статьи по поводу академич. изд. сочиненій Ломоносова въ Ж. М. Н. Пр. 1898 и 1899 гг., а также нашъ «Опытъ Грамматики языка Пушкина». Вып. II. стр. 22, примѣч. 1. стр. 23, примѣч. 1 и 2 на стр. 24-й. СПб. 1902 г.). Вообще, Гротъ справедливо указалъ на то, что изученіе языка писателя у насъ —

Державина и нѣкоторыя формы его языка. До изученія бумагъ Державина я думалъ о редакціи Я. К. Грота иначе: по крайней мѣрѣ, по бумагамъ Державина можно смѣло утверждать, что Держ. не избѣгалъ этой сѣверно-великор. и старой московской сравн. степени на -*ѣе*, -*ѣе*, между тѣмъ у Грота сказано (IX, 345): изрѣдка встрѣчается *послѣ* *ши-*

«дѣло еще довольно новое» (Соч. Державина. Т. IX. Стр. 335—337) Это было писано ученымъ академикомъ въ 1883-мъ году. Съ тѣхъ поръ прошло 22 года, но и до сихъ поръ дѣло это осталось «новымъ», и до сихъ поръ, повидимому, какъ показываетъ *академическое* изданіе сочиненій Пушкина, сама Академія Наукъ не пришла еще въ должной мѣрѣ на помощь научному изученію *языка* каждого отдѣльнаго крупнаго писателя. Это можно объяснить себѣ только тѣмъ обстоятельствомъ, что лингвистическіе интересы у насъ довольно слабо еще представлены. Составивъ словарь для первыхъ двухъ томовъ сочиненій Державина, Гротъ (IX, 337) говоритъ: «пусть этотъ словарь послужитъ на первый случай опытомъ подобнаго труда»... Опытъ для перваго раза — несомнѣнно удачный, но послѣ этого опыта другихъ не появлялось!... Вотъ почему и мы въ своей настоящей работѣ, находясь въ полной зависимости отъ подобнаго рода обстоятельствъ, въ одно и то же время должны были и *собирать* громадный и разрозненный матеріалъ во всѣхъ (сочиненіяхъ) нашихъ писателей и во всѣхъ старыхъ журналахъ, и считаемся съ тѣмъ, что лингвистическіе интересы при изданіи сочиненій нашихъ писателей почти не принимались во вниманіе раньше, и *обрабатывать* этотъ сырой матеріалъ....

Въ доказательство, что Гротово изданіе Державина позволило себѣ измѣненія въ языкѣ и помимо орфографіи, приведемъ слѣдующій примѣръ. Въ бумагахъ Державина (П. Б. № 22 и здѣсь № 76) находится письмо Капниста къ Державину съ подражаніемъ Горациевой одѣ Державина (Гротъ II. 104—112 «Капнисту»), и въ немъ мы читаемъ:

«Ахъ! для чего жъ въ толь краткой жизни
Туды метаться и сюды».

При этомъ рукою Капниста помѣчено: «Съ лишкомъ площаднорѣчиво». Далѣе мы изъ этого же письма Капниста узнаемъ, что Державинъ употреблялъ слово «*пепелище*» вм. нынѣшняго «*пепелища*»; здѣсь читаемъ: «Отъ *пепелища* удалаться», въ испр. видѣ тоже: «Раставшись съ нашимъ *пепелищемъ*» и проч. Гротъ же въ своемъ изданіи все это помѣстилъ въ такомъ видѣ:

«Такъ для чего жъ въ толь краткой жизни
Метаться намъ *туды*, *сюды*,
Въ другія земли изъ отчины
Скакать отъ скукъ или бѣды
И чуждымъ солнцемъ согрѣваться?
Отъ *пепелища* удалаться,
Отъ родины своей кто минтъ,
Тотъ самого себя бѣжить».... (Державинъ-Гротъ. II. 108. «Капнисту» 1797 года).

Для исторіи литературнаго языка вовсе не безразлично, было ли въ XVIII вѣкѣ въ употребленіи старое слово «*пепелище*», или нѣтъ. Характерно, что и Капнистъ, на вкусъ и критику котораго Державинъ всегда полагался, не сдѣлалъ никакой поправки и никакого замѣчанія насчетъ Державинскаго слова: «*пепелище*». Гротъ же не только передѣлалъ это слово въ текстѣ стихотворенія, но даже не упомянулъ и въ своемъ «Словарѣ» (IX томъ) ни о словѣ «*пепелище*», ни о словѣ «*пепелища*» у Державина: какъ будто ни одного изъ этихъ словъ и нѣтъ въ стихотвореніяхъ Державина, хотя въ то же время Гротъ почти полстраницы своего «Словаря» (IX, 406) посвятилъ предлогу «*по*» въ стихотвореніяхъ Державина

нѣмъ старинное окончаніе краткой сравн. степени на *ае*: «къ себѣ *строжае* чѣмъ къ другому» (Рѣшмыслу I. 175), «*промчай* въ потомствѣ возгласилъ» (Изобр. Фел. I. 288). Вотъ все, что мы имѣемъ у Грота по этой части, между тѣмъ въ рукописяхъ и въ старыхъ печатныхъ журналахъ матеріалъ по формамъ сравнит. степени на *-ие*, *-ае* у Державина даетъ изслѣдователю литер. языка нашихъ писателей XVIII—XIX вѣка, въ томъ числѣ и Державина, нѣсколько большія полномочія, чѣмъ то усмотрѣлъ покойный Я. К. Гротъ. См. еще въ СПБ. Меркуріи за 1793-й годъ, ч. II. стр. 209 читаемъ:

«Такъ пеленою смурыхъ тучъ
Прекрасно солнце заслоненно,
Когда сквозь нихъ пропуститъ лучъ,
Горитъ *смысла* постепенно»

Или: «Въ заключеніе, Надменъ всѣхъ *луняе*; а думаетъ, что всѣ его *луняе*». Трутень 1769—1770, «Смѣющійся Демокритъ». Въ «Соб. люб. р. слов.» 1784 ч. XIII, 15 находимъ: «*Милые* мнѣ еще и точно исполненіе» (бесѣда вторая). Подобныя формы сравн. степени исчезаютъ, насколько помню, въ началѣ XIX-го столѣтія. Слово «*жесточае*» встрѣтилось мнѣ, кажется, гдѣ-то въ перепискѣ Бѣлинскаго. Не въ употребленіи нынѣ такія формы сравн. степени: «Но коль живые монументы *краснѣйши* памятниковъ сихъ» — Аониды 1797 II. (на конч. благовѣ.) или: «выбираютъ то, которое *нѣбогачѣ*» — Почта Дух. 1789, I. 205. Припомнимъ еще у Гоголя: *дешевѣе*.

- 11) Исчезли формы мѣстоименій *обои*, *обою* съ ихъ косвенными падежами: *обоей*, *обоемъ*, *обоею* (нынѣ еще кое-гдѣ удержалось: «училище для *обоею* пола»). Прежде были онѣ въ ходу: «*обоей* архитектуры» — род. II. е. ч. — Θ. Прокоп. Слово въ день рожд. П. П. 1716 г. «А когда *обою* то (= благоразуміе и благоутробіе) утвердилось въ тебѣ» — Θ. Прокоп. Слово на погребеніе П. В. 1725 г. «Въ *обоемъ* же случаѣ» — Тредьяковскій, Предъизъясненіе объ ироніи. пимѣ 1766 г. «*Обои* сія (= здравіе и жизнь) медициною сохраняются» — Ломоносовъ, Похв. сл. Елизаветѣ 1749 г. Нынѣ мы не имѣемъ формъ ед. числа отъ этого мѣстоименія, а отъ формы *оба* образуемъ косв. падежи множеств. ч.: *обоимъ*, *обоими* и

т. д., какъ будто бы отъ именит. падежа *обои*, который однако исчезъ. Срвн. южн.-великор. народное: *оба, обь* — *обляхъ, обляхъ...* Срвн. также литер. *двое* — *двоихъ...* (*двои* исчезло) и *два, дѣт* — *двуухъ, двумъ...* Срвн. др.-рус. *дѣтма, обьма...*

- 12) Мѣстоименіе *этотъ* еще въ началѣ XIX-го вѣка склонялось, какъ мѣстоименіе *тотъ*, а частица *э* признавалась приставочной: «Прекрасная, невинная дѣвушка, кидая нѣжной томной взоръ на своего любовника, думаетъ, что мнѣ дѣлать съ *этимъ* безотвязнымъ?» — Иппокрена 1800, I. 9. Срвн. 1799, II. 40 — «*этимъ* кинжаломъ». Срвн. народные: «съ э-съ-того», «въ э-въ-томъ», «съ э-съ-тѣмъ» (= съ *этого*, въ *этомъ*, съ *этимъ*).

- 13) Исчезли формы настоящаго времени *есмъ, еси, есть, суть* въ значеніи связки. Однако еще въ XVIII вѣкѣ мы видимъ: «всѣмъ извѣстно *есть*» — письмо Петра царевичу Алексѣю 11 окт. 1715 г., Воин. Уставъ 1716 г., Морской Уставъ 1720 г., «очевидно *есть*» ib. 1715, 1716 г., «снѣху *есть* достойный» ib., «чье *есть* войско», «главное дѣло *есть*» — Воин. Уставъ 1716 г.

Или: ... «слабая команда, которой примѣръ *суть* дѣти въ волѣ»: «такъ и въ войскѣ командующіи *суть* отцомъ оныхъ» — Морск. Уставъ 1720 г., «любезный *есть* животъ», «полна *есть* золота», «полезный *есть* людемъ», «изъялъ *еси*», «со-вѣтъ виною *есть* всяческа зла» — Басни Езопа 1700 г., «вся словеса суетна *суть*» ib., «безчастенъ *есмъ*» — Приклады, како пишутся... 1708, «въ сумнѣніи *есмъ*» ib., «выдаваны *суть*» — Разсужденіе Шафирова 1717 г., «война начата *есть*» ibid. Нынѣ мы такъ не говоримъ и не пишемъ.

- 14) Глаголь *бості* нынѣ замѣняется формой *бодать*: «из-бодаютъ», «корова бодается» въ литературномъ, но «корова бодѣтъ» въ народномъ языкѣ (Ряз. — скоп.). «Дѣлами избодутъ, хотя словами глядятъ» — Соб. люб. р. слов. 1734. XIII, 13. *Бъчь* — *бѣжатъ* — сохранились еще и другія формы, кромѣ этихъ двухъ основъ, при различныхъ префиксахъ: *избѣгнуть, избѣгнуть, избѣчь, избѣжать* а также *пробѣ-затъ*, такъ же съ приставками из-, про- (кромѣ *пробѣзнуть*), пере- (кромѣ *перебѣзнуть*), вы- (ударяемой и неударяемой

съ разнымъ значеніемъ, кромѣ *выбѣчь*). Сл.: «*побѣдѣннѣмъ* всѣхъ дарамъ на выскочку съ тобой» Соб. люб. р. сл. 1784, XIII, 16 (нынѣ *побѣдѣннѣмъ*). Глаголь *олиять* и *оливать* употреблялись прежде не такъ, какъ теперь: «Веселый царя видъ одобряя его *оливалъ* отъ него снѣжность» — СПб. Вѣстн. 1780 г. 1-ое полуг., ч. V, 41. Такая же форма со значеніемъ нынѣшняго «выливать» есть еще и у Пушкина. Выѣсто нынѣшняго народнаго русскаго *провождать* употреблялось прежде это слово въ церковно-слав. формѣ: «онъ былъ *провождаетъ* ночною сидѣльницею» (вм. нынѣшняго «сидѣлкою») — Соб. люб. р. слов. 1784, XI. 171. «Желаю, чтобы вы *провождали* время съ такою же пріятностью» — Моск. Мерк. 1803, I. 27, «И взоромъ нѣжнымъ гласъ пріятный *провождала*» — Чт. для вкуса 1792, V. 21. И это часто еще у Пушкина. Теперь говоримъ *давалось*, въ СПб. Вѣстн. 1780, 2-ое полуг. ч. VI, 3 читаемъ: «имя героя сперва *давано* было». Нынѣ образуется форма прич. страд. залога только отъ «дать», *данъ*. Неупотребительно нынѣ образованіе кратнаго значенія отъ гл. *назначить* въ формѣ *назначивать* вм. нынѣшняго *назначать*, сл. однакожъ: «сія слава столь мнѣ кажется мало сомнительна, что мы можемъ... первое мѣсто *назначивать* Петру» — Соб. люб. р. сл. 1783, VII, 170. Подобное образованіе видимъ отъ глагола *начертать*: «Всѣ писатели *начертаваютъ* намъ Августа» — Чт. для вкуса 1791, ч. II. 182. Исчезли нынѣ уже такіа образованія глаголювъ, какъ: «тамъ ты нль *оправдишь*ся» — Пок. Трудолюб. 1784, I (нынѣ «оправдаешься»), «*наслѣдишь* царствіе» ib. 80 («нынѣ «наслѣдуешь», при «наслѣдишь» въ значеніи «надѣлаешь слѣдовъ»), «чистѣйшей онъ любви лишь *хочетъ* отъ тебя» ib. 77 (нынѣ только «хочетъ»), «Когда самъ Богъ въ тебѣ *возможетъ* пребывать» ib., «Какая пѣснь *возможетъ* славить ужасность гнѣва твоего» Аглая 1794, I. 25 (нынѣ «сможетъ»).

Изрѣдка встрѣчается еще форма *plusquamperfect'a*, напр., «ему *надлежало* было ее съ начала на берегу положивъ, надѣть свою епанчу» — СПб. Вѣстн. 1778, 2-ое полуг. II, 248.

Въ образованіи причастій многія формы устарѣли или вышли изъ употребленія: «хорошій хозяинъ *примѣшавъ* свѣжей муки и

испекъ хлѣбы, нашегъ...». СПб. Вѣстн. 1779, 2-ое полуг., IV, 7 (нынѣ только какъ дѣепричастіе *испекши*). Неупотребительно нынѣ также прич. наст. вр. страд. залога *жеюмый*: «пламенемъ *жеюмые*» *ib.* IV. 261. Правильное образованіе прич. формы отъ глагола *попасть* мы имѣемъ въ примѣрѣ «въ первой *попадшійся* трудъ» — Пок. трудолюб. 1784 г. II, 155, нынѣ чаще въ литер. языкѣ *павшій*, *попавшійся*, но только *падшій* въ смыслѣ нравственнаго паденія, сл. «*пропавшая* грамота» у Гоголя, но «*пропадшій* человекъ» (нравственно погибшій) и «*пропавшій* человекъ» (безъ вѣсти). Сл. только *украшій*, *наклашій*, но *приобрѣшій* и *приобрѣтшій*, еще колеблются. Но только: *забрѣдшій*, *метшій*, *шедшій*, *ведшій*, *плѣтшій*, *расцѣптшій* (Въ народныхъ говорахъ однакожъ и *пришовшій*, *расплѣвшій*...). Интересную форму народнаго дѣепричастія представляетъ примѣръ: «онъ мнѣ отвѣчалъ *заклинаючись*: такъ и быть» — Чтен. для вкуса 1791, IV. 140.

Е) Синтаксическіе и лексическіе элементы, исчезнувшіе изъ русскаго литературнаго языка.

- 1) Оборотъ *дательнаго самостоятельнаго*: «Богу помогающе» — письмо Петра Меньшикову 11 сент. 1706 г. «Помогающе Вышнему» — письмо Петра ц. Алексѣю 11 окт. 1715 г. Еще у В. Майкова читаемъ:

«Еще не *летимейся* на небесахъ заря

Онъ воздухъ голосомъ во храмнѣ дѣлитъ» («Освобожденная Москва»).

Или въ Рос. Магазиנѣ 1792 г. ч. I, 287: «Отбившу неприятели», «крови текущей».

- 2) Обороты: *дательнаго съ неопр. н.*, *двойного винительнаго, вин. съ неопр. н.*, *двойного именительнаго, имен. съ неопр. накл.* Напр., «надѣмся *испомену* и сему быть» — письмо Петра Меньшикову 25 февр. 1710 г., «впидя тебя *наследника неоптребнаго*» — письмо Петра ц. Алексѣю 11 окт. 1715 г.. «чають *немалую* быть *прибыль*» — Русс. Вѣд. 1703 г. «Воздухъ мнятся *непокоенъ* быть» — Первый Рус. Календ. 1708 г. Срвн. у Державина: «тебя душа моя быть чаетъ» — Ода «Богъ» 1784 г. (Гротъ I, 200), «Природа казалась ему *восхитительна*» — Ипшокрена 1800, ч. I. стр. 21. Срвн. у Дмитріева «Чужой толкъ» 1795: «Печатный всякій листъ

быть кажется святымъ». Или: «Но всё они при ней казались быть льстецами» — Причудница 1795 г. Или: «Ей царствующій градъ казался *пустъ и скученъ*» *ib.*, «свѣтъ казался мнѣ *унылъ и противенъ*» Аглая 1794, I. 12, «но ему казался *тотъ домъ великолѣпенъ*» Соб. л. р. слов. 1783, II. 146, «жена его *смыла мучовата*» *ib.* «Хотя день солнцемъ освѣщенъ, но мнѣ онъ *быть* средѣ темной ночи» Пок. Трудолюб. 1785, IV. 85, «Сіе то *кажется быть невозможнымъ*» Веч. Зар. 1782, II. 180. «Однакожь и сіе казалось къ спасенію кораблей *быть недостаточнымъ*». Чтен. для вкуса 1792, VI. 85. Такимъ образомъ при гл. *кажется* оборотъ *потіи. с. Inf.* въ концѣ XVIII вѣка былъ довольно обычнымъ, причемъ второй именит. падежъ замѣняется часто, по особенностямъ рус. языка, творительнымъ. При гл. *мыслить, воображать, чаять* извѣстны обороты двойного винительнаго: «*воображаю тебя бродящаго*» — Аглая 1794, I. 13, «*ты быть себя щастливымъ чаешь*» — Моск. Журн. 1791, I. 11 (Видѣніе Мурзы), «не считающую въ мысляхъ его *ничего* къ ней *почтительнаго* быть» СПб. Вѣстн. 1779, 2-е полуг. IV. 260. Въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ, кромѣ того, согласно особенностямъ рус. языка, мы видимъ замѣну второго вин. падежа творительнымъ; или же два вин. падежа замѣнены двумя родительными при отрицаніи въ глаголѣ.

- 3) Обозначеніе дѣйствующаго лица — предмета при страд. залогѣ существительнымъ съ предлогомъ *отъ*: «утѣшенъ былъ *отъ* шведовъ» — Письмо Петра ц. Алексѣю 11 окт. 1715 г., «атакованъ будетъ *отъ* непріятеля» — Мор. Уст. 1720 г., «Ты вещь презрѣнная *отъ* князей и вельможей» Моск. Журн. 1791, I. 21.
- 4) Старое управленіе глаголовъ, нынѣ уже неизвѣстное, представляетъ особенный интересъ въ вопросѣ о движеніи р. литературнаго языка. Таковы, напр., глаголы: *учиться* съ род. п., *касаться* къ чему и чему; — до чего... Напр.: «*Учитися добрыхъ нравовъ*» — Апоегмата 1712 г. «*къ помѣсть касаются*» — Морск. Уст. 1720 г., «что касается *до* частныхъ качествъ» Веч. Зар. 1782, I. 94, «Чтожь касается *до* прочихъ аглинскихъ кушаньевъ»... Иппокр. 1799. ч. I. 59. Озеровъ (въ письмѣ къ Оленину, 23 ноябр. 1808 г.): «но я

коснулся до политики, «до жертвы прикасаться» (онъ же). Въ СПб. Вѣстн. 1778, 1-ое полуг. ч. I. 129: «касается до земледѣльцовъ»; «касался къ рукѣ» — СПб. Мерк. 1793, I. 180, «коснись *ручкѣ*» — СПб. Мерк. 1793, II. 202; «его ноги не касались земли» — Пріятн. и пол. препр. вр. 1794, ч. II. 7. У Державина: «касающаяся странамъ воздушнымъ» (Гротъ I. 486). Еще у Пушкина управление не устойчиво. Мы читаемъ: «И вскорѣ слуха Кочубея коснулась роковая вѣсть» (Полтава, III. 111), «Моихъ *тѣмъ* коснулся онъ» (Пророкъ, II. 2), «коснуться *моихъ* ногъ устамъ» (Евг. Он. III. 248); «или коснется горячо ея *руки*» (ib. III. 394), «касаюсь вновь *лѣнивыхъ струнъ*» (Русл. и Людм. II. 265), «коснися имъ чела Людмилы» (ib. II. 270), «коснуться до *всего* слегка» (ib. III. 236), «не должно коснуться подозрѣнье къ *супругъ* Кесаря (Анжелю, III. 591), «но смерть коснулась къ *нимъ* какъ сонъ» (Опричникъ, II. 48 примѣч.), «казалось тѣнь княжны прекрасной коснулась трепетнымъ *устамъ*» (Русл. и Людм., II. 254, какъ у Державина). У Дмитріева: «доскакавъ *высокихъ береговъ*».

Или: овладѣть что и чѣмъ: «городъ овладѣли» — Рус. Вѣд. 1703 г., «городкомъ овладѣть» ibid. Согласиться чему, избавиться чѣмъ, смѣяться кому, ... поздравлять кому, благодарствовать кому (нынѣ: благодарить кою вин.), сл. «благодарю природу» — Чт. для вкуса 1791, II. 4, присовокупить чему, принадлежать къ кому — См. Приклады, како пишутся.... 1708 г.; — внимать кою, что — вин. и кому, чему — дат. даже у Пушкина. Срв. «Оросмигъ *отнималъ* его наставленія» — Иппокрена 1800, ч. I. стр. 21. «Ручьи, которыхъ *отнималъ* онъ журчанію во время прохлады утренней, представлялись теперь его воображенію»... Иппокр. 1800, I. 33. «Иль сердца *чувствамъ* мнѣ *отнимать*»... Ип. 1799, I. 8. «Внимать *свисту*» — ib. 231. Срв. 284. 300. «Бояра *отнимаютъ мужа стѣра*» — Сумароковъ, въ баснѣ: «Совѣтъ боярскій»; «Онъ, это видя, что ему смѣлось»... Записки кн. Н. Б. Долгорукой 1767; — назначить къ чему: «Эта ночь назначена была къ тому, чтобы».... Иппокр. 1799 г. ч. I. стр. 20—21. «Я такому безсовѣстному *совету* согласиться не могла»... Записки кн. Н. Б. Долгорукой 1767 г.

«Мы избавились *той бѣды*» *ib.*, «*надеяться* руки Клариссой» Моск. Мерк. 1803, III. 15, «*Надемся* того чего желаемъ» — Сѣв. Вѣстн. 1804, I. 172—3, «*Надемся* разпространенія склонности къ ученію» — Моск. Мерк. 1803, I. 11, но также: «*Надемся* выиграть, *можно* на *оное* *надеяться*» — Сѣв. В. 1804, I. 172—3. Существительныя: надежда *къ чему* (нынѣ: на что), повиновение *къ кому* (нынѣ: кому), а также нарѣчія: относительно *до*. Напр., «Не оставалось ни малѣйшей надежды *къ* спасенію»... Ишп. 1799, I. 13. «Всякая *надежда* *къ* возобновленію нашихъ свиданій» — Озерова письмо къ Оленину (25 іюня 1809 г.). «Повиновение *ко* мнѣ» — Ип. 1799, I. 210. «Уподобленіе по *ези* *къ* лимонаду» — Соб. л. р. сл. 1783, IV. 13. «Относительно *до* магазиновъ» — Ип. 1799, I. 68. Въмѣсто предлога *до* попадаетъ *къ*: «мы относительно *къ* нашимъ работамъ еще при началѣ сказали» (Веч. Заря 1782, I. 5), «относительно же *къ* пересмѣшникамъ можемъ сказать» *ib.* Сл. еще *усердный* съ дат. падежомъ: «*усердные* *своему* отчеству сыны» — Рос. Магазинъ 1792, I. 10.

Въ числѣ отжившихъ оборотовъ замѣтимъ сказ. *есть* и *суть* съ твор. падежомъ сказуемаго: «Дозволеніе данное вами... *есть* *единственнымъ* *побужденіемъ* моего на то отвѣта» — Соб. л. р. рос. слов. 1783, X. 169, «Мнѣ жизнь *есть* бременемъ» — СПб. В. 1781, 1-е полуг. VII. 275. Нынѣ твор. пад. только при прош. и буд. временахъ: *былъ*, *буду*, при настоящ. врем. — именительный. Ср. «Котораго *наовременный* смѣхъ *есть* *единственное* *удовлетвореніе* ихъ шутливому духу» — Соб. л. р. сл. 1783, X. 170, «Его безчинства *суть* *столько* же тебѣ обидъ» — Чт. для вкуса 1791, IV. 123.

Огруппаніе дѣйствуетъ черезъ неопредѣленное наклоненіе и вызываетъ родит. пад. вм. винительнаго при переход. глаголахъ: «не погнѣялся *перечесъ* его *любимыхъ* *денежекъ*» — Пок. Трудолюб. 1784, I. 214, «но злой духъ не престааетъ *нако* *стей* ему дѣлать» *ib.*

б) Согласованіе въ лицахъ формъ *чаю* — 1 л. ед. ч. наст. вр. и *можаму* — 2 л. ед. ч. пов. н. нынѣ исчезло, и первая изъ этихъ формъ превратилась по отпаденіи звука *у* въ час-

типу *чай* (= кажется, думается, вѣроятно). Срв. отпаденіе звука *у* въ формахъ: «доброй», «синей» изъ «доброю», «синею»; «рукой» изъ «рукою»; «благодарствуй» изъ «благодарствую» и под. Народное «*знай*» представляетъ случай отпаденія звука *е* (въ акающемъ говорѣ—*а*): вмѣсто «*знае*» (въ сильно акающихъ говорахъ ряз., калужск. и др. губерній—«*знѣя*») — 3 л. ед. ч. наст. вр. безъ *-тъ* (*-ть*): *знаетъ*, *знаеть*. Въ такомъ случаѣ эта форма имѣетъ значеніе *усилительное* при словахъ—глаголахъ, сообщающее глагольной формѣ смыслъ дѣйствія, всецѣло увлекающаго, занимающаго собой дѣйствующее лицо до полнаго равнодушія послѣдняго ко всему окружающему, кромѣ его дѣла: «*Знай* колетъ: всю испортилъ шкуру» — Крыловъ въ баснѣ «Крестьянинъ и работникъ». Вторая форма — «*пожалуй*» изъ пов. наклоненія стала частицей со значеніемъ уступительнымъ (= такъ и быть, пусть такъ, будь по твоему, согласенъ... Срв. *пусть*, *пускай* — формы пов. накл. отъ глагола *пустить* и *пускать*). Значеніе стараго повелительнаго наклоненія въ этомъ словѣ сохранилось, тогда, когда оно соединяется съ частицей *-ста* (сударь?): «*пожалуйста*». Но уже и въ этомъ употребленіи оно потеряло личное согласованіе и обратилось въ нарѣчіе. Срв. нарѣчіе *спасибо* изъ «спаси, Богъ!» (Народъ и донинѣ въ благодарность за какое-либо подаваніе говоритъ: «спаси тебя Богъ!» Въ Ряз., Тул., Моск., Орл., Калужск., губ.; вѣроятно, и въ другихъ). Прежде, въ XVIII-мъ вѣкѣ, мы имѣли такіе примѣры употребленія вышеприведенныхъ словъ: *пожалуй* при повел. наклоненіи 2 л. ед. числа, *пожалуйте* при повел. наклоненіи 2 л. мн. ч.; «*изволь, пожалуй, садиться*» — Русскія интерлюдіи первой половины XVIII-го вѣка (Лѣтоп. рус. лит. и древн. 1859 г. Кн. III. стр. 43) «*Прости, пожалуй, отецъ святой!*» ib. 44. «*Ты пожалуй въ томъ не зоблись*» ib. «*Пожалуй покинь*» ib. 45. «*Прощай, пожалуй*» ib. 46. «*Да пожалуй, дай мнѣ*» ib. 47. «*Пожалуй, батюшко! умиласердись*»... ib. 48. «*Напиши пожалуй*»... ib. «*Возьми съ меня пожалуй*»... ib. 49. «*Скажи пожалуй*»... ib. 53. «*Пожалуй, не поскучь насъ увѣдомить*»... Зритель 1792 г. II. ч. Августъ, стр. 312. «*Пожалуй не оставь намъ обо всемъ досконально*

дать вѣдомость» ib. 315. «Скажмъ мнѣ, *пожалуй*, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?» — Екатерина II-ая, О время! (Изд. Ак. Наукъ съ примѣч. акад. А. Н. Пыпина. Т. I. СПб. 1901, стр. 8). «Посмотри, *пожалуй*, Прасковья»... «Скажи *пожалуй*»... Имянины г-жи Ворчалкиной. Копія автографа, ib. 122. 123. «Боярыня, *пожалуйте* не *разбудите* сего господина» — Письмовникъ Курганова 1769 г.¹⁾. «Надѣлите меня *пожалуйте* всѣмъ тѣмъ, что мнѣ нужно при семъ случаѣ» — Иппокрена 1799, I. 185. «Оставь его *пожалуй*» ib. 213. У Крылова: «*Пожалуйста* покушай» — Дем. Уха 1813 г. Хемницеръ пишетъ Державину 5 марта 1781 года (Бум. Державина № 22, статья № 88): «Кажется, мы домъ вашъ знаемъ, то скажите *пожалуйте*, какіе вы хоть изъ воротъ, хоть изъ окошекъ видите монументы». В. А. Озеровъ въ письмѣ къ А. Н. Оленину изъ с. Казанскаго Зубцовскаго уѣзда, окт. 12, 1808 года (см. автографы Озерова. Публ. Библ. Это письмо напечатано въ Рус. Архивѣ 1868 г.) пишетъ: «Милостивой Государынѣ Елисаветѣ Марковнѣ *засѣдательствуйте пожалуйте* мое совершенное почтеніе... То *пожалуйте* объ нихъ мнѣ *сообщите*». Въ письмѣ 23 ноября 1808 г. читаемъ: «Если будете имѣть случай писать къ нему, *изясните пожалуйте* ему мою благодарность». Карамзинъ пишетъ брату изъ Москвы 29 дек. 1814 г. (Письма. Публ. Библ.): «*Пожалуйте* *перешлите* письмо мое». Въ журн. «Вечерняя Заря» 1782 г. ч. III. стр. 246 находимъ: «*Пожалуй* *отяжись* ты отъ меня съ наукой» («Рондо»). Въ «Соб. люб. рос. слов.» 1784 г. ч. XI. стр. 170 читаемъ: «Какъ нестыдно тебѣ, братецъ, ходить съ лягушкою; *отяжись* *пожалуй* *отъ нее*» (Маскерадъ). Въ журн. «Почта Духовъ» 1789 г. ч. I. стр. 205: «прошу васъ, *пожалуйте* *разскажите* мнѣ». Въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» 1804 г. ч. III. стр. 83 читаемъ: «*Пожалуй* *сдѣлай* одолженъе» («Попугай и птицы»). Нынѣ мы сказали бы и такъ: «пожалуйста, покушайте»; но съ 1-мъ и 3-мъ лицами слово «пожалуйста» не соединяется не-

1) Ср. у него же: *пожалуй* скажите, или у Аблесимова, Мельникъ 1779: «да вотъ, *пожалуй*, я и еще дамъ».

посредственно. Срв. согласованіе въ лицахъ: «Сколько *пожалуешь*, по своей милости *бросишь*» — Интерлюдіи XVIII вѣка (Лѣтоп. р. лят. 1859 г. Кн. III. стр. 46). Съ присоединеніемъ *-ста*: «*пожалуйста*, бачко! *прости*»! *ibid.*

Теперь посмотримъ употребленіе слова «*чаю*» — «*чай*». Въ журн. «Зритель» 1792 г. ч. II. Авг. стр. 314—315 читаемъ: «*Я чаю* городъ весь вашъ провонялъ свинымъ жиромъ». Въ журн. «СПБ. Меркурій» 1793 г. I. стр. 238 читаемъ: «*Я чаю* вѣрила душою». Но: «И спорить въ томъ со мной ни кто, я *чай*, не смѣтъ» *ib.* 250. Или: «*Я чай* подумалъ ты, что гору встрѣтилъ» — Крыловъ «Любопытный» 1814 г. «*Чай* вѣдь всякаго щеголика самый деликатесь» — Зригель 1792 г. II. Авг. 315. Нынѣ «*чай*» соединяется со всѣми лицами обонхъ чиселъ, оставаясь неизмѣняемымъ, какъ частицы *тодѣ*, *де*, *могъ* и проч., которыя когда-то были цѣлыми вводными предложеніями, какъ и «*чай*», ставшее частицей, придающей сказуемому предложенію отгѣнокъ личнаго мнѣнія, находимаго вѣроятнымъ со стороны говорящаго лица.

- 6) Останавливаетъ на себѣ вниманіе также употребленіе мѣстоименія *который* въ одномъ предложеніи (въ придаточномъ опредѣлительномъ) со словомъ опредѣляемымъ: «за *который* подарокъ благодарствую» — 1707 г. ¹⁾ «*который* листъ переправя, вклеили мы въ книгу» — 1709 г., «*которому* *дѣлу* единъ Богъ руководомъ былъ» — 1715 г., «Съ *которымъ* *желаніемъ* я сіе окончаю» — 1708 г. Нынѣ этотъ оборотъ исчезъ, такъ какъ мѣстоименіе *который* въ такихъ случаяхъ стоитъ не въ одномъ предложеніи съ опредѣляемымъ словомъ, а именно — въ придаточномъ.
- 7) Прежде возможно было обходиться въ отрицательномъ предложеніи *однимъ* отрицаніемъ, не повторяя послѣдняго при глаголѣ: «ни въ чемъ обучаешься» — 1715 г., «чего для никогда бывала... конюшня» — 1715 г., «ничто сіе успѣло» — 1715 г., «ни противъ кого стоять могли» — 1716 г., «ника-

1) При ссылкѣ на года мы не повторяемъ уже приведенныхъ ранѣ заглавій памятниковъ.

кого добра изъ онаго ожидать возможно»—1716 г., «ничего важнаго предпринять могъ»—1716 г.

Въ лексикѣ мы наблюдаемъ слѣдующія потери:

- 1) Глаголы: «*ставить*» въ смыслѣ «считать», «вмѣнять»: «въ чудо не *ставили*»—1706; «*чинить*» «*чинить*» въ смыслѣ «дѣлать», «оказывать», «производить»;—«*сочинять*» въ смыслѣ «составлять», «слагать»: «*чини* всякое вспоможеніе»—1707 г. Срв. въ письмахъ Петра 1697 г., 1705 г. и др. Въ языкѣ Петрова времени: «отъ оныхъ варваровъ весьма безопасно *сочинилъ*»—1720 г., «*сочиняетъ* всѣхъ храбрыхъ» *ib.*, «*учинилась* весьма полезною» — Иппокрена 1799, I. стр. 63. — «*покорствоватъ*» въ смыслѣ «повиноваться»: «онъ *покорстуетъ* и упавъ съ нею и съ двумя дѣтьми къ ногамъ государя своего преклоняетъ его на милость» — Рос. Магаз. 1792, I. 507, «*Покорстуетъ* ему въ безмолвіи глубокоу, Да будетъ всякъ изъ насъ своимъ доволенъ рокомъ» — Иппокр. 1799, I. 135. Срв. у Каменева въ «Громвалѣ» 1802 г.: «Рыцарь печальный, *покорстуетъ* судьбѣ»..... Этотъ глаголъ, кажется, исчезъ вмѣстѣ со смертью Пушкина. См. у него: «Венерѣ отъ Лаясы»—1814 г., «Къ молодой актрисѣ»—1814 г., «Бова»—1815 г., «Элегія»—1816 г., «Деревня»—1819 г., «Платонизмъ»—1820 г., «Къ Овидію»—1821 г., «Евгеній Онѣгинъ»—VII гл. 1828 г. — *удовольствоватъ* въ смыслѣ «удовлетворить»: «Точность сія не могла *удовольствоватъ* тѣхъ»—Пр. и пол. пр. вр. 1794, II. 96, «Очень бы я радъ *удовольствовалъ* ваше любопытство» — Почт. Дух. 1779, I. 204, сл. Чт. для вкуса 1791, IV. 89, «тѣмъ менѣе чувствовать въ себѣ способности ихъ *удовольствоватъ*» — Письмо Каменева 1800 г. Окт. 10-го. Срв. и производныя: «*удовольствованный*» = удовлетворительный въ Моск. Вѣд. 1790 г. № 88. Въ значеніи «*довольствоватъ* все его войско» употребляется и понынѣ это слово въ казенныхъ бумагахъ. (См. статью Грота: «Карамзинъ въ исторіи рус. литер. языка». Фил. Раз. СПб. 1885, 74 въ прим.). Различныя видовыя образованія глаголовъ, нынѣ уже неупотребительныхъ въ литературномъ языкѣ, свидѣтельствуютъ о движеніи языка литературы и о прежнемъ его состояніи. Такъ, напр., мы

имѣемъ цѣлый рядъ безпрефиксныхъ образованій, извѣстныхъ нынѣ уже исключительно или большею частью съ префиксами; тѣмъ не менѣе эти старыя безпрефиксныя образованія совершенно допустимы съ теоретической точки зрѣнія, какъ о томъ свидѣлствуютъ оставшіяся донынѣ въ литературномъ языкѣ другія образованія отъ соответствующихъ глагольных или именныхъ основъ. Вотъ почему такія образованія въ старомъ литературномъ языкѣ, не находя для себя оправданія въ живомъ употребленіи народнаго языка, не удержались и въ позднѣйшемъ, современномъ намъ литературномъ языкѣ, а въ эпоху ихъ употребленія въ литературномъ языкѣ составляли принадлежность отдѣльных писателей. Таковы, напр., образованія: *щититься* (срв. щить, нынѣ только: *защититься*), *претѣтъ*, *спокоить* (срв. покойно и покойно, спокойствіе, стар. спокойство; нынѣ только *успокоить*...), *лститься* (срв. лстить, нынѣ: *прельститься* и под.). Вотъ примѣры: «И отъ сатиръ *щититься* злыхъ» — Моск. Журн. 1791, I. Видѣніе Мурзы Державина, стр. 14.

«Заниматься намъ *претѣтъ*

Щастьемъ, славой, красотами». Моск. Журн. 1792. V. 4. Тщета.

Срв. *вос-претить*, *за-претить* и друг. Срв. діал. *претѣтъ* = вызывать отвращеніе. «Я шель *спокоить* духъ» — Сѣверн. Вѣстникъ, 1804 г. ч. II. стр. 226, Стихи Козловскому. То же есть и у Пушкина, «Не *лстись* учинить презрѣнною (меня)» — Чтеніе для вкуса... 1791. IV. 138. Нынѣ: «не лсти себя надеждою сдѣлать»... или: «не обольщайся» и проч. под. Вм. «лщю себя» прежде употреблялось *ласкаясь*: «*ласкаясь*, что онъ позабудетъ» — СПб. Вѣстн. 1780, 2-ое полуг. VI. 273. О глаголахъ: *упражняться* и *упражнять*, *влиять*, *приблизжиться* была уже рѣчь выше. Значеніе глагола *объявить* во фразѣ: «Сердце *объявило* себя въ пользу Дюклосо» (Чтен. для вкуса 1791, IV. 116) понято въ этимологическомъ смыслѣ = «сдѣлать явнымъ», нынѣ сказали бы: высказать, открыть словесно. Глаголъ *поставлять*: «Первымъ упражненіемъ для человѣка *поставляютъ* познаніе себя» (Веч. Заря 1782, I. 3), нынѣ «ставятъ». Вообще видовое образованіе—«ставлѣть» непремѣнно съ префиксами отъ простого глагола «ставить» имѣетъ нынѣ не

только этимологическое значение, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ, но и чаще переносное: *со-ставлять* (стулья и статьи), *по-ставлять* (только «снабжать», ср. поставщикъ), *до-ставлять* (только «приносить», «привозить»). Народный глаголъ, нынѣ уже замѣняемый часто другимъ, имѣемъ во фразѣ: «А ежели ему *попритчится* хоть мало» (Живописецъ 1772 г. II. 335, отъ сущ. *притча*), нынѣ: «покажется». Вм. нынѣшняго «отозваться», «раздаться эхомъ» употреблялось слово *отрянуто*: «одно имя соловья Бояна *отрянуло* въ потомствѣ»—Пол. Звѣзда 1823, стр. 6. Вм. «списовывать» употреблялось слово *списывать* (ср. живописецъ): «если *списывать* Кусково, то надлежало въ этотъ день»—Рос. Магаз. 1792, I. 505. Замѣтимъ отжившій также оборотъ «*нашелся въ состояніи*»: «я нашелся въ состояніи»—Соб. л. р. сл. 1784, XIII. 10 (сл. нѣм. *befinden sich*, нынѣ: оказался или нашелъ себя или почувствовать себя). Гл. *распоряжатъ* въ другомъ синтактическомъ употребленіи, чѣмъ нынѣ: у Карамзина въ И. Г. Р.: «Дмитрій бодрствовалъ и *распоряжалъ* хладнокровно». Т. IV, гл. I. стр. 9 (Изданіе Эйнерлинга. СПб. 1842). Также у Сумарокова въ баснѣ: «Совѣтъ боярскій»: «*Распоряжайте* вы, а мой совѣтъ такой». У Княжнина: «ты *разпоряжася* и побѣдителями и побѣдами» (Публ. б. F. XV. № 15. 9). У Крылова: «какимъ образомъ намъ всѣо это *распорядитъ*» (Сонн. порош. 1798 г.). Сл. также древнее управленіе глагола *рунаться*: «Но старый котъ, *руная* прозбами мыши, съѣлъ ее» Княжнинъ (Ритор. F. XV. № 15. 5). Подобное управленіе видно въ «ты не весьма *уважася тѣмъ промысломъ*, въ которой я вступить намѣреваюсь»—Почт. Дух. 1789, I. 215. Или «Они смертельно *скупаютъ тѣмъ*, что другихъ увеселяетъ» ib. II. 5. Сл. Живописецъ 1772, II. 392. «Кто разслабленный праздностью и роскошью летитъ отъ забавъ къ забавамъ и *еслыми скупаютъ*»—Пріят. и п. преп. вр. 1794, II. 4. Отмѣтимъ наконецъ форму повел. наклоненія: «Тѣ которые знаютъ причины возвышенія народовъ... *да скажутъ* намъ»—Соб. л. р. слов. 1783, VII. 172.

- 2) Въ области именъ существительныхъ многія потерялись или замѣнились другими, съ другими словообразовательными

частями: такъ, едва ли не болѣе всего переи́мъ произошлю съ существительными на *-ство* и *-ствоіе*. Прежде мы встрѣчали *чувствоіе* (въ «Соб. люб. рос. слов.» 1783 ч. IV. 6: *чувствоіе*, въ «Пол. препр. врем.» 1794 ч. I. 27: «Амарилла подходитъ съ *чувствоіемъ*»), нынѣ только *чувство*, но: *сочувствоіе*; наоборотъ: прежде *препятство*, нынѣ только *препятствоіе* (въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1804 г. ч. II. 229: «Когда безчисленны встрѣчая ты *препятства*»); прежде *отечествоіе* (1708), нынѣ: *отечество*; прежде *бѣдство*, нынѣ: *бѣдствоіе*, напр. «А новы *бѣдства* научаютъ» — Иппокр. 1799, I. 271, «что *бѣдства* твердости съ души не могутъ стерть, что униженіе предпочитаетъ смерть» — Озеровъ, Поликсена (Рук. Публ. библи. III. 4), «не страшася *бѣдствъ*» — Соб. л. р. слов. 1783, X. 6; прежде *пріятство* (Иппокр. 1799, I. 10. 292. «не въ трепетѣ рабовъ *пріятство* зря Короны» — ib. 139), нынѣ этого слова совсѣмъ нѣтъ: вмѣсто него въ извѣстномъ смыслѣ можно употребить «*пріятность*»; прежде *спокойство*, нынѣ — *спокойствоіе* (Въ бумагахъ Жуковского № 1 Публ. библи. есть «Журналъ» дневникъ автора, въ которомъ читаемъ подъ 9 іюля 1805 г. «*спокойство* и *щастіе*»). Правда, что уже въ XVIII вѣкѣ извѣстны эти слова съ обоими суффиксами, но теперь они возможны только съ однимъ изъ суффиксовъ. Срв. *сладство* — Зритель 1792, Май, стр. 9, нынѣ — *сладствоіе* и друг. под. Эти образованія извѣстны и Пушкину, но нынѣ мы говоримъ только *бѣдствоіе*, *спокойствоіе*, хотя только *безпокойство*. Въ XVIII—XIX вѣкѣ, какъ показываютъ памятники литературнаго языка того времени, языкъ еще не остановился на выборѣ того или другого изъ суффиксовъ при данной основѣ слова. Въ современномъ литерат. языкѣ мы имѣемъ образованія, предполагающія существованіе нѣкогда разнообразныхъ видовъ словъ съ параллельнымъ одновременнымъ присутствіемъ въ нихъ то одного, то другого суффикса при тождественности значеній. Такъ, прежде были одновременно: *чувство* и *чувствоіе*, *спокойство* и *спокойствоіе* и др., между тѣмъ какъ въ современномъ языкѣ есть *чувство*, но нѣтъ *чувствіа*, а рядомъ съ этимъ есть слово *сочувствоіе*. Ясное дѣло, что слово *сочувствоіе* современнаго намъ языка пред-

полагаетъ собою слово *чувствіе* стараго языка, слово, которое мы и находимъ дѣйствительно въ языкѣ XVIII—XIX вѣка. Срв. *спокойствіе* и *безтокойство*, *бѣдствіе* и *бѣдствовать*.

Упомянемъ еще нѣсколько существительныхъ въ формахъ, нынѣ исчезающихъ: «почувствуй *пламень* сей мечты» — Аониды 1797, II (Мечта), «*Пламень* любви» — Пол. зв. на 1823 г. (ст. Бестужева) Слово *человѣкъ* во мн. числѣ: «я вижу, вижу въ *человѣкахъ*» — Аонид. 1797. II. (на конц. благотв.), «Другъ *человѣковъ*» ib., «но сколь несчастны *человѣки*» ib., сл. выше стр. 91; «четыре *скирда*» Моск. ж. 1791 г. III. 33 (нынѣ больше ж. р. *скирдá*). «Поставлять себя замѣчателямъ ихъ *поступокъ*» Утр. Час. 1788, II. 37—8 (это или род. пад. безъ окончанія -*овъ* или ж. р. «постѣпка»; сл. походка, поѣздка и т. д.). *Позорище* вм. зрѣлище: «театральныхъ *позорищъ* маскарадовъ» Почта Дух. 1789, II. 3. Нынѣ вышло изъ употребленія слово *людкость* въ значеніи «общительность», которое встрѣчаемъ въ «Разсужденіи» Шафирова 1717 г., въ Иппокр. 1799, I. 75.

- 3) Въ области именъ прилагательныхъ останавливаютъ наше вниманіе слова: *любезный* (нынѣ «дорогой»), *семейственный* (нынѣ «семейный»): у Карамзина «любятъ *семейственныя* удовольствія» — В. Е. 1802 г. № 12, «О воспитаніи». Или: «*семейственнымъ* выгодамъ» — Иппокр. 1799, I. 321. У Жуковского: «она узнала бы цѣну *семейственнаго* щастія», «Наслажденіе *семейственною* жизнію» (Бум., Журн. 1805 г. 9 іюля). У Пушкина: «*семейственнаго* спокойствія» — Письмо къ женѣ 14 іюля 1834 года; *подлый*, нынѣ «низкаго званія», «простого сословія»; напр., «съ вами будутъ поступать, какъ съ *подлыми*» — Записки кн. Н. Б. Долгорукой 1767 г., «ему казалось *подло* съ нами и говорить» ib. «Гнусно дворянину завидовать благополучію *подлѣйшихъ* себя» — Кантемиръ, На зависть и гордость дворянъ, 1729 г. То же у Ломоносова и Сумарокова. То же въ журн. Иппокрена 1799, I. 81. 186. Или въ Цвѣтнякѣ 1810 г. ч. V. стр. 14: «видъ заимствованный изъ *подлѣйшей* черни»; на стр. 16: «*подлой* черни». Такимъ образомъ, несмотря на Карамзина (см. статью Грота «Карамзинъ въ исторіи р. лит. языка».

Фил. Раз. 1899⁴, стр. 80), это слово еще было въ полномъ ходу, а потому примѣчаніе Грота на стр. 80 его статьи о Карамзинѣ подѣ № 4, гдѣ сказано, что слово «*подмѣй*» извѣстно еще въ 1792 году въ старомъ значеніи, слѣдуетъ исправить въ томъ смыслѣ, что слово «*подмѣй*» было употребительно въ старомъ значеніи даже еще въ первой четверти XIX-го столѣтія. Далѣе остановимся на оловахъ: *типографическій* — Новиковъ, «Живописецъ» 1780 г. (нынѣ — типографскій); *публичный* (нынѣ «общественный»): «*публичная должность*» — Иппокр. 1799, I. 56, «касающіяся до нарушенія *публичнаго* спокойствія» — *ib.* 85, «не лишай себя ...*публичнаго* уваженія» Чтен. для вкуса 1791, IV. 133; *особливый* (нынѣ «особенный», «отдѣльный»): «Сверхъ того есть здѣсь *особливия* ученыя общества» Моск. Журн. 1791, III. 43, «получаютъ они весьма скоро достовѣрныя извѣстія о всѣхъ *особливыхъ* политическихъ и торговыхъ случаяхъ цѣлаго свѣта» — Иппокр. 1799, I. 50, «домъ безъ *особливыхъ* воротъ» — *ib.* 57, «въ *особливой* цыдулкѣ писалъ» — Записки кн. Шаховского изд. 1810 (до 1766 г.).

Пристойно: «*Пристойно* мы можемъ его уподобить славному Бакону» Соб. люб. р. сл. 1783, VII. 173. *Надобно*: «*надобно* только слѣнной страсти, только одной минуты обмана, чтобъ превратить молодого человѣка въ преступника» Чтен. для вкуса 1791, IV. 142 (вм. «надобно» мы говоримъ «довольно»). *Довольно* вм. «достаточно», «въ надлежащей мѣрѣ»: «знакомые мои полагаютъ во мнѣ *довольно* знанія» Соб. л. р. с. 1784, XIII. 6. «Ты бѣ могъ въ писаніи искусенъ быть *довольно*» Сумароковъ Еп. о. р. яз. 1748. Сл. у Грота *ib.*

Удобенъ: «*Удобенъ* чувствовать чѣмъ щастливъ смертныхъ родъ» Соб. л. р. сл. 1783, X. 6, «Воспѣть дѣла твои и часть блаженну Россю *удобенъ* развѣ бѣ былъ великій Ломоносовъ» *ib.* «Оно (названіе) *удобно* жребій сочиненія рѣшать» *ib.* 1784, XIII. 7; «Кто Россійской громкой славы не *удобенъ* въ рогъ звучать» *ib.* 1783, VI. 21, «ты искушаешь того, которой *удобенъ* согласиться на все» — Иппокр. 1799, I. 188, (нынѣ «способенъ»). «Единый часть, одно мгновеніе *удобны* царство поразить» Державинъ I. 483. Въ смыслѣ «своевременный»:

«Но если онъ водой своей *удобно* всѣхъ не наполяетъ» Водопадъ I. 472. Срв. *способный*, *способенъ*: «въ *способныхъ* мѣстахъ» — Воин. Уставъ 1716, «вътрѣ *способный*» — Кантемиръ, Фил. и Евг. 1729. «Иль наконецъ сказать каковъ *способенъ* русскій» (языкъ) — Сумароковъ, Еп. о рус. яз. 1748. Срв. народное «*способный*» — южно-великорусское — «пригодный», «удобный», «ловкій»: «такъ сидѣть *неспособно*» (= неудобно); «*неспособно* править вожжами» и проч. У Жуковского читаемъ: «не упускать ни одного *способнаго* случая» (Бум. № 1, журн. 1805 г.). Срв. «*способіе*» = лѣкарство, помощь, въ Орл. губ. Брян. уѣзда. Далѣе, замѣтимъ употребленіе прилагательныхъ: *знатный* = извѣстный, легко замѣтный, крупный; *незнатный* = внезапный; и *персональный* = личный. Напр., «прибить дощечка... дабы всѣмъ она *знатна* была» — Посошковъ, О скуд. и богатствѣ, 1724 г. Срв. у Кантемира Фил. и Евг. 1729 г.: «Что за другими тебя и въ пару не *знати*». Или: «Ниже мѣста того *знать*» — Записки Нат. Бор. Долгорукой 1767 г. «Что только по травѣ росистой ночные *знать* его шаги» Державинъ, Водопадъ, I. 468. Или: «на *знатное* разстояніе» СПб. Вѣстн. 1778, 1-ое полуг. I. 226; «получилъ *знатную* сумму денегъ» — Иппокрена 1799 г. I. Стр. 18. Въ народныхъ говорахъ и теперь это слово имѣетъ значеніе «примѣтный», «видный» въ смыслѣ физическомъ: срв. «мѣсто то и донинѣ *знать*», «у него на лицѣ *знатки*» (= значки, примѣты) — Ряз. Скоп. у. Срв. въ литературномъ языкѣ XVIII вѣка: *знаемость*, *знаемый* вм. знакомство, знакомый (Зап. кн. Шаховского и друг.). «*Персональные* кредиты» — Зап. князя Шаховского. «Что съ ними дѣлалось въ *незнатной* ихъ судьбинѣ» — Сумароковъ, Дм. Самозв. 1771. «Жду *незнатныя* премѣны» *ibid.* То же даже у Пушкина (см. II вып. моего «Опыта Грамматики», СПб. 1902, стр. 75). Къ этимологическому значенію слова «*пиръ*» мы имѣемъ слѣдующій примѣръ: «сосѣди имѣютъ *питейныя* пиры» СПб. Вѣстн. 1778, 1-е полуг. I. 226. Вм. нынѣшняго «мучнистый» прежде говорили *муристый*: «сѣмена которыя папедъ *мучистыми* и питательными» *ib.* 2-ое полуг. IV. 7. Прежде, кажется, говорили и писали *несъемое* вм. *насъемое*, такъ, по крайней

мѣрѣ, это слово вездѣ напечатано въ статьѣ: «О нѣкоторыхъ *несъязычныхъ*, кои полезны къ крашенію» («Ежемѣсячныя сочиненія», Апрель 1757 г., стр. 369—381). Сл. «Все, что жизнь имѣетъ, отъ малѣйшаго не примѣтнѣйшаго *несъязычнаго* даже до человѣка» СПб. Вѣстн. 1779, 2-ое полуг. IV. 3. Но уже въ Иппокренѣ 1799, I. 244 и II. 4: «*насъязычное*». Такое словообразованіе и произношеніе весьма вѣроятно въ періодъ установленія языка литературы и науки. Срв. значеніе префикса *in* въ лат. словахъ: *commodus* и *incommodus*, *certus* и *incertus*, *posens* и *innosens*, *sanus* и *insanus*, *insania*, *inseparabilis* и проч. Вотъ почему слово *insectus* могло быть по-русски передано словомъ *несъязычное*. Дѣйствительно, этотъ періодъ жизни русской литературы былъ періодомъ, въ который слагался нашъ литературный русскій языкъ, какъ видно изъ всей дѣятельности Ломоносова, изъ споровъ карамзинистовъ и шишковистовъ и проч. Потребовался почти цѣлый вѣкъ борьбы, работы и усилій со стороны представителей разныхъ воззрѣній на литературу и языкъ, чтобы получилось относительное единство языка образованнаго общества и литературы.

Неологизмы создавались въ эту эпоху довольно часто подъ перомъ нашихъ литераторовъ, и многіе изъ этихъ неологизмовъ вошли въ дальнѣйшее употребленіе (См. статью Грота: «Карамзинъ въ исторіи р. лит. языка». Фил. Раз. 1899⁴). Вотъ что, напр., мы читаемъ у Клушина въ его примѣчаніи къ стихамъ Мартынова въ СПб. Меркуріи 1793 года, I. 229: «*небосклонъ*» — «слово вновь произведенное». Слѣдовательно, до этого времени слово «небосклонъ» и не было извѣстно въ литературѣ, а нынѣ оно стало ходячимъ и въ литературѣ и въ разговорѣ. Отсюда мы заключаемъ, что не только первостепенные литераторы XVIII—XIX вѣка удачно пополняли лексическій составъ литературнаго языка, но и писатели менѣе выдающіеся.

Лексикологія языка нашей «изящной» литературы къ концу XVIII вѣка представила довольно богатый матеріалъ для историка литературнаго русскаго языка и можетъ въ этой исторіи составить смѣло особую большую главу по исторіи словообразовательныхъ элементовъ въ ихъ сочетаніи съ

основами именъ и глаголовъ. Большинство такихъ словъ уже вышло изъ употребленія частью потому, что основы ихъ стали употребляться съ другими словообразовательными составными элементами, частью потому, что утратилось старое значеніе этихъ словъ. Поэтому мы не будемъ приводить при всякомъ словѣ оправдательнаго примѣра изъ старыхъ журналовъ, а будемъ проставлять только названіе журнала, годъ, № и страницу. Иногда, впрочемъ, оправдательные примѣры необходимы, и потому до сихъ поръ мы всегда ихъ приводили, хотя и увеличивали этимъ объемъ своего труда. Мы ограничиваемся здѣсь перечисленіемъ словъ, о которыхъ еще не было рѣчи въ предыдущемъ изложеніи. Итакъ, мы имѣемъ: *Бережь*: «По его мнѣнію невинность предковъ состояла единственно въ *бережи*» — Чт. для вкуса 1792, VII. 193. Нынѣ: бережливость. *Ссылочный* вм. ссыльный: «супругѣ *ссылочнаго*» — Чт. для вкуса 1792, VIII. 38. *Сожалительно* вм. жаль: «*сожалительно*, что»... — Соб. 1783, X. 170. Рос. Магаз. 1792, I. 506. «*Сокрушительно* о томъ мыслить» — у Озерова къ Оленину 1809 г. *Скоротиблющи* вм. недолговѣчны: «Всѣ земныя утѣхи и увеселенія *скоротиблющи*» — Чт. д. вк. 1793, X. 7. *На прикладъ* вм. на примѣръ. Срв. польск.: *na przykład*.

«Ну чтожъ? за чѣмъ же дѣло стало!
На прикладъ кинемся къ богамъ».

Соб. люб. 1783. X. 165. Здѣсь и удареніе польское, хотя, можетъ быть, это обусловлено размѣромъ стиха. Срв. въ «Недорослѣ» Фонвизина 1782 г.: «изволигъ ты, *наприкладъ*, идти по дорогѣ со мною»... «На дорогѣ, *наприкладъ* же, триста рублей»... Д. III, явл. 7.

Досталный вм. остальной: «Я вамъ и *досталное* сообщу» — Соб. люб. р. слов. 1783, VII. 167. «*Досталные* 10000 рублей» — Почта Духовъ 1789, II. 231, 1789, I. 201. *Господчикъ* вм. господинчикъ: «вошелъ къ намъ тотъ самый *господчикъ*» — Соб. 1784, XI. 169. Срв. Живописецъ 1772 г. I. 43 и др. (множ. ч.). *Крайній* вм. близкій: «нѣкто изъ *крайнихъ* пріятелей моихъ» — Соб. 1784, XI. 169. *Поряdochный* вм. регулярный (еще у Петра В.): «устроиваются *порядочные* полки» — Соб. 1783, VII. 171. «Такъ и

духовныя силы должны приведены быть въ *порядочное* дѣйствіе данными дѣлами» — Моск. Журн. 1792, VI. 171. «У нѣкоторыхъ сложеніе такъ *порядочно* расположено» — Веч. Заря 1782, I. 94. «Чтобъ дѣло было разобрано *порядочнымъ* образомъ» — СПБ. Вѣстн. 1780 г. 1-е полуг. ч. V. стр. 111. Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ языкъ XVIII вѣка придагъ слову «порядочный» уже значеніе не «регулярный», какъ было въ эпоху Петра (въ этомъ значеніи слово это относится къ слѣдующему отдѣлу — «старыхъ словъ»), а значеніе «цѣлесообразный», «стройный», «закономѣрный», «соотвѣтственный», «соотвѣтствующій идеѣ, достоинству» и т. п. «Порядокъ» отъ основы ряд- заключаетъ въ себѣ этимологическое значеніе: «построенный по рядамъ», «рядовой» и под. Или: «построенный согласно договору, правилу», — значить: «порядокъ» = «строеніе, устройство по ряду или по правилу». Въ такихъ значеніяхъ это слово принадлежитъ къ словамъ отдѣльныхъ писателей XVIII вѣка. *Общественный* вм. принятый обществомъ, въ обществѣ. *Прилагательный* вм. приложимый: «обвиняли его по правиламъ *общественнымъ*, кои не всегда къ народоуправленію *прилагательны*» — Соб. 1783, VII. 173. Срв. въ «Недорослѣ» Фонвизина: «Котора дверь? Эта? *прилагательная*... потому что она приложена къ своему мѣсту. Вотъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та пока мѣсть существительна» Д. IV, явл. 8 (Это — образецъ народной этимологіи). Нынѣ это слово — только грамматическій терминъ, но прежде его, повидимому, писатели хотѣли осмыслить и использовать для цѣлей литературной рѣчи. Я полагаю, что Фонвизинъ вложилъ въ голову Митрофанушки такую догадку, исходя изъ факта попытокъ употребленія слова «прилагательный» въ литературѣ въ смыслѣ «приложимый», какъ показываетъ примѣръ изъ Соб. люб. рос. слов. (органъ Академіи Наукъ того времени). *Отгадатель* вм. отгадчикъ (у Грибоѣдова въ «Горѣ отъ ума». 1823 г. Д. I, явл. 9); срв. *гадатель*: «Считаюсь самымъ острымъ *отгадателемъ* загадокъ» — Соб. 1784, XIII. 6. *Скупяга* вм. скупецъ, скупой: «Заводчиковъ, *скупягъ* и знатныхъ шалуновъ» — Моск. Журн. 1791 г. I. 22, Червонецъ и

полушка. «Напгъ *скупля* радъ» — Пок. Трудол. 1784 г. I. 214. *Удобностъ* (во мн. ч.) вм. удобство: «*Удобности* жизни» — Моск. Журн. 1791 г. IV. 51 (У Карамзина: Письма р. пут. Стразбургъ). *Мирный судья* вм. мировой: «есть нѣсколько такъ называемыхъ *мирныхъ судей*» — В. Е. 1803, VIII. 62. 64 (О криминальномъ судопроизводствѣ въ Англіи). Подчеркнутое здѣсь выраженіе относится къ исторіи слова «*мировбй*» въ нашемъ литературномъ языкѣ. *Наружности* вм. внѣшность, все внѣшнее; употр. во множ. числѣ: «Не можетъ сквозь него въ тебя проникнуть свѣтъ, Къ *наружностямъ* тебя желаніе влечётъ» — Пок. Трудол. 1784, I. 76. Стансы.

Игралище вм. игрушка (есть и у Пушкина): «Быть вѣчно *игралищемъ* судьбы» — Пок. Трудол. 1785, III. 94. Совѣсть. «Быгъ *игралищемъ* злобы людей» — Аглая 1795, II. 17 (Сиерра-Морена). *Сходственный, несходственный* вм. допустимый, недопустимый или простибельный и непростибельный: «Два одинъ другому противорѣчуція суда: одинъ, который судить, что дѣйствіе *сіе сходственно*, а другой, который признаетъ его *несходственнымъ*...» — Веч. Заря 1782, II. 180. *Очевидный* вм. очевидецъ, свидѣтель: «Быгъ самъ *очевиднымъ* свидѣтелемъ» — Сѣв. Вѣстн. 1804. IV. 296, О званіи актёра.

Прилавокъ — это слово Майковъ употребляетъ еще въ старомъ значеніи этимологическомъ: отдѣленіе лавки, находящееся *при лавкѣ*, маленькая лавочка. *Надзираніе* вм. надзоръ: «всегда подъ *надзираніемъ* женщинъ» — Сѣв. В. ib. *Отличность* вм. отличіе: «Не были почтены никакою *отличностью*» — Пр. и пол. пр. врем. 1794, II. 96. *Поверхнее* вм. поверхностное: «Онѣ получаютъ *поверхнее* свѣдѣніе» ib. 1794, IV. 111. *Вообразительный* вм. возбуждающій воображеніе: «Не одни *вообразительныя* ожиданія» — СПБ. Вѣстн. 1779, 1-е полуг. ч. III. 7. *Взаимственный* вм. общій, заимствованный: «придавалъ имъ... *взаимственный*... вкусъ» — СПБ. Вѣстн. 1779, 2-е полуг. ч. IV. стр. 4. *Упружность* вм. упругость: «придаетъ новую *упружность* твоей крѣпости» — СПБ. Вѣстн. 1780, 2-е полугодіе. Ч. VI. 185. *Учтивоство* вм.

учтивость: «Наставленія въ тонкомъ *учтивостѣ*» — Моск. Меркурій 1803, I. 5. *Учтивости* мн. ч. вм. ед. ч. (нынѣ только ед. ч.). *Любопытнѣ* вм. любознательно, изъ любви къ знанію: «Я очень *любопытнѣ* желаю бы услышать отъ васъ»... Почта Духов. 1789, I. 204.

Степень — муж. р. вм. степень — ж. р.: «все... собрано было въ *превосходнѣйшемъ степени*» — Утреш. Часы 1788, II. 32. Это и у Ломоносова. Однако срв. тамъ же: «на *высочайшую степень*» — ib. 34. *Простолюди́мъ* говорили прежде вм. нынѣшняго *простолюди́нъ* (сл. *люди́мъ* въ *нелюди́мъ* при существ. *люди́нъ*): «*простолюди́мы*... помирали со смѣха» — Рос. Магаз. 1792, I. 506; *пренебрегательный* вм. пренебрежительный: «Къ людямъ, принимающимъ наши *учтивости* съ *пренебрегательнымъ* видомъ»... Утр. Часы 1788, II. 35. *Замѣчателѣ* вм. надзиратель, наблюдатель: «*Поставлять* (см. выше стр. 116) себя *замѣчателемъ* ихъ *поступковъ*» — Утр. Часы 1788, II. 37—38. *Шелли́вый* вм. шаловливый (отъ сл. *шалѣ* — *шалитѣ* — *шалость*; вм. *шалли́вый* по закону акающихъ говоромъ; срв. *жакетъ* — *жэкетъ* — *жыкетъ*; *шалунъ* — *шэлунъ* — *шылунъ*; шампанское — *шэмпанское* — *шымпанское*; *чахоль* — *чехоль* — *чихоль*, *чахотка* — *чехотка* — *чихотка*, откуда по созвучію съ *чяхать*, *чихнуть* — смѣшеніе понятій болѣзни и *чиханья*; *шалли́вый* — *шэлли́вый* — *шылли́вый*. Срв. *шылить* и *под*. Срв. еще: *лбшадѣ* — *лбшедѣ*; *плбщадѣ* — *плбщедѣ*, откуда *плбщедно́й*, *подьячій*, въ грамотахъ и проч.): «Отъ нянюшки *шелли́вому* дитяти» — Соб. люб. р. слов. 1783, I. 16. *Робя́тскій* вм. ребячій: «игрушкою своею, *робятской* суетою» ib. 21. *Пригожа́йка* вм. красотка, красавица: «Сидѣли особнякомъ рускія *пригожайки* въ фатахъ» — Рос. Маг. 1792, I. 505. *Словосложность* вм. сложеніе словъ: Полярн. Звѣзда на 1823 г., стр. 2. *Сообража́тельный* вм. сообразительный. Срв. выше: пренебрегательный и вообразительный... «Имѣя взглядъ бѣглый и *сообража́тельный*» ib. 25. *Танцова́ніе* вм. танцы: «искусство въ *танцovanіи*» — Рос. Маг. ib. 508. *Недовѣреніе* вм. недовѣріе: «*недовѣреніе* къ зрѣнію своему» ib. 508. *Ужасность* вм. ужасъ: «Какая *пѣснь* возможетъ славить *Ужасность*

гнѣва твоего» — Аглая 1794, I. 25. *Распуство* вм. *распутство*; *распустной* вм. *распутный* — одно образованіе отъ основы: пуст-, а другое — отъ пут-. Но можетъ быть, что распуство изъ распутство, какъ дѣство изъ дѣтство, препятствіе изъ препятствіе, чувство изъ чувство и под. Но «распустной», кажется, дѣйствительно предполагаетъ основу пуст-: «То былъ Жермонъ, человекъ совершенно *распустной*» — Чтенія для вкуса 1791, IV. 117 и 119. «Среди тридцати жертвъ *распуства*» — ib. 117, II. 180. Срв. правильно, какъ нынѣ, ib. IV. 144. *Ошибъ* вм. *зашибъ*, *ушибъ* и под.: «Розина притворилась, будто *ошибъ* ее обморокъ» — Чтенія для вкуса... 1791, IV. 126. Хотя вообще мы нынѣ такъ не говоримъ, а иначе: «Розина притворилась, будто *упала въ обморокъ*» или «ее охватилъ, постигъ обморокъ» и под. *Работная* вм. мастерская: «Художникъ получилъ отвращеніе отъ своего ремесла, мастеръ — отъ своей *работной*» — Чт. для вкуса... 1791, ч. IV. 143. *Племянка* вм. племянница: «Но какъ моя *племянка* до безумія въ тебя влюблена, то не можешь ли найти способа *отнять* всѣ ея *сомнѣнія*» — Чт. для вкуса... 1791, IV. 128. Срв. 127: *племянница* (вм. «*отнять* сомнѣнія» нынѣ: «уничтожить»). *Достоверность* (во мн. ч.) вм. вѣроятность: «Двѣ *достоверности* стоятъ больше одной» ib. 128. *Обнаруживаніе* вм. обнаруженіе: «Благодарю природѣ, что она умѣла произвести до безконечности различныя секреты къ своему *обнаруживанію*» — Чтеніе для вкуса... 1791, II. 4. (Въ этомъ случаѣ нынѣ: «*проявленію*»). *Безпорядки* (во мн. ч.) вм. разстройства, нестроенія, несчастія и под. (срв. франц. les désordres): «Просить у нихъ прощенія, открыть имъ всѣ обстоятельства своихъ *безпорядковъ*» — Чт. 1791, IV. 140.

- 4) Въ области нарѣчій и нарѣчныхъ выраженій отмѣтимъ прежде всего замѣчаніе Сумарокова, высказанное имъ въ «Епистолѣ о русскомъ языкѣ» 1748 года:

«Коль *еще*, *точію* обычай истребилъ,
Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводишь?»

Это замѣчаніе Сумарокова какъ нельзя болѣе говоритъ намъ о движеніи литературнаго языка ко времени половины

XVIII вѣка. И, дѣйствительно, языкъ времени Петра Великаго и всего XVIII-го вѣка еще пестрѣлъ такими словами, какъ: *аще, тако, тамо, оныи, зто, ибо, сей, дондеже, понеже, того для, чего для, того ради, наки, паче, егда, обаче, ниже, токмо, точію, еже, коьми паче, яко, кутно, сирѣчь, толь, коль, сколь, наипаче, елико, такожде, инако, сичевый* и проч. под., но нынѣ изъ всѣхъ этихъ словъ мы уже не видимъ ни одного въ изящной литературѣ. Не употребляемъ мы также выраженій: *въ разсужденіи чего* = относительно, *единожды, одиожды* = однажды. Екатерина II-ая пишетъ: «Она швырнувъ *одиожды* въ меня молитвенникомъ». Въ Соб. л. р. сл. 1783, I. 16: «не *одиожды* уже и въ каминъ кинуть хотѣла». Въ письмѣ Озерова къ Жуковскому 29 янв. 1810 г. изъ Краснаго Яра читаемъ еще: «Случай же дѣлать добро встрѣчается только *одиожды* въ годъ». Въ Моск. Меркур. 1803, ч. I. 6: «Овладѣвъ *едиожды* полемъ литературы». (См. Шахматовъ, Отч. о присужд. Ломонос. преміи въ 1897 году. Сборникъ Т. 66, № 2. 38); *довольно* = достаточно; *юраздо* = очень, въ надлежащей мѣрѣ; *противу* = противъ и под. Напр., прежде писали: «*колько* лишнихъ отставлено, *колько* здравыхъ и нужнѣйшихъ прибыло вновь!»—Оеоф. Прокоповичъ, Слово въ день рожденія в. к. Петра Петровича 1716 г. (Сл. *коликій* въ Аонидахъ 1797, II. на конч. благовѣ., *только* въ Чт. для вкуса 1793, IX. 4: «*только* разныхъ предметовъ»). «*Ниже* бо на самомъ *точію* кораблей зданіи держати очи и мысли намъ довѣсть»... ib. «*Аще* я самое то зрѣти безъ удивленія не можемъ»... ib. «*Обаче* здѣ единымъ ихъ *точію*, *яко* же рѣхъ, воспоминаніемъ *удоволяемся*»... «*всей толикой* славѣ основаніе есть *регула* (= правило) воинская»... «*аще* бы и не присутствовалъ *тамо*»... ib. (*Тамо* въ Живоп. 1772, II. 393). Игн: «*И того ради* и отъ обидниковъ *вельми* надлежитъ ихъ охранити»... «Чтобъ не *токмо* иночинцы»... «*И сего ради аще* не учинить о *семъ предѣла*»... «*понеже* безъ купечества никакое не *токмо* великое, но и малое царство стоять не можетъ»... Посошковъ, О скуд. и бог. 1724 г. (сл. *токмо* въ Живоп. 1772, II. 393, въ Чт. для вк. 1792, VIII. 36, 1793, IX. 3,

В. Евр. 1803, VIII. 68), «*паче для прикладовъ наследникамъ*»—Татищевъ, Исторія российская 1768—69. «И для *того* всякое знаніе хулять»... Кантемиръ¹⁾, На зав. и горд. дворянъ 1729. «Обращается въ низъ *наки*»—Тредьяковский, Предъязъясненіе объ иронической пимѣ 1766. «Подъяческа душа *юраздо* хороша»... Сумароковъ, въ баснѣ «Протокогъ». «*Гораздо* превосходить тѣ бѣдствія»—Чт. для вк. 1793, X. 4, «но онъ *юраздо* умножень»—Веч. Зар. 1782, I. 3, «роскошь *юраздо* увеличилась»—Иппокр. 1799, I. 65 (гораздо = очень уже въ Прикладахъ 1708 г.). Нынѣ слово «гораздо» сочетается только съ формами прил. сравнит. степени. Далѣе *поелику*: «но *поелику* не свѣтитъ въ насъ»—Веч. Зар. 1782, I. 3. «Для чего не подумалъ прежде, что ты дѣлаешь?»—Иппокрена 1800, I. стр. 10. «Не могъ найти тамъ себѣ ночлега, и для *того* поворотилъ лошадей»—Иппокр. 1799, I. 18. Нынѣ: *почему* и *потому* въ такихъ случаяхъ. У Пушкина въ 1834 году въ письмѣ къ женѣ находимъ: «На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ *противу* меня»... Письмо писано въ концѣ юнл. *Противу* читаемъ въ Моск. Журнал. 1791. I. 8, Сѣв. Вѣстн. 1804, III. 121, Чт. для вк. 1791, IV. 133. *Позади* читаемъ у Ершова въ сказкѣ «Конекъ Горбунокъ»: «Онъ стоитъ *позади* забора». Сл. также Соб. люб. р. сл. 1784, XIII. 10: *отричь*. «Камилла вышла *напоследки*»—Пр. и пол. препр. вр. 1794, I. 27; «и свѣтъ *скрозъ* вѣтвей чуть блисталъ»—Соб. люб. 1783, I. 31. Нынѣшнее нарѣчіе *слишкомъ* прежде употреблялось въ такомъ видѣ: «съ *лишкомъ*»; «разгорячившагося съ *лишкомъ* борца»—СПб. Вѣстн. 1778, 1-ое полуг. I. 225, II. 247. Слово *нѣсколько* (съ род. и. количества) допускало употребленіе предлога *съ* передъ собой: «въ полной позитурѣ ходятъ *нѣсколько* времени кругомъ» ib. 225—6. Наше слово «опоздать» при отсутствіи нынѣ слова «поздній» осмысливается бывшимъ въ литературѣ прежде словомъ «*поздо*»: «Рѣдкой домъ найдешь, гдѣ бы

1) Примеры для выраженія для *того* приведены выше на стр. 68—69. Ср. еще «и для *того* не беспокоится»—Чт. для вкуса 1792, VII. 194, «имя же Зари дали мы для *того*, что во время сіянія»—Веч. Заря 1782, I. 2, «ахъ для *чего* не могъ я быть при концѣ твоемъ»—Агглы 1794, I. 18.

вставали *прежде*, ремесленники даже начинаютъ работать очень *поздо*—Моск. Меркур. 1803, I. 23. Здѣсь видно, что и слово *прежде* имѣло этимологическое значеніе «раньше».

Скажемъ наконецъ еще нѣсколько словъ объ удареніи, замѣчаемомъ у поэтовъ того времени въ нѣкоторыхъ словахъ: очень часто колеблутся *становится* и *становится*. Первое у Измайлова I. 156, второе часто у Крылова и друг. *Обоизъ* — у Ломоносова, у Дмитріева *ib.* (Ермакъ). *Идутъ*, *воротѣ*:

Идутъ на широкій дворъ
Въ воротѣ тесовы.—Свѣтлана. Жуковского.

Срв. *идетъ* въ Моск. Журн. 1791, II. Ода къ Эвтерпѣ, стр. 4. *Пройдетъ*: «Да *пройдетъ* страшный жребій мимо»—Жуковский, Пѣсня матери надъ колыбелью ея сына. Бум. *ib.* № 14. Срв. въ народѣ: *найдетъ* и под. (См. нашъ «Опытъ». III вып. При глаголѣ: «идти»—у Пушкина). *Сносите* (срв. «сносный»):

«Во всей природѣ мы лишь двое:
Страданье *сносите* двоимъ». Жуков. *ib.*

Такъ же въ журн. Живописецъ—1772 г. II. 334. Сатира Гоало. *Сестры* вм. *сѣстры*—им. п. мн. ч.: «Супруга, мать, *сестры* тебя всечасно ждуть»—Аониды 1798—1799, III. Элегія. Срв. у Пушкина: «сестрами» — тв. п. мн. ч. и друг. (Опытъ I). *Явится* вм. *явится*. Срв. неопр. н. *явится*: «Когдажъ глазамъ его *явится* блескъ искусства» *ib.* Протей. У Пушкина тоже. *Возьметъ*: «Щастья *возьметъ* свой покой»—Моск. Журн. 1791, II. 5. Срв. *приметь*, *сниметь* и друг. (См. нашъ «Опытъ» III вып.). *Тронуть* у Крылова, у Дмитріева и др. Ср. въ Моск. Журналѣ 1792, ч. V. 7: «Уже не могутъ разговоры, голосъ твой меня *тронуть*» *Крыльце* вм. *крыльцо* (слово «крыльцо» имѣетъ и форму муж. р. «крылецъ»): «У твоихъ воротъ и *крылецъ*»—Моск. Журн. 1791, II. 5. У народа до сихъ поръ извѣстны формы: *крыльце* и *крылецъ* (входъ, покрытый навѣсомъ). *Трудится* и *трѹдится*: первое часто у Крылова; срв. *трудится*, *тужусь* и проч. Второе — подъ влияніемъ «трудъ» и под. Срв. *натрудить* и под. «Художникъ нашъ взялъ кисть, старается, *трудится*»—Моск. Журн. 1792, VIII. 7.

Крамола и крамола: первое и донынѣ извѣстно кое-гдѣ, по преимуществу, у семинаристовъ:

«...Орлинымъ онъ щитомъ
Отъяты *крамолой* наслѣдственны короны
Отъ вражьиxъ силъ закрывъ»...

Сѣверн. Вѣстникъ 1804, II. 228. У Державина: *крамолами* — I. 331. *Доводы и доводы*: «И музъ, друзей хвала, *доводы* суть велики» ib. 229 (Сѣверн. Вѣстн. 1804, II). Срв. *заводы, приводы*, но конечно, *выводы*, (См. объ удареніи представка *вы-*сравнительно съ прочими въ нашемъ «Опытѣ» вып. III. Глаголь). *Каменья и каменья*: «И *каменья* блестятъ въ завистниковыхъ взорахъ» — Живоп. 1772, II. 336. Срв. собирает. *камене* и *камень* и проч. *Вѣтрило и вѣтрило*:

«Уже безъ *вѣтрил*, безъ кормила,
По безднамъ буря насъ носила». Аглая. 1794 г. I. Стр. 25.

Характерно, что въ этомъ стихѣ удареніе *вѣтрил* поставлено въ самомъ журналѣ (Аглая 1794, I. 25) и при этомъ сдѣлано примѣчаніе слѣдующаго рода: «Нѣкоторые изъ нашихъ стихотворцевъ въ словѣ *вѣтрила* дѣлаютъ удареніе на среднемъ слогѣ; но я ссылаюсь на всѣ церковныя книги». Этимъ фактомъ подтверждается не разъ уже нами высказанное предположеніе по поводу отдѣльныхъ случаевъ формальныхъ особенностей, лексическихъ и тоническихъ въ словахъ нашего литературнаго языка, предположеніе о вліяніи въ разнообразныхъ видахъ на нашъ литературный языкъ и церковной книги съ ея проставленными удареніями, и произношенія духовенства, семинарской среды писателя и проч. (См. мои соч. о языкѣ Пушкина въ Ж. М. Н. Пр., о языкѣ Гоголя — тамъ же и друг.).

Мы постарались пропустить передъ своимъ умственнымъ взоромъ русскій литературный языкъ во всемъ его составѣ за время отъ Петра Великаго почти до нашихъ дней; опредѣливъ его составъ ко времени Петра, мы слѣдили за далыѣйшимъ его движеніемъ и можемъ теперь сказать, что направленіе его не всегда было прямолинейнымъ: отклоненія мы наблюдали въ разныя стороны, но эти отклоненія отводили языкъ не далеко и не на долгое

время отъ русла русской народной рѣчи. Если бы мы имѣли возможность въ качествѣ матеріала для исторіи новѣйшаго русскаго литературнаго языка использовать языкъ отдѣльных новѣйшихъ нашихъ писателей: Печерскаго, Л. Толстого, В. Короленка, М. Горькаго и др., то увидѣли бы, что нашъ литературный языкъ побѣдоносно вынесъ всѣ невзгоды и послѣ долгихъ колебаній возвратился къ своему народу, отъ котораго онъ и пошелъ, какъ мы видѣли еще въ XIV—XV-мъ вѣкѣ, но возвратился съ богатымъ опытомъ жизни, съ новыми нажитыми приобрѣтеніями, готовый служить новымъ потребностямъ своего многомилліоннаго народа, нисколько не извращая его національности, а обнаруживая въ ней все болѣе цѣнныя внутреннія силы. Мы постарались использовать тотъ рукописный и печатный матеріалъ, извлеченный нами изъ книгохранилищъ Петербурга, который мы успѣли собрать. Изъ обозрѣннаго матеріала мы можемъ заключить, что въ XVIII—XIX вѣкѣ передъ нами, строго говоря, раскрылся совсѣмъ *иной* языкъ русской литературы, чѣмъ современный: это особенно выяснилось въ послѣднемъ отдѣлѣ, гдѣ мы разсмотрѣли лексическій составъ языка съ точки зрѣнія строенія словъ, значенія ихъ и фразеологіи или синтаксиса. Многое въ языкѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы старались каждый разъ указывать въ отдѣльныхъ случаяхъ, — исчезло и погибло, многое измѣнилось въ морфологической структурѣ, такъ что весь обликъ литературнаго нашего языка измѣнился и обновился въ теченіе XIX-го вѣка. Въ предыдущемъ мы видѣли: 1) совпаденіе произношеній интеллигенціи и народа (вѣны, румѣны и пр.), 2) совпаденіе произношеній интеллигенціи съ церковнымъ произношеніемъ (идѣтъ, огражденіе и пр.), 3) традицію церковно-книжную (ея), 4) традицію русско-книжнаго языка (объемлетъ, дома), 5) иностранный элементъ безъ его приспособленія къ условіямъ русской жизни (беру участие, матрозы, контролеръ), 6) иностранный элементъ въ его приспособленномъ къ условіямъ русской жизни видѣ («въ доминѣ», мѣбели, квартера), 7) народный разговорный элементъ въ его чистомъ видѣ (ремѣнный, щечить и т. д.). Кроме того, намъ уяснилась степень вліянія отдѣльныхъ писателей на литературную рѣчь — опыты писателей, ихъ неологизмы. Изъ этого перечисленія итоговъ нашего изслѣдованія мы видимъ, что русскій литературный языкъ въ XVIII вѣкѣ конструировался, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ, и при сравненіи русскаго литературнаго языка XVIII вѣка до начала XIX-го съ русскимъ языкомъ XIX-го вѣка до его конца ясно видно, до какой степени окрѣпъ и установился языкъ русской литературы за послѣднія три четверти XIX-го вѣка: какъ будто все въ немъ нашло свое мѣсто, и писать или заговорить теперь языкомъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка было бы совершенно дико и невозможно; такъ современ-

ный языкъ отошелъ въ короткое сравнительно время отъ прошлаго, и такъ приняло въ немъ все окрѣпшую форму. Наконецъ, мы видѣли также, въ какомъ отношеніи къ нашему языку стояла въ разное время наша орфографія— историческая фізіономія судебъ русскаго письменнаго языка; орфографія эта то помогала намъ узнавать отголоски старыхъ звуковъ живой рѣчи, то оставляла насъ въ безпомощномъ состояніи, отдаляя насъ отъ живыхъ людей. Языкъ значительно опередилъ орфографію, и мы уже видѣли, на какой стадіи своего приближенія къ живому звуку орфографія остановилась, не двигаясь съ мѣста. Въ современномъ ея состояніи окаменѣлъ отдаленный отъ насъ обликъ живого русскаго языка: въ этомъ есть много цѣннаго для историка языка, но есть и много такого, что не имѣетъ никакой цѣны съ точки зрѣнія *практическихъ* потребностей нашей страны, въ которой грамотность еще не достаточно развита, и потребности которой въ этомъ отношеніи могли бы быть удовлетворены скорѣе, если бы орфографія опять приблизилась къ живому звуку разговорной рѣчи. Кто имѣетъ въ виду не только научные теоретическіе интересы, но и потребности практической жизни, тотъ не можетъ не сочувствовать дѣлу упрощенія современной отсталой орфографіи. Мы должны также замѣтить, что нашъ языкъ опередилъ не только орфографію, но и наши книги по грамматикѣ р. языка, т.-е. наши свѣды грамматическихъ фактовъ, такъ называемые «учебники грамматики русскаго языка». Во всѣхъ подобныхъ книгахъ русскій языкъ представленъ еще въ томъ старомъ видѣ, въ какомъ онъ представлялся до начала новаго изученія на исторической почвѣ; въ нихъ смѣшанъ языкъ съ правописаніемъ, факты языка различныхъ эпохъ, и даже не выдѣленъ церковно-славянскій элементъ. Все это требуетъ еще усиленной и общей работы новыхъ языковѣдовъ. Эта работа тѣмъ болѣе настоятельна, что историку нашего языка ясно видна его внутренняя жизнь, его сила движенія, и потому ясна и отсталость учебниковъ и общественныхъ воззрѣній на русскій языкъ. Мы можемъ закончить свое обзорѣніе исторіи русскаго литературнаго языка словами Макарова: «Удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такого чуда не бывало отъ начала свѣта... Придетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ старъ» («Моск. Меркурій» 1803 г. Декабрь. «Критика на книгу Шляшкова о старомъ и новомъ слогѣ русскаго языка»). Если читатель нашей статьи согласится съ приведеннымъ утвержденіемъ Макарова, то основная цѣль нашего обзорѣнія русскаго литературнаго языка въ его исторіи достигнута.

Изъ литературы предмета:

- Письма и бумаги Петра Великаго. Тт. I, II и IV. СПб. 1887, 1889 и 1900 гг.
- Письма Петра Великаго къ Б. П. Шереметеву. М. 1774 г.
- Сочиненія Г. Р. Державина. Изд. Академіи Наукъ. СПб. 1864—1883 г. Тома I—IX. Съ примѣчаніями ак. Я. К. Грота. (Особенно IX-й томъ: «Языкъ Державина»).
- Сочиненія М. В. Ломоносова. Изд. Академіи Наукъ. СПб. 1891—1902 г. Тома I—V. Съ примѣчаніями ак. М. И. Сухомлинова.
- Сочиненія имп. Екатерины II-ой. Изд. Ак. Наукъ. СПб. 1901—1903 г. Тома: I, II, III, IV, VII, VIII, IX, X—1901 г. Томъ V-й 1903 г. Съ примѣчаніями ак. А. Н. Пыпина.
- Карамзинъ, Исторія государства російскаго. Изд. Эйнерлинга СПб. 1842.
- Гоголь, Сочиненія. Ред. Н. С. Тихонравова (и Шенрока). Т. I—VII. Изд. 10-е. М. 1889—СПб. 1896 г.
- Лѣтописи русской литературы и древности. Ред. Н. С. Тихонравова. кн. III. М. 1859.
- Пекарскій: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ». СПб. 1862 г. Т. I—II.
- С. К. Буличъ: «Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи». Т. I. СПб. 1906.
- С. К. Буличъ: «Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ». СПб. 1893 г. (Разборъ книги см. въ Учен. Зап. Каз. Унив. или отдѣльно Каз. 1894 г. статья Е. Θ. Будде).
- Я. К. Гротъ: Филологическія разысканія. СПб. 1899 г. 4-е изд.
- Житецкій: «Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII вѣкѣ». Изв. отд. р. яз. и слов. Академіи Наукъ. 1903. VIII. 2.
- Его-же: «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка». Журн. М. Н. Пр. 1898 г. № 3, а также: 1899 г. № 5.
- Е. Θ. Будде: «Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка». Ж. М. Н. Пр. 1901. № 2.
- Е. Θ. Будде: «Изъ исторіи русскаго языка». Изв. отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ 1897 г. III. кн. 3.
- Е. Θ. Будде: «Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина». Вып. I, II и III-й. СПб. 1901, 1902 и 1904 гг.
- Е. Θ. Будде: «Значеніе Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка». Ж. М. Н. Пр. 1902. № 7.
- А. И. Соболевскій: «Западное вліяніе на русскую литературу въ XV—XVII в. СПб. 1899 г. (См. ст. Перетца въ Изв. Ак. Н. 1899 г.).
- А. И. Соболевскій: «Изъ исторіи русскаго языка». Ж. М. Н. Пр. 1897. № 11.
- А. И. Соболевскій: «Лекціи по исторіи русскаго языка». Изд. 3-е. М. 1903. 2-е изд. СПб. 1891. 1-е изд. Кіевъ. 1888 г.
- И. В. Ягичъ: «Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка». СПб. 1889. (По поводу «Лекцій» А. И. Соболевскаго).
- А. А. Шахматовъ: «Русскій языкъ». Энци. Словарь Брокгауза и Ефрона. Томъ: «Россія».
- Его-же: «Исслѣдованія въ области русской фонетики». Варшава 1893.
- Его-же: «Изъ исторіи звуковъ русскаго языка». СПб. 1903.
- Его-же: «Исслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV вѣка». СПб. 1903.
- М. Г. Халанскій: «Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка». «I. О Присловьяхъ: -стами, -ста, -сте и -су (са)». Изв. отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ. 1899 г. IV. кн. 1.
- Ф. Θ. Фортунатовъ: «О залогахъ русскаго глагола». Изв. Ак. Н. 1899 г. IV. кн. 1.

- Е. Θ. Будде: «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій». Варш. 1892.
 Его-же: «Объ источникахъ для исторіи р. языка и о методахъ изученія ихъ». Учен. Зап. Каз. Унив. 1893 г.
 Его-же: «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ». Каз. 1896. (См. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 году. Ст. А. А. Шахматова. Сборникъ отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ. Т. 66. № 2. СПб. 1898 года).
 Его-же: «Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи». 1899 г. Въ «Юбил. Сборникъ въ честь В. Θ. Миллера». М. 1900.
 Его-же: «О говорахъ Тульской и Орлов. губерній». СПб. 1904 г.
 Его-же: «Къ учению о синтаксисѣ простаго предложения». СПб. 1894. Ж. М. Н. Пр. 1894. № 4.
 Его-же: «Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ». Русск. Школа. 1901. № 3.

По вопросу объ *ореографіи* послѣ статей Я. К. Грота («Фил. Раз.») въ послѣднее время возникла цѣлая литература, въ которой самыя цѣнныя вклады принадлежатъ членамъ Моск. Педагогич. Общества, состоящаго при Моск. Университетѣ, и отдѣльнымъ ученымъ: Р. Θ. Брандту, Θ. Е. Коршу, Сакулину, В. И. Чернышеву, А. И. Томсону, А. С. Будиловичу и друг. Статьи эти помѣщены въ различныхъ журналахъ и періодич. изданіяхъ: въ Изв. Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ, въ Ж. М. Н. Пр., въ Вѣсти. Европы, въ Фил. Зап., въ Трудахъ Ист.-Фил. Общества при Новорос. Университетѣ и друг. Принципы новой «упрощенной» русскаго *ореографіи* изложены въ «Предварительномъ Сообщеніи *ореографической* подкомиссіи» при Академіи Наукъ. СПб. 1904 г. Приложение этихъ принциповъ см. у Бодуэна-де-Куртене въ его статьѣ: «О транскрипціи польскихъ местныхъ названій». (Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1905 г. «На правахъ рукописи»). Укажемъ еще на слѣдующія важныя пособія:

- А. Потебня: Изъ записокъ по русскаго грамматикѣ. 2 тома. 1869 и 1899 г. 2-е изд. Харьковъ.
 Θ. Буслаевъ: Историческая грамматика рус. языка. Москв. 1875. 4-е изд. 2 тома. (I. Этимологія. II. Синтаксисъ).
 Р. Брандтъ: Лекціи по исторической грамматикѣ р. языка. I. Фонетика. М. 1892.
 В. Богородицкій: Курсъ русскаго грамматикѣ. I. Фонетика. Каз. 1887.
 Его-же: Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Каз. 1901.
 В. Богородицкій: Общій курсъ русскаго грамматикѣ. Изъ университетскихъ чтеній. Каз. 1904. (Рецензія Е. Θ. Будде въ Извѣстіяхъ рус. яз. и слов. Академіи Наукъ. Томъ X, кн. 1. СПб. 1905 г.).
 Е. Будде: Учебникъ грамматикѣ рус. языка. I. Этимологія. 2-е изд. Каз. 1902.
 Н. П. Некрасовъ: О замѣнительныхъ падежахъ: родительномъ и винительномъ въ современномъ русскомъ языкѣ. Изв. отд. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ. Т. X. кн. 2. СПб. 1905.
 Л. Л. Васильевъ: Къ исторіи звука ѣ въ московскомъ говорѣ въ XIV—XVII вѣкахъ. Изв. отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ. Т. X. кн. 2. СПб. 1905.
 N. Durnovo: Die grossrussische Dialektologie in den letzten fünf Jahren (1897—1901). Archiv für al. Philologie. Bd. XXVII. Erstes Heft. Berlin 1905.

Здѣсь упомянуты только тѣ труды, которыми авторъ пользовался въ той или другой мѣрѣ при составленіи настоящей работы. Но здѣсь не перечислены старыя журналы и автографы или бумаги нашихъ писателей, служившія матеріалами для изслѣдованія автора.

Профессоръ Каз. Университета

Евгеній Будде.

Stanford University Libraries
3 6105 012 274 010

PG19
E5
f
V.12

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

MAY 23 1996	28D OCT 2 1996
28D JUN 25 1996	28D NOV 20 1996
JUN 27 1996	DEC 1 1996
28D JUL 25 1996	DEC 1 1996
28D AUG 22 1996	
28D SEP 21 1996	

